

С М Ы С Л О В Е Д Е Н И Е

ГЕЛИКОН
ПЛЮС

Александр Миронов

**ИСТИННОЙ
ИСТОРИИ
ИСТОКИ,**

или

История как достоверный прообраз
настоящего и будущего

Санкт-Петербург
Геликон Плюс
2008

УДК 800:27.247
ББК 81+86.37
М64

Автор выражает признательность за вольную и невольную помощь, оказанную ему при создании книги:

Миронову Николаю Поликарповичу
Мироновой Ольге Николаевне
Носачёву Алексею Александровичу
Петрову Вадиму Вадимовичу
Петрову Михаилу Кирилловичу
Ткаченко Алексею Константиновичу
Трегубцу Евгению Васильевичу

Миронов А. Н.

М64 Истинной истории истоки, или История как достоверный прообраз настоящего и будущего. СПб., Геликон Плюс, 2008. — 267 с.
ISBN 978-5-93682-512-5

Зачем или для чего писалась настоящая книга? Неужели автор всерьез собрался стать родоначальником объективной истории? С одной стороны, он, конечно, осознает всю сложность задачи, взятой им на себя, с другой — он вполне себя же ограничивает рамками рассматриваемых конкретных исторических событий. То есть он прискивает, впрочем, и находит свой, весьма оригинальный метод («Смысло-логический анализ») и одновременно формулирует принцип исторического исследования — принцип «Сущностного восприятия слова», на котором уже уверенно строит плацдарм объективного восприятия истории. Иначе говоря, выделяя исторически значимые и одновременно достоверные тексты (непрерывно в прямом изложении их авторов), он выделяет с их помощью своего рода ключевую смысловую суть, строго вытекающую из обобщенного словарного значения слов родной речи. Найденное историческое смысловое звено и становится уникальным средством обретения искомой объективности восприятия всего исторического предмета.

ISBN 978-5-93682-512-5

УДК 800:27.247

ББК 81+86.37

© А. Н. Миронов, 2008
© Геликон Плюс, 2008

Предисловие

В истории важны не сами события, в ней важен рассказ о них... Его качество и образует искомую суть.

О чем таком новом сообщает настоящая книга и вообще: зачем она читателю? Конечно, глупо спорить, что именно история наряду с литературой как раз и формируют из ребенка личность, гражданина. Иначе говоря, именно качества названных предметов и определяют качество самого человека, его суть. Другими словами, каковы они, таковы и граждане, и другого ничего не дано. Поэтому переоценить роль и значение исторической науки как ключевого средства формирования, скажем, патриота нашего Отечества нам очевидно нельзя. С другой стороны, мы все знаем какую историю, скажем России, нам преподносят, например, в средней школе. Иначе говоря, этот предмет отличается от большинства других крайней ангажированностью со стороны всех власть предержащих. Или история нашего Отечества отличается заметной субъективностью, а значит, она является лишь имитацией подлинного учебного предмета. А что же происходит с этим вопросом за границей? В Западной Европе, в частности, имеет место крен в сторону непосредственного изучения содержания имеющихся в наличии исторических документов. Возможно ли подобное в России? Вряд ли. Почему? А потому, что с документами, с доступом к ним имеются порой непреодолимые трудности, а значит, и учить по ним скоро не придется. И потом, сами известные документы, вероятно, страдают недостоверностью по отношению к когда-то происходившим событиям. Почему так? Да

традиция «лакировки» действительности в России, как говорится, не вчера родилась. Но давайте на минуточку спросим самих себя: а что означает слово *история* само по себе? Кто-то, вероятно, заявит, что это закономерное поступательное развитие действительности или, скажем, наука о развитии человеческого общества. Что ж, ответ засчитывается. Но может ли он удовлетворить по существу? Вряд ли. Почему? А потому, что слишком «гладко» все, с одной стороны, будет. Ведь мы все знаем об истории России, например, по В. О. Ключевскому, Н. М. Карамзину, С. М. Соловьеву или С. Ф. Платонову. А ныне кто и что о том же самом предмете пишет? И стоит ли их и вообще упоминать? Да, кто-то, возможно, скажет, что история нашего Отечества как раз и состоит из многих и многих точек зрения, которые сообщая и описывая себе вполне внятно *закономерное поступательное развитие российской действительности*. С другой стороны, разве часто названные выше точки зрения не исключают друг друга? Ежели это так, то как же тогда *подлинное*, как же его-то познать, когда оно минуло или кануло в Лету? И потом, одних фактов явно маловато будет, а значит, потребуются еще и квалифицированный комментарий к ним. Причем последний должен обладать заметной устойчивостью во времени, чтобы в будущем не превращаться в посмешище. Поэтому, по мнению автора настоящего издания, следует сначала все-таки уточнить смысл слова *история*. Вот как он делает это в своей книге «Связующая смысла суть» (СПб.: Геликон Плюс, 2006): «Впрочем, пора ответить и на вопрос о подлинном значении слова „история“. Для этого уже по привычке возьмем в руки, например, Историко-этимологический словарь современного русского языка П. Я. Черных. В нем находим такое: закономерное поступательное развитие действительности; наука о развитии человеческого общества; наука, изучающая развитие какой-либо области природы, культуры, знания; повествование, рассказ; происшествие, приключение, случай. В качестве же языкового первоисточника словарь указывает нам дополнительно на еще то, что исследуемое слово „история“ происходит из греческого языка, в котором оно означало „расспрашивание“, „расспросы“, „исследование“, „повествование“, „наука“. Таким образом, обобщая приведенное выше, мы вполне можем допустить, что история есть, во-первых, процесс развертывания некоторого содержания; во-вторых, она же есть своего рода демонстрация изменения наличного содержания

внутри названного выше процесса его развертывания; в-третьих, она также является своего рода наукой о науке или она же претендует на процесс обобщения всех уже имеющихся обобщений. Но тогда получается, что сама история — это знание о развитии кого-чего-либо или это процесс развертывания имеющегося содержания посредством демонстрации соответствующего ему же процесса изменения его составляющих, осуществляемый при помощи непрерывного процесса обобщения уже состоявшихся обобщений».

Да, последнее определение весьма непривычно и трудно в реализации. Но ведь описывать достоверно и убедительно, скажем, настоящее время разве легко будет? А ушедшее время даже собственной жизни каждый из нас разве сможет описать строго адекватно? Но, может быть, подобное и невозможно будет в принципе? Вот и выходит, что этому делу, как минимум, *следует учиться*. А есть ли у нас для этого добротные учителя? Вероятно, что есть. Впрочем, их еще придется поискать, а также придется познать дополнительно и средства для самого названного поиска.

Спросим себя: почему все известные учебники истории лукавы? Неужели история правдивая или объективная невозможна в принципе и вполне человеку грешному (пристрастному) заказана? И что в исторической науке самое важное или главное? Или в чем ее суть? Да и в самом деле, ежели все факты истории историку недоступны, то и результат его исследования будет всегда неизбежно урезанным, что ли? А значит, и цена сему продукту будет неизбежно невелика? И потом, разве история как объективная наука не дает совсем достоверный (сбывающийся) прогноз на будущее? Ежели нет, то разве ее восприятие когда-то уже случившихся событий верным будет? А кроме того, историк способен ли сам по себе к адекватной оценке событий настоящего времени? Если нет, то разве он способен будет понимать уже ушедшее или вполне неизменное время? Если противоречие есть способ отыскания истины, то, может быть, единственным способом познания объективной истории должно стать сопоставление описаний одних и тех же событий разными историками? С другой стороны, само противоречие разве исчерпывает собой случай спора разных заблуждений на счет одного и того же подлинного события? И как в таком случае определяется сама названная выше подлинность

известного события? Нужна ли идейная мировоззренческая точка отсчета для восприятия исторических фактов и как достичь в ней самой хотя бы некоторого подобия объективности? Но, может быть, следует опереться на достоверные высказывания влиятельных исторических лиц? Причем сделать это строго по сохранившимся архивным документам и в соответствии с принципом «сущностного восприятия слова»? А что есть такое названный выше принцип, из чего он состоит и как возникает, и почему, собственно, он может дать нами искомое?

Во-первых, по мнению автора настоящей работы, всякое *добровольное* слово как некий специфический образ, замысел или план всегда предшествует действию (поступку). Иначе говоря, осознанных действий вне их образов (рисунков, наконец, планов или замыслов) не бывает, а значит, действия всегда следуют в след возникновения в сознании их же смысла. Поэтому-то, если говорить об истории, то в ней всегда *некие совокупные идеи приводят к власти конкретное сознание, через которое впоследствии и реализуют себя в социальной сфере через конкретные исторические факты*. Теперь, следует также осознать то обстоятельство, что всякое мышление — это не отражение реальности, наоборот, мышление — это сама реальность, причем реальность в ее завершенных формах. Процесс же самосознания этой реальности — это процесс познания абсолютной истины. Во-вторых, следует строго иметь в виду, что *только мозаичность значений слова, предложения и текста есть критерий обнаружения их смысло-логического качества, и наоборот, калейдоскопичность или переменчивость их значений прямо и однозначно указывает на отсутствие последнего*. Другими словами, лишь нахождение сочетаемости смыслов слов в отдельном предложении и есть искомое качество. Или: отсутствие в предложении единого совокупного смысла является верным признаком совершенной смысло-логической ошибки. Причем единый смысл никогда не даст повода к законным дополнительным вопросам в рамках законченного предложения. В случае наличия таковых мы имеем верный признак совершения ошибки. Кроме того, сами слова могут сочетаться между собою только в соответствии со своим качеством. Какой-либо произвол здесь неуместен. Само качество слов есть их внутренний смысло-логический продукт, который также не страдает многозначностью. Последняя есть свидетельство отсутствия

в мышлении самого понятия о качестве слова. То есть слово используется без знания его истинного смысла. И наоборот, однозначность значения используемого слова является свидетельством знания его истинного качества.

Но как обрести последнее? Вероятно так. Возьмем за основу следующее допущение: *сущность — это главное в ком-чем-либо*. Чтобы убедиться в справедливости приведенного выше утверждения, рассмотрим сначала все словарные значения слова «сущность». Последние представлены так: внутреннее содержание; как свойства кого-чего-нибудь, открываемые, познаваемые в явлениях. Теперь взглянем на словарные значения слова «сущий». Они выглядят так: имеющийся, существующий; как то, что имеет бытие, что существует; как истинный, подлинный, самый настоящий. Обобщая вышеизложенные значения, мы можем обнаружить, что только последние (истинный, подлинный, самый настоящий) отдаленно приближаются к искомому результату. Остальные значения либо носят частный по отношению к исследуемому понятию характер, либо являются всего лишь его производными. Впрочем, и последние значения также далеки от сути ответа на поставленный вопрос. Ведь они только прячут ответ внутри не менее глубоких и сложных понятий. Так, слово «истинный», несомненно, глубже нами исследуемого слова, так как оно своим смыслом вполне охватывает последнее. Тогда как слова «подлинный» и «самый настоящий», несмотря на кажущуюся уместность, фактически не сопрягаются с искомым значением слова «сущность». Вместе с тем, несмотря на ощущаемую бесконечность глубины значения исследуемого слова, оно может быть найдено и сформулировано. Например, слово «главное» исключает своим значением что-либо более весомое, с одной стороны, а с другой — несет в себе то, без чего исчезает само исследуемое понятие. Поэтому слово «сущность» легко и исчерпывающим образом раскрывает свое значение через названное выше словосочетание. То есть, если все-таки вести речь о методике отыскания сущностного значения всякого слова, тогда возможно предложить следующую последовательность действий: *сначала отыскиваются все доступные словарные значения исследуемого слова. Затем производится их смысловая экспертиза на предмет поиска и изъятия значений, которые внесены в список значений предположительно ошибочно, без соответствующей мотивации. Далее в найденных*

значения ищутся и вычленяются общие словесные компоненты. Затем производится с помощью опять же словаря уточнение значения найденных словесных позиций. Смысловое сложение последних и даст искомый результат. Причем на всех вышеперечисленных этапах особое внимание необходимо обращать на смысловую сочетаемость употребляемых слов. Без достижения последней результатом проводимых изысканий можно всерьез не интересоваться, так как проку все равно не будет.

В современном научном и общественном сознании все еще господствует стереотип, что за речью «можно спрятаться» либо можно сокрыть что-либо. Тогда как *добровольная* речь несет в себе только то, что она содержит, причем она всегда абсолютно адекватна последующим делам ее носителя, поэтому соразмерное ее прочтение есть гарантия познания самих будущих поступков говорящего (пишущего — печатающего), а отсутствие полноты смысла в его словах — это гарантия ее же отсутствия уже в самих действиях *добровольно* взявшего на себя обязательство, так как неполнота — это всегда предпосылка к обману любых ожиданий, то есть важно воспринимать не только сказанное, но и не сказанное как органичное дополнение уже имеющегося смысла до целого. Кроме этого, важно помнить поговорку: «У кого что болит, тот о том и говорит». То есть любое *добровольное* выделение и подчеркивание чего-либо прямо указывает на присущие говорящему пишущему проблему. Например, кто-то предлагает кому-то вести себя честно. Сказанное означает, что говорящее (пишущее) лицо безотчетно подозревает само себя в присущем себе нечестии.

Вся трудность осознающего правоту предложенного подхода состоит в том, чтобы прочесть исследуемый текст вне личного (пристрастного) толкования. Названный прием есть единственная возможность преодоления многих и многих бед, с которыми регулярно сталкиваются люди, пытающиеся трактовать слова друг друга либо по умолчанию пытающиеся что-либо самостоятельно добавлять к уже сказанному (написанному — напечатанному).

Обобщая вышеизложенное, еще раз отметим, что смыслологический анализ речи является исчерпывающим методом выявления ее истинного содержания, а также познания характера ее же будущего воплощения в действительности. Тогда как сущностное восприятие слова — это нахождение такого значения, которое охватывает собою по смыслу как уже все известные,

так и еще пока неизвестные — будущие контекстные (частные) значения изучаемого слова.

Обратим свой взор на эпоху начала XXI века. В 2007 году в России в области исторического знания вдруг возникла дискуссия на тему: какая и почему нам нужна история нашего Отечества? С одной стороны, весьма выпукло и при самой активной поддержке наличных властей сформировалось то мнение, что история России должна быть исполнена как предмет для преподавания подрастающему поколению строго в *позитивистском* ключе, якобы как раз и позволяющем ожидать сплочения всей нации россиян вовне своего Отечества в некий единый социальный монолит. Почему? А потому, что в таком случае с россиян снимается полностью какая-либо вина за наличное положение дел, издержки которого вполне легко относятся на счет многочисленных врагов Отечества. Но зачем нам, спрашивается, такое «счастье»-то надобно? А затем, оказывается, чтобы победить в дальнейшем весь мир в известной конкурентной борьбе и занять в нем самое что ни на есть почетное (господствующее) положение. С другой стороны, возникла та простая ответная историческая мысль, что история России должна преподноситься порастающему поколению строго со всеми основными (как удачными, так и не очень; как законными, так и преступными) деяниями всех ее когда-либо существовавших властей, дабы, может быть, впервые наши соотечественники смогли бы наконец-то сообща сделать самые важные и самые насущные выводы из всего имеющегося исторического наследия, а значит, и осознать наперед, чего делать и что поддерживать впредь уже никак *не стоит*. Что возможно заметить в связи с описанным выше социально-политическим процессом? А прежде всего то, что современная власть тем самым пытается получить посредством внедрения истории *прославления прошлого* России освящение и самой себя, вероятно, по причине ощущаемой ею же изнутри очевидной многим собственной неполной легитимности. А кроме того, видимо, таким незатейливым способом она же пытается вывести саму себя вообще из-под какой-либо серьезной критики. То есть российские власти на глазах у всего мира и на примере навязывания «нового» подхода к изучению истории России в очередной раз пытаются строить утопию. На сей случай — уже **либерально-корпоративную**. Стоит ли говорить о погибельности этого курса для России? Для разумных людей — вряд ли. Но почему? А пото-

му, что выбранное направление предлагает взамен якобы пустых человеческих идеалов ценности так называемых «эффективных людей». Но что же они такое в своей сути? Захват и эксплуатация все возрастающих материальных и людских ресурсов планеты в корыстных целях тысячами «золотых семейств», сложившихся в последние годы в нашей стране, — вот что они такое в самом главном. Иначе говоря, царство изощренной лжи и очевидно мнимого добра (изящного зла) и составляет вполне искомое существо обозначенной выше самой подлой в истории России утопии.

Обобщая сказанное выше, вероятно, всем нам следует осознать следующее. Во-первых, историческое знание как знание *достоверное* является одним из самых важных и самых насущных для формирования гражданского сознания, вполне способного нести *зрелую* ответственность за жизнь Отечества. Во-вторых, никакие попытки *сокрытия* всех ключевых *ошибок* и тяжких *преступлений* российских властей, происходивших в нашем прошлом, не должны более находить себе «убедительных» оправданий. В-третьих, в современном прочтении истории Отечества возможно лишь ясное и строгое отношение к действиям власти, которое должно исходить главным образом из морально-нравственных оценок ее поведения. Иначе говоря, нет, и не может быть честной истории России вне рассказа обо всех *важнейших* решениях властей, а также без соответствующих им морально-нравственных оценок. Поэтому только твердая и настойчивая позиция все еще думающей общественности способна будет не допустить повторения печальных плодов прошлого в будущем нашей страны и народа. Но в чем же именно состоит специфика российской истории, какова ее, как говорится, «изюминка»? Для наиболее наглядного и наиболее краткого примера-пояснения автор настоящего и непростого исследования предлагает своему читателю рассмотреть исключительно российский исторический феномен, который, по его представлению, и даст ответ на сформулированный выше вопрос.

Чекистское дело

Что же это такое — чекистское дело? Кто-то скажет, что это вполне известное дело — дело безопасности нашего Отечества, страны, государства, наконец. Но с другой стороны, само понятие чекиста есть, как говорится, чисто отечественное. Впрочем, кто-то заметит,

что и в других странах обеспечивается безопасность, а значит, нечего мудрить — все ровно так же, как и у нас. Да, обеспечивается, но не совсем, так как у нас. Почему? А потому, что чекист более кого-либо и где-либо служит власти, именно отечественной власти как *исконному праву владения территорией и даже живыми душами подданных*. Конечно, чекист наряду с иностранными коллегами борется с терроризмом, и с коррупцией, и со шпионажем, но все же главное в нем — это *соблюдение воли (интересов) власти*. Но почему? А вот почему. Исторически в России народверял себя целикомно духом своим государю. Иначе говоря, он не заключал с ним общественный договор, он лишь служил первому лицу как *символу своего собственного существования*. Поэтому-то в России никогда не было трепета перед законом как общественным договором между народом и властью. Другими словами, всякий русский человек никогда не понимал римского священного благоговения перед законом как всеобщими правилами общежития. То есть русские люди никогда не принимали душой необходимости соблюдения принятого закона *любой ценой*. Поэтому-то чекист — это, прежде всего, *страж права государя* на управление Россией.

Заключая сие небольшое помышление, следует уяснить, что чекистское дело — это в главном вовсе не защита закона, как думают многие, на самом деле или сущностно — это защита права первого лица на установление им единолично порядка жизни для всего народа России. Плохо ли это для россиян? Вряд ли. Почему? А потому, что тем самым русские люди проявляют свою непреходящую в веках *духовность*, ради одной которой и стоит жить всякому человеку. Иначе говоря, твердая народная вера, что руководитель народа (нации) будет непременно поступать *по совести* и есть сама суть русского бытия. Да, не все руководители России и не во всем соответствовали названному выше народному чаянью, но это все равно никак не отменяет последнее в принципе. А чекистское дело как самое сложное и самое важное из всех существующих дел вблизи власти тому будет порукою.

Вот каково понимание автором настоящей книги сути русского начала. Другими словами, русский дух — это *предельно противоречивый дух*, который только и мог вызывать собой, например, известные исторические потрясения XX века. Какие именно? А хотя

бы события Февральской революции, подготовки и начала Второй мировой войны или августа 1991 года. Вот как раз подробному рассмотрению всего перечисленного выше и будет посвящена настоящая книга. Впрочем, поможет ли она объективно понять ключевые смыслы истории России? Автор полагает, что непременно поможет. Почему? А потому, что в предлагаемых к рассмотрению узлах истории России (Советского Союза) и сосредоточены все насущные вопросы и ответы бытия нашего Отечества. Но в чем, собственно, новационный характер настоящего взгляда на историю вообще? А он в том, что автор книги предлагает изучать историю ретроспективно, то есть он реализует в своей работе постепенный переход в прошлое строго от настоящего, или как бы вспять. Но для чего так? А для того, что именно настоящее как нечто вполне достоверное и позволит стяжать всякому исследователю объективную картину прошлого, которая, в свою очередь, возникнет из известного нам настоящего как его же органическая предпосылка. Другими словами, лишь обнаружение единого потока исторических фактов, содержащего в самом себе непрерывное чередование исторических событий как своего рода цепочки причин и следствий, и даст в конце концов искомый результат. Причем в этом деле необходимо будет строго соотносить смыслы ключевых политических лозунгов той или иной эпохи со смыслами соответствующих им событий. Зачем так-то? А затем, что лишь подобное скрупулезное сопоставление всех базовых идей и дел и позволит обнаружить подлинное или вполне объективное, а значит, позволит познать историю в самой ее сути.

Завершая настоящее предисловие, его автор полагает, что ему удалось заинтересовать своего читателя заявленной темой книги, а значит, его последующие усилия так или иначе сподвигнут в общественном сознании многое из устоявшегося к тому, чтобы наконец-то родилось вполне адекватное (соразмерное подлинному) понимание как значения самого исторического знания, так и его же объективного содержания.

Автор

Вступление в часть первую

Что же происходит в России в 2008 году подлинно существенно? Иначе говоря, что же из творящегося ныне в нашем Отечестве имеет своим истоком совсем недавнее прошлое? Кто-то, возможно, скажет, что сегодня в целом завершается противостояние двух непримиримых мировоззренческих полюсов путем поглощения одного из них другим. Но кто и с кем все-таки вел эту борьбу? С одной стороны, патриоты-государственники во главе с президентом страны, с другой — вполне космополитичная олигархия, родившаяся в 90-х годах XX века. Хорошо, давайте обдумаем последнее утверждение. СССР, потерпев катастрофу в 80-х годах XX века, превратился в Россию и в ряд других независимых государств. Внутри нашего Отечества начались политико-хозяйственные преобразования, вернувшие нашу Родину в эпоху капитализма, прикрытую ныне лукаво модными словами о «рыночной экономике». Так вот, в лице патриотов-государственников мы получили капиталистов-государственников, а в лице олигархов — тех же самых истовых богачей-патриотов. Другими словами, богачи-интернационалисты или космополиты в результате напряженной борьбы в целом потерпели поражение и трансформировались в так называемый «национальный капитал», прикрытый дополнительно участием в нем представителей российского государства. То есть бюрократия России все-таки заставила под угрозой применения насилия возникших совсем недавно новых капиталистов делиться с нею ранее присвоенными «по закону» народными богатствами. Причем сам названный выше процесс имеет выраженную тенденцию в сторону все возрастающего личного обогащения именно российской бюрократии. Иначе говоря, бизнес по-русски — это

когда чиновник весьма успешно заставляет бизнесмена обслуживать его все возрастающие материальные потребности. Но все-таки, как и когда зародилась сия «славная» картина национальной жизни России? Давайте разбираться. Сначала обратим свои взоры на русское культурное сообщество и задумаемся вот над чем. Не является ли «заслугой», скажем, писателей России ныне господствующие нравы, причем не только сегодня пишущих, но и творивших литературу России даже в отдаленном прошлом? И потом, как мы увидим ниже, именно писатели будут лидерами в момент решения судьбы Советской страны на первом и последнем Съезде народных депутатов СССР в 1989 году.

Об ответственности Писателя и литературы

Подлинный писатель более самой истории,
ибо он непременно ее же соавтор...

Что беспокоит автора настоящего текста? Что не дает ему, как говорится, спать спокойно? В ответ кто-то, возможно, скажет, что не надо, мол, в XXI веке изображать возврат мрачного прошлого: пытаться восстанавливать идеологический надзор или цензуру, ведь все равно «поезд прошлого» безвозвратно ушел. Но в том-то и дело, что автора настоящего размышления заботит совсем иное, может быть, даже то, чего еще и не бывало вовсе. Но что же это в таком случае? По предположению автора сего развернутого исследования, писатель обладает самыми фантастическими возможностями для влияния на умы и души людей. Почему? А потому, что с помощью художественных образов как самого эффективного средства воздействия на человека он способен творить если не все, то очень и очень многое. Но тогда писатель, вполне очевидно, становится ответственным за огромные последствия, вызываемые в действительности присущим ему талантом. А что есть ответственность сама по себе? С сущностной точки зрения слово *«ответственность»* означает *свойство сознания к совершению уклоняющегося от чего-то отклика, который, с одной стороны, препятствует нанесению кому-либо ущерба, с другой — не позволяет уходить от воздаяния за уже и не специально нанесенный.* Вместе с тем давным-давно известно, что внутри всякого, в том числе и писательского труда,

происходят порой открытия, оценить которые сразу бывает весьма затруднительным делом. В противном случае, то есть в случае изначального установления определенных табу или рамок, на пути творческого процесса возникают смертельные для него же самого риски, а значит, подобные, скажем, самоограничения начинают его же тормозить. Но, во-первых, нет ли в таких соображениях скрытого лукавства, и во-вторых, а что есть такое само творчество как понятие или само по себе? Да, если *творчество есть акт приближения к истине*, то установление все равно кем каких-либо препятствий на этом пути, конечно же, должно восприниматься всеми как уже недопустимое посягательство на существо самого творчества. Но если речь идет о модном ныне самовыражении ради него же самого, то как быть тогда? Неужели и здесь мы не должны задумываться и не должны сами себя одергивать? Ведь в противном случае мы начинаем для самих себя (а в случае известной нашей же талантливости и не только для себя) вполне погибельную игру, игру уже в пользу многого добра. Последнее же, родившись из нашего самообмана, объективно говоря, становится для многих своего рода изысканным (утонченным) злом, которое, впрочем, ими совсем и не распознается порой как зло, наоборот, оно им даже представляется иногда добром. С другой стороны, кто-то скажет, что ведь существует еще как бы и безобидное или вполне себе «нейтральное» творчество. Другими словами, кто-то заметит, что это будет всего лишь «ни Богу свечка, ни черту кочерга». На это в свою очередь возразим, что ежели оно и так, то и тогда «в полку чертей прибыло». Почему? А потому, что если писатель не ведет читателя к добру, то, как минимум, неявно он же отдает его во власть зла. Иначе говоря, посредством писательства нельзя не вести человека куда-то вообще. Ну таково уж его *объективное* свойство, которое в нем самом как раз наиболее выпукло и представлено. Впрочем, кто-то, вероятно, возразит автору, что ныне под добром понимается лишь одна «голая» выгода, а значит, если все-таки выгодно станет морочить кому-то голову своими, например, литературными опытами, то это и будет добром для самого автора последних. А ежели кто-то, начитавшись их, начнет вдруг дурить (дурнеть), то это уже будет выбор самого конкретного читателя, только его личная проблема. Тогда как автор напечатанных и прочитанных кем-то трудов с легким сердцем «умывает руки», а значит, совершенно снимает с самого себя всякую ответственность за

все происшедшее с его же читателем под действием всего им написанного. Здорово, а? Сам виноват, не надо было доверяться и принимать «за чистую монету» прочитанное. А что, ведь вполне честно сказано, а значит, и справедливо все выходит. Но разве автор не волен был задуматься, о чем он, собственно, пишет, к чему явно или исподволь призывает? В таком случае он лишь освобождает самого себя от запрета «не грешить». Но освобождает разве не для блага свободы творчества? Ведь именно благодаря самому разбираемому нами творчеству писатель и становится таковым и вполне получает за то все ему лично причитающееся. Впрочем, в свою очередь задумаемся уже над природой самого понятия греха. Или попробуем все-таки понять, что он такое сам по себе. Опять же с сущностной точки зрения *грех — это внешнее проявление неодолимого внутреннего дискомфорта личности через выход ее поведения за пределы одобряемого*. То есть грех может иметь самые разные и как бы совсем незаметные проявления. Он может состоять даже, например, в том, что человек просто говорит там, и тогда, и то, что явно следовало бы не произносить или, наоборот, помалкивает там и тогда, где сокрытие личной позиции совсем уж негоже выходит. Другими словами, грех вполне себе многообразен и многолик бывает. В таком случае, видимо, всякий скажет, что от него тогда и писатель никакой не упасется, а значит, и обсуждать сие далее и вовсе глупо станет. В таком случае, может быть, следует зайти, как говорится, с другого боку? С какого? Да, например, со стороны добра. Но сначала уже по привычке определим: а что есть добро как понятие или что есть оно такое в самой своей сути? С сущностной точки зрения *добро — это творение красоты правды, разумной пользы и преображения человека*. Вот и выходит, что без правды, разумной пользы и *необратимого* преображения человека его и нет вовсе! А что же есть тогда? А есть все что угодно, например, законы общежития, взаимовыручки, взаимопомощи, но только нет самого добра. Поэтому и получается, что добро совсем не тетка будет, с ним запросто так и не сговоришься. Но ведь настоящая литература тоже не шутка есть, а значит, понимать и соответствовать сути добра писателю все равно придется! С другой стороны, противники «добренькой» литературы, скорее всего, тут возопят: не надо нас кормить сладкими сказками, ведь жизнь жестока и весьма мрачна на самом деле, а значит, долой проповеди о чистом добре, даешь взамен полную сво-

боду для самовыражения личности писателя, и дело с концом! Что ж, не запрещать же сии речи, в самом деле. Вместе с тем, вероятно, следовало бы сказать и такое. Кто же возражает против суровой правды жизни? Только ведь следует показывать ее не однобоко, с выделением или с предпочтением в ней кого-то или чего-то. Ее следует показывать такой, какой она есть в действительности, без прикрас и без умолчаний. Вот, может быть, тогда и выйдет из-под пера искомая нами правда, и разумная польза случится, и читатель, задумавшись над прочитанным, станет наконец-то на самом деле лучше и чище. Да, такая литература потребует от писателя гораздо более усилий и сердца, а значит, и самой его жизни, нежели этого потребует разного рода литературная фальсификация доподлинно существующего. И в самом деле, разве легко будет всякому ныне пишущему автору описывать вполне обыденное как и вовсе необыденное и при этом совсем-совсем не привирать? Ведь это и будет что ни на есть самый титанический писательский труд. Почему? А потому, что тогда писателю непременно придется вникать в самую суть всех описываемых им подробностей жизни, понимать их по-взрослому или вполне адекватно, а значит, и нести ответственность за достоверность или за соответствие литературного рассказа принципам невыдуманной жизни. И тогда, может быть, читатель сможет увидеть все ему привычное совсем с необычной стороны, сможет задуматься и понять причины торжества пошлости или чарующей одержимости в его собственной жизни, преодолеть инертность собственного мышления или прозреть, наконец. То есть подлинная литература своим исходным или первоначальным значением *образованности или создания смыслов*, самой своей сутью все-таки обязана будет сообщать читателю о действительно насущных проблемах человеческой жизни, но сообщать сие посредством галереи новых и честных художественных образов. Иначе говоря, ни «чернуха», ни «лакировка действительности» не должны иметь места на страницах честной литературы. Она же должна быть свободной от вычурных фантазий, выдаваемых при этом за «чистое искусство». Кроме того, она также должна избегать соединения действительного и мнимого. Почему? А потому, что подобное «творчество» лишь уведит читателя в мир не просто невозможного, но уведит его в мир вредного или разрушительного (погибельного). Впрочем, кто-то опять возразит: а как же все новое, ведь в таком случае литература быстро скончается

или вся испишется? С одной стороны, все вроде бы и так, но с другой — литература лишь освободится от всего мнимого (наносного). Зато через строгое осознание важности своей центральной задачи она сумеет так стать удивительным средством возделывания уже нового человека — *человека духовного*, а может быть, и праведного. Разве это будет плохо? Разве не к этому должны все разумные люди всегда стремиться? Да, всем большим любителям всего отдельного (особого) или собственной самости, конечно же, станет тогда некомфортно. Но что делать? Либо жизнь под давлением последних начнет сдавать свои позиции, окончательно утрачивая свой всеобщий смысл, либо она же их всех «вылечит» от поклонения всему индивидуальному. Ничего другого человечеству, видимо, не дано будет. Другими словами, либо все погибнем, либо все спасены будем.

Теперь некоторые основные соображения о главном средстве стяжания искомого добра через разбираемое литературное творчество. О чем таком идет речь? Она идет, конечно же, о критике. Имеется ли ныне в России удовлетворительное критическое течение мысли? Вряд ли. Почему же так вдруг? А потому, что в нашем Отечестве до сих пор так и не возникло *сущностного критического направления*. Вместо этого мы пока имеем либо эстетическую, либо эмоциональную критику. Названные выше формы мысли, объективно говоря, лишь прикрывают собою некие цеховые (корпоративные) интересы. Но что есть критика с сущностной точки зрения? *Она есть способность к фиксации в наблюдаемом явлении следов присущего ему внутреннего противоречия. Сама же способность к критике — это выраженная способность к различению разного в контексте должно или необходимого*. Иначе говоря, подлинная критика всегда нацелена на выявление в наблюдаемом ею явлении присущего ему основополагающего противоречия, которое делает его же непременно уязвимым и неустойчивым в перспективе. Последнее же всегда выявляется исключительно умозрительным образом, так как предполагает свое обнаружение сугубо через мысленное выделение и соединение в одно внешне никогда не обнаруживаемое свойство. Другими словами, настоящая критика не занята фиксацией и перечислением замеченных в наблюдаемом предмете или явлении недостатков, она лишь ищет и формулирует их причину. Можно ли учиться подобной критике? Вполне даже, но для этого непременно придется вникать в исконные смыслы основных или базовых

понятий. Каких? А, например, таких как *любовь, счастье, радость, красота, правда, совесть*. Или вне твердого понимания подобных смыслов из известной учебы, конечно же, ничего путного не выйдет. Но почему вдруг так? А потому, что в противном случае опять же нам всем не на чем будет строить систему координат или единую точку отсчета. Без наличия последней позиции все предлагаемое вновь начнет расслаиваться и превращаться в известную вкусовщину и групповщину, которые опять же приведут нас ровно туда, где мы все ранее были. Но что можно предложить уже теперь в качестве своего рода прообразов искомых смыслов? Например, *слово «любовь» вполне представимо как радостное бескорыстие, охваченное надеждой на счастливое будущее*. Да, в приведенной формулировке много непривычного, так как, например, отсутствует направленность на объект любви. Что ж, это так, но ведь подлинная любовь не может быть по природе своей избирательной или адресной. Почему? А потому, что она тогда исподволь или незаметно начнет превращаться во что-то иное, скажем, в чувство весьма приятного обладания. И потом, неподдельная любовь не может ревновать, так как иначе она же начинает умаляться сама в себе. Вот и выходит, что настоящая любовь без веры в нечто высшее и непреходящее и вообще невозможна. Поэтому-то она и может быть уделом лишь людей, верующих в Бога всерьез, а значит, всем иным лицам любовь объективно и недоступна вовсе. Звучит, конечно, неприятно и даже обидно, но что же делать, ведь это жизнь и с ней не поспоришь! Теперь рассмотрим еще слово «счастье». Оно уже есть *состояние сознания, характеризующееся полнотой соединения с миром*. Иначе говоря, счастье человека — это его необычайный душевный подъем, переживаемый им в момент возникновения чувства собственного родства со всем миром. Тогда как уже *радость дает человеку ощущение его единства с миром в предельно возможном выражении*. И она, конечно, бывает лишь кратковременной или бывает как награда для человека, живущего по совести, или бывает как указание на непреходящее значение его жизни. Кстати, *совесть — это сверхзнание о том, что есть правильно*. Почему сверх? А потому, что оно сверху (от Бога) нисходит к человеку. Другими словами, вне веры в Бога рассматриваемые понятия, конечно же, становятся утопией, имитацией. Теперь несколько слов о смысле понятия правды. Представляется, что правда сопрягается лишь с той частью мироздания, которую человек

способен сам для себя истребовать. Иначе говоря, *правда* — это истина в образе. С другой стороны, понятие правды связано с понятием факта. Впрочем, в таком случае выходит, что *правда* — это вся совокупность фактов в ее развитии. И завершим сей небольшой экскурс в смыслы разбором понятия красоты. Многими считается, что красота уму человеческому не подвластна, что он не может ее понимать наличным собственным ресурсом, а значит, не может и выразить в слове ее же определение. Но так ли это, в самом деле? Попробуем оспорить последнее утверждение. Например, таким образом: *красота* — это проявление полной сочетаемости элементов мироздания посредством ее преломления уровнем развития совокупного восприятия. В данном случае мы видим, что в природе самой по себе нет ничего безобразного, что она удивительно органична и гармонична сама в себе. Всякое же ее умаление сопряжено лишь с деятельностью человека. Поэтому-то какое-либо временное исчезновение красоты в мире — это печальная заслуга одного лишь порочного человека. С другой стороны, он же гипотетически способен давать мирозданию такие удивительные шедевры, коих в мире без него и не было бы вовсе. Посему и выходит то, что красота уму человеческому вполне подвластна, а значит, ее ум человеческий по своей молитве всегда к жизни вызвать может.

Завершая настоящее размышление, его автор хотел бы подчеркнуть следующее. Можно сколь угодно много формулировать требований о свободе для литературного творчества. Но также следует при этом всегда задаваться вопросом: а для чего литератору названное выше условие? Неужели для греха, для утешения собственной гордыни, для соблазнения слабых и не твердых ни в чем умов? Ежели не для этого, то тогда для чего же еще? Для открытий чего-то еще неизвестного? Хорошо, допустим, что это так. Но разве все новое не должно будет вести к благу человека? Если это так, то тогда даешь свободу! Но в том-то все и дело, что для познания истины человеку свобода и не нужна вовсе, наоборот, лишь истовое стремление к истине и сделает его наконец-то совсем свободным. Другими словами, непонимание сформулированного выше и ведет многих взявшихся за перо в сторону фальшивых ценностей, в сторону утраты ими стыда, в сторону гибели собственной души. При этом следует также ясно понимать и твердо помнить, что посеянный такими яркими «творцами» соблазн может еще долго губить читательские души, даже удерживать целый

мир от его же спасения. Хорошо ли сие дело будет, достойно ли оно подлинного писателя? Вряд ли. И уже в самом конце автор еще полагал бы вполне уместным сообщить свои некоторые соображения об ответственности литературы как таковой. Всякая даровитая литература есть самое мощное средство формирования действительности. Иначе говоря, какова литература — такова и действительность. Или противоречия действительности — это в основе своей — ожившие во всех подробностях противоречия литературы. Но как так? Неужели художественное произведение способно на подобные мощные импульсы, на подобное мощное влияние? Талантливое — всенепременно. Или свойства реальности таковы, что они воспроизводят художественные смыслы подробно и *буквально*. Причем, названные выше свойства реальности таковы, что они воспроизводят также и печальное действие внешне как бы благих образов художественной литературы. Другими словами, реальность безжалостно срывает «сладкие» покровы с положительных героев литературы, а ее отрицательных персонажей вдруг делает вполне приемлемыми людьми. Поэтому на самом деле литература и действительность на сегодняшний день все еще находятся в непримиримом противоречии, выявлять и снимать которое следует весьма настойчиво и регулярно *всякому* ответственному человеку. Зачем? А затем, чтобы жизнь изменить, и изменить уже всерьез к благу людей. Взамен же разоблачаемым образцам литературы следует создавать иные — такие, в которых ясно и строго показывались бы истоки подлинных противоречий человеческой жизни, а также указывались бы по возможности достоверные средства для их снятия или преодоления. Иначе говоря, вместо *художественного дурмана* следует создавать *художественный образ правды*, и даже истины. Время же всего иного давным-давно миновало.

Как мы видим, литература, с одной стороны, как бы отображает историю, но с другой — вполне даже ее создает. Поэтому подлинные причины исторических событий или ее корни могут искаться нами и в лучших образцах художественной литературы. Другими словами, культура и история оказываются очевидно взаимосвязанными. Или культурное развитие определяет собой и историческое развитие. Учтем это и двинемся все-таки в область самих исторических событий, а точнее — в область сопряженных с ними лозунгов.

Что искал СССР в самый канун своей гибели? К чему он стремился? В частности, авторитетный мыслитель той поры Андрей Сахаров в канун известных перестроечных событий писал такое: «Свобода убеждений, наличие просвещенного общественного мнения, плюралистический характер системы образования, свобода печати и других средств информации — всего этого сильно не хватает в социалистических странах вследствие присущего им экономического, политического и идеологического монизма». А что же говорилось противниками советской власти во время проведения первого и единственного заседания Всероссийского Учредительного собрания в январе 1918 года? Так, один из лидеров антибольшевистского большинства названного выше Собрания господин Церетели произносил тогда в адрес своих противников такие слова: «...если Учредительное собрание есть верховный орган народной воли, то ему навязывать законов со стороны нельзя, а что касается существа дела, то если вы этого хотите, если вы боитесь, что Учредительное собрание узурпирует те права, которые принадлежат источнику власти народу, то так и поставьте вопрос, дождитесь его решения и тогда объявляйте Учредительное собрание неполным выражением народной воли. Зачем же предпринято авансом все то, что вами делается? Не потому ли, что, может быть, вам более всего страшно выявление настоящего лица Учредительного собрания, которое еще прочнее свяжет его с народом?» С третьей стороны, слова незабвенного протопопа Аввакума: «Пребеззаконная троица: змий, зверь, лживый пророк в трех перстах будет. Змий глаголется диявол, зверь — антихрист, а лжепророк — учитель лукавой... как патриарх Никон».

Как мы видим, внутрирусская борьба идет уже не один век. Или новый русский царь Алексей Михайлович, из недавно воцарившейся династии Романовых, вкуче с Никоном отрицал русское старование, воплотившееся, в свою очередь, в яркой фигуре протопопа Аввакума. Затем уже большевики со своих классовых позиций отрицали и царизм, и буржуазные претензии на власть в стране. И теперь, в новые времена, перестройщики всех мастей при поддержке вполне переродившейся коммунистической верхушки, казалось бы, свергают остатки большевизма. Впрочем, кто-то скажет, что почти все расколы, ереси, бунты — это лишь борьба за влияние и власть, прикрытая совсем мнимыми идейными расхождениями. Но так ли это, в самом деле? Давайте вникать и разбираться.

Часть первая

Первый съезд народных депутатов СССР — страстный восприемник антибольшевистских идей генерала Власова.

*История новейшего
и доселе невиданного предательства*

Возьмем в руки подшивку газеты «Известия» за май — июнь 1989 года. Читая ее, обнаруживаем, что на соответствующих страницах напористо и шумно идет съезд народных депутатов СССР. В отчете съезда «Об основных направлениях внутренней и внешней политики СССР», в частности, было сказано: «Съезд исходит из признания незыблемыми и священными неотъемлемых прав человека на жизнь, свободу, неприкосновенность и безопасность личности и жилища, права народов на самоопределение. Любое ущемление прав человека и прав народов недопустимо. Советская законодательная система, суд, все правоохранительные органы призваны последовательно и строго реализовывать и защищать эти права». Странное дело, а кто же против того будет? Однако не вышло-таки все выше провозглашенное в жизни, по крайней мере вполне. Почему же так? Может быть, подобный исход был неизбежен попросту исходя из самого смысла предлагаемого? Давайте обдумаем весь приведенный выше текст. Сначала мы обнаруживаем мысль о признании прав человека на жизнь, свободу, неприкосновенность и безопасность личности и жилища. Но ведь это все равно как признать право человека на дыхание, питание, лече-

ние и даже на любовь к себе. Подобные соображения, поданные как откровение, как минимум, удивляют. Почему? А потому, что их невозможно полностью гарантировать, а значит, они же напоминают некие благие пожелания, которые никого и ни к чему не обязывают. Иначе говоря, они лишь маскируют собою что-то существенное или принципиальное. Но что же именно? А видимо, это то, что следует прямо за ними: «Съезд исходит из признания незыблемыми и священными... права народов на самоопределение». Вот что на самом деле важно, вот что можно истребовать в полной мере. Другое дело, что подобное требование уместно лишь в момент формирования государства, но никак не в условиях уже существующей страны. Ведь в противном случае данное положение становится самой своей сутью своего рода миной замедленного действия, направленной потенциально на распад уже существующего государственного образования. И в таком варианте подобное положение имеет объективно лишь антигосударственное или антинародное звучание. Теперь о содержании финальной части рассматриваемого текста, в которой советская система или органы «призваны последовательно и строго реализовывать и защищать эти (названные до того. — *Авт.*) права». Что здесь не так? А то, что как раз в последнем тезисе и нет никаких конкретных гарантий всего в нем провозглашенного, опять же, кроме права народов СССР на самоопределение. Вот и выходит, что как бы благое настроение объективно ведет лишь к нарастанию противоречий внутри пока что еще целого государства. Смотрим далее. «Основные стороны деятельности государственных органов и должностных лиц должны быть четко урегулированы законом. Неправомерные единоличные или коллегиальные действия любых должностных лиц, ущемляющие права граждан, могут быть обжалованы в суде. Закон — это фундамент правового государства, защитник свободы и равенства граждан, порядка и организованности в обществе, гарант принципа социальной справедливости». Красивое положение, ничего более и не скажешь. С другой стороны, ведь это, как говорится, чистая демагогия выходит. Почему? А потому, что весь приведенный выше текст состоит из неких никого и ни к чему не обязывающих конкретно положений. Даже складывается впечатление, что в данном случае лишь бесстыдно цитируется раздел из учебника по правоведению. Но ведь, как известно, «свято место пусто не бывает», а значит, его по умолчанию что-то займет не-

пременно. Что именно? А например, то, что государственные органы целой страны начнут действовать вполне безответственно, в свою личную сторону. Впрочем, в дальнейшем развитии событий все ровно так и случится. Теперь обратим еще внимание на следующее положение: «Съезд заявляет о своей решимости утверждать верховенство закона во всех областях государственной и общественной жизни, равенство всех без исключения граждан, должностных лиц и организаций перед законом. Все граждане ответственны за свои поступки перед законом. Но и государство в лице его органов и должностных лиц также должно быть ответственно за свои действия и решения перед каждым гражданином и всем советским народом. В социально-политической и экономической деятельности граждан, общественных организаций, кооперативов, предприятий должен последовательно утверждаться принцип: „дозволено все, кроме запрещенного законом“». Вновь перед нами весьма странная декларация о том, что должно быть гарантировано само собой, ведь все иное будет незаконием! С другой стороны, последнее заковыченное выражение содержит в себе явно двусмысленность. Почему? А потому, что всякий законодатель в таком случае вполне может начать игру, как говорится, в пользу себя любимого. Как же именно? А например, так: заранее и осознанно сужая по отношению к реальным потребностям жизни смысл подготавливаемого им закона, а также заранее «закладывая» его противоречия с другими нормативными актами, такой «специалист» в области права получает очевидное преимущество в вопросе наживы от использования им же задуманного правового социального конфликта. Другими словами, он начинает ловко «ловить рыбку в мутной воде», которую сам же предварительно и тщательно инициирует. Иначе говоря, заранее создает сложности для других и преимущества для себя. То есть подобные процитированному выше тезису мудрствования могли вести СССР только в сторону совершения в его внутренней жизни изощенного обмана трудящихся под видом якобы полезных реформ имевшегося тогда законодательства. Но что же следовало бы делать взамен? Взамен стоило бы установить строгую персональную ответственность перед народом для всех причастных к реформам лиц, дабы они проводили их в целях общего блага, а не своего собственного. А вот еще не менее приметное пожелание со стороны столь серьезного органа власти: «Съезд обязывает Верховный Совет СССР

и образуемый им Совет министров СССР разработать и осуществить исчерпывающие меры для того, чтобы закрепить и развить начавшиеся позитивные перемены, остановить нарастание негативных тенденций, в кратчайшие сроки решить неотложные проблемы и заложить прочные основы для последующего продвижения страны по пути прогресса». Спрашивается: а стоило ли, во-первых, так уж хлопотать о «продвижении страны по пути прогресса». А во-вторых, позиция самого Съезда в данном случае выглядит и вовсе инфантильной. Почему? А потому, что его почти капризное требование всего хорошего и неприятие им же всего плохого и есть таковая. В результате объективно выходит лишь то, что съезд на самом деле только имитировал свою работу, подменяя все насущное видимостью заботы о нем, что, конечно же, не могло в дальнейшем ни приводить к трагическим для СССР последствиям. Но это, так сказать, финал, тогда как в начале работы съезда было следующее. В частности, слово взял известный писатель депутат съезда Ч. Айтматов, который, завершая свое выступление, сказал такие слова: «Я бы не хотел, чтобы мои слова были превратно истолкованы. Я сам в душе и, думаю, на практике общественный противник всякого рода авторитарных режимов и политических кумиров. Но в данном случае, учитывая, что мы не одни живем на планете, на Первом съезде народных депутатов, с полным сознанием дела и будучи уверенным, что политическое кредо нашего лидера ясно, как зеркало, что это концепция нового мышления, считаю необходимым и уместным воздать должное Михаилу Сергеевичу Горбачеву, чтобы он с еще большей силой послужил советскому обществу, притом, что мы отмечаем и серьезные просчеты в ходе перестройки, касающиеся в первую очередь бедственного экономического положения страны, а также обострившихся проблем межнациональных отношений. Но это разговор особый. И в этом повинны, если уж на то пошло, мы все, вместе взятые. И вполне вероятно, сама наша общественная система... Товарищи, я имею поручение от имени собрания представителей депутатских групп, а также с учетом единодушного мнения партийного собрания народных депутатов внести предложение об избрании товарища Горбачева Михаила Сергеевича Председателем Верховного Совета СССР». Что мы здесь видим? А то, что славный советский писатель вдруг идентифицирует Горбачева М. С. как своего единомышленника, причем именно как

объективного единомышленника по вопросу оценки «самой нашей общественной системы». Почему так? А потому, что ему «политическое кредо нашего лидера ясно, как зеркало». В результате, как ни крути, и выходит, что Ч. Айтматов все-таки желает отмены наличной в СССР общественной системы и готов поддерживать любого лидера, стремящегося объективно к тому же. Но ведь СССР и создавался-то под цели и ценности известной социалистической системы. В таком случае выходит, что известный писатель своей позицией на съезде народных депутатов с самого начала, можно сказать крадучись, выступал против дела социализма? Пожалуй, что именно выступал осмысленно и лукаво. И Горбачев М. С., как бы услышав призыв к борьбе с системой, отвечает: «Мы понимаем: надо менять, надо идти, а система не дает. Тогда появилась политическая реформа, пошла демократизация, мы дали ход этим процессам, чтобы вывести на арену человека через процессы демократии и сделать его решающей силой». Интересно только: «вывести на арену» какого именно человека, с какими именно целями, во имя каких конкретно целей сделать «его решающей силой»? Теперь о позиции Генерального секретаря ЦК КПСС по отношению к самой возглавляемой им же партии. В частности, в своем выступлении на Съезде он сказал следующие слова: «Тут важно понять, что без позиции партии, без того, чтобы, так сказать, опереться на партию, он (процесс перестройки. — *Авт.*) будет идти плохо. Я об этом говорил и остаюсь убежденным — сегодня это необходимо. Деваться просто некуда. Я уверен, эта тема явится одной из главных, когда мы будем выходить на новые выборы. А может быть, и раньше». То есть Генеральный секретарь ЦК КПСС говорит о том, что он просто вынужден наличными политическими условиями опираться на партию коммунистов, но, как говорится, это будет так только до первой возможности уклониться от использования названной выше опоры в части достижения поставленной цели. Получается, что Горбачев М. С. с самого начала видел в КПСС лишь временного попутчика себе, своим замыслом. Теперь обратим свой взор на следующее суждение, прозвучавшее уже из уст Адамовича А. М. — представителя советского научного сообщества: «Мы заседаем два часа, два часа миллионы людей наблюдают за нами. И вот наш народ думает: „Хорошо, а если мы захотим высказать свое мнение по вопросам, которые ставятся на нем?“ И давайте представим —

люди выйдут сейчас как-то выразить свои мнения. Что их встретит? Неужели их встретит тот Указ о демонстрациях и митингах, который принят? Не надо ли нам, как на время съезда, так и на время выборов, отменить действие этого Указа, чтобы народ мог активно участвовать в нашей работе?» Казалось бы, а почему бы и нет? Но в таком случае возникает законный вопрос о способности любых массовых митингов к постановке сложных вопросов социального обустройства и управления. Разве на них подобная работа возможна? И потом, неужели сам Адамович А. М. не понимал этого? А ежели понимал, то чего же он добивался на самом деле? Вместо ясного и полного ответа на призыв деятеля науки Горбачев М. С. говорит нечто странное: «Я думаю, мы по такому пути вообще не можем идти. Следующий шаг — еще что-нибудь приостановить. Потом скажем: давайте приостановим действие Конституции, и так страсти будут разгораться... И поэтому ставить сейчас вопрос о том, что нужно все отменять, прекращать, излишне. Я в таких драматических тонах не решал бы этот вопрос... По-моему, то, что есть, дает возможность обсуждения. И, кстати, вы-то накануне съезда были на митинге в двух или трех местах, и все нормально. Так что не знаю, о чем идет речь». Как мы видим, Генеральный секретарь прикидывается буквально дурачком. А ведь это не шутки, ведь игра с настроением людей, с непониманием ими существа всего насущного всегда плохо и везде кончается. Далее в материалах съезда мы находим не менее примечательное. В частности, режиссер-постановщик «Грузия-фильм» Шенгелая Э. Н. в отношении столкновения в Тбилиси митинга жителей города с войсками в числе прочего говорит следующее: «Вследствие этой — другого слова я не нахожу — военной карательной акции погиб к сегодняшнему дню 21 человек, более 4 тыс. человек обратилось за врачебной помощью, более 3 тыс. человек отравлены, сотни покалечены и ранены. Этой акцией руководил генерал Родионов. Я не думаю, что к лицу нашему съезду такой депутат в наших рядах. Вот что я хотел заявить». В ответ на это обвинение Горбачев М. С. вдруг заявляет: «Товарищи, это настолько больной вопрос, он затронул всех нас. Пусть президиум работает и персональный состав комиссии вынесет на утверждение съезда. Надо, чтобы была создана комиссия, которой мы будем доверять. Надо до конца это все довести». Вот так, «до конца это все довести»! Да ведь, Генеральный секретарь КПСС ни мог

бы в СССР не знать обо всем произошедшем ночью 9 апреля 1989 года в центре Тбилиси, ни мог бы не знать всех подробностей этого печального события, как говорится, из первых рук. А что делает Горбачев М. С.? А он изображает из себя чисто стороннего наблюдателя, который, как и все прочие жители страны хотел бы знать и понимать происшедшее. Но ведь подобное самоустранение не могло, в свою очередь, не вести в сторону роста напряженности, в сторону поляризации политических сил. Но тогда очевидно выходит, что Генеральный секретарь совершенно сознательно, как ныне принято говорить, «раскачивал лодку»? И как бы подслушав нас, что явно требуется усилить уже возникшее напряжение, слово берет следующий оратор (Игитян Г. С., генеральный директор Республиканского центра эстетического воспитания, директор Музея современного искусства Армении, г. Ереван): «Как депутат я был в Тбилиси, ознакомился со всеми материалами. Это действительно чудовищная трагедия, насилие, жестокость... Когда после обращения Михаила Сергеевича Горбачева к народам Азербайджана и Армении армянский народ вышел с лозунгами „Ленин. Партия. Горбачев“, в ответ последовала чудовищная, жесточайшая реакция в Сумгаите, которая унесла многие жизни. Такого на территории нашей страны никогда еще не было, разве что в годы вражеского нашествия... До сих пор политической оценки Сумгаит не получил... Если бы это совершили армяне, я бы встал и попросил извинения перед всем советским народом и перед всем миром. Но мы почему-то этого не слышали. Мы только слышали во время обсуждения этой проблемы, как секретарь ЦК Компартии Азербайджана Везиров говорил о намусе. Намус, товарищи, это совесть. Так вот можно ли говорить о совести после проявления такого жестокого насилия». В ответ уже представитель Азербайджана Мамедов М. Р. (первый секретарь Бакинского горкома Компартии Азербайджана) сказал следующее: «Это обидно для моего народа, пролетарского Баку, того народа, который сам дал оценку тому, что произошло в Сумгаите. Все, что после этого делалось в азербайджанской партийной организации, в Азербайджанской Советской Социалистической Республике, говорит о том, что мы никогда не искали конфронтации. Мы никогда не искали причин для вражды между двумя народами. Все свидетельствует как раз о том, что мы стремимся найти компромисс. Осуждая то, что было в Сумгаите, мне бы хотелось спросить: разве Игитян не

знает, что сегодня в Армении из 165 тысяч азербайджанцев никого не осталось?.. Разве Игитяну не известно, сколько азербайджанцев убито в Армении?» Тем самым мы видим, что националистические страсти по причине устранения Горбачева М. С. от выполнения им взятых на себя ранее добровольно обязанностей первого лица в стране резко возросли и стали, к несчастью всего советского народа, преобладающим фактором во всех последующих горьких событиях. Кстати, об этом же свидетельствуют слова другого депутата (Алкснис В. И., подполковник, старший инженер-инспектор войсковой части 13703, Прибалтийский военный округ): «В ходе проведения выборов народных депутатов СССР по национально-территориальным округам Латвийской ССР была грубо нарушена статья 17 Закона о выборах народных депутатов СССР. В нарушение положения статьи 17, которая гласит, что национально-территориальные округа образуются с равной численностью избирателей на всей территории соответствующей союзной республики, в Латвийской ССР были созданы округа с разной численностью избирателей: от 28, 8 тыс. человек в 308 округе до 127, 3 тыс. человек в 290-м округе. То есть разница по округам была в четыре раза... Это существенно ограничило возможности рабочего класса, а также русскоязычного населения республики быть избранными в народные депутаты СССР. Характерно, что именно по этим малочисленным округам баллотировались и были избраны многие ведущие руководители Народного фронта Латвии, что в определенной мере свидетельствует о возможном умышленном нарушении статьи 17 Закона о выборах народных депутатов СССР в пользу представителей Народного фронта Латвии. Из одиннадцати членов думы Народного фронта Латвии, избранных депутатами, десять из них баллотировалось по этим малочисленным округам... Я обращаюсь к съезду со следующим предложением. Да, мы признали полномочия депутатов, но я обращаюсь с предложением создать депутатскую комиссию для того, чтобы разобраться и выяснить, что же произошло в данной ситуации. Я в этом усматриваю настоящий „уотергейт“ — по той ситуации, которая сложилась, по тому, как затыкался мне рот. Ведь даже здесь, в Москве, мне тоже пытались заткнуть рот. Меня уговаривали в Центральной избирательной комиссии, чтобы я не поднимал этот вопрос. Но я считаю, что построить правовое государство на фундаменте беззакония и лжи невозможно. Если мы сейчас не наве-

дем порядок в этом вопросе, то нам грозит беда в будущем. Вот что я хотел сказать». И что характерно, Алкснис В. И. оказался прав: беда таки и пришла. Впрочем, нынешние российские мудрецы по примеру Ф. Ницше изрекают: падающего — подтолкни, а значит, помоги дряхлеющему явлению перейти в небытие, чтобы еще долго не разлагалось. Или: слабеющий СССР был обречен, а значит, его нужно было просто и срочно демонтировать, причем, демонтировать под видом как бы само собою свершающихся событий. Но, во-первых, так ли уж СССР был слаб? А во-вторых, перевод родной страны в некое другое образование тайком все-таки подло выглядит и вполне дурно пахнет. А вот еще одна яркая иллюстрация неприглядных дел, происходивших на Первом съезде народных депутатов. Логунов В. А., заместитель редактора газеты «Московская правда», выразился так: «Для того чтобы ограждать наш народ, Председателя Верховного Совета СССР от партоткратии, влияния партаппарата, чтобы его не связывать партийной дисциплиной, предлагаю Михаилу Сергеевичу Горбачеву сложить с себя обязанности Генерального секретаря и члена Политбюро». Причем, обратите внимание, что Логунову никто ясно и честно так и не отвечает с трибуны, что еще раз свидетельствовало, с одной стороны, что именно происходило на съезде. Видимо на нем тогда не было грамотных и вполне ответственных людей, с другой — все оппоненты предлагаемого решения ушли на позицию фактического соглашения с предложением Логунова В. А., лишь отодвигая его немедленное воплощение в будущем времени. Вместо этого из зала (с места) прозвучала такая речь: «Товарищи народные депутаты СССР! Среди вас те, кто были нежелательными для аппарата кандидатами, в ходе предвыборной кампании испытали всю мощь, силу, коварство, жестокость и вероломство той партийной бюрократии, которая мешала нам вести предвыборную кампанию. Поэтому было бы непростительной ошибкой со стороны нас, депутатов, настаивать и подталкивать Михаила Сергеевича Горбачева к тому, чтобы он оставил пост Генерального секретаря Коммунистической партии Советского Союза. Сейчас он участвует в контроле этого аппарата. Я совсем не уверен, что он его контролирует, но каким-то образом участвует. Когда он от этого отстранится, эта мощная партийная бюрократия, которая имеет у нас громадную власть, единственную реальную власть в стране, она его быстро сомнет и нас с вами здесь

разгонит». Здорово, да? Неназванный демократически настроенный депутат уже видит Горбачева М. С. как противника КПСС внутри самой КПСС и даже ставит ему задачей контроль над партией коммунистов фактически как бы от лица всех антикоммунистов. Причем антикоммунистический смысл ловко маскируется разговорами о коварстве, жестокости и вероломстве самой партийной бюрократии. То есть мы отчетливо видим, что на смену коммунистам идут вовсе не моральные силы, а силы всего лишь отчетливо самолюбивые или корыстные, которые за критикой коммунизма скрывают свои алчные планы. Как ни странно, но высказанное выше подозрение прозвучало лишь из уст Мироненко В. И., первого секретаря ЦК ВЛКСМ: «Я как коммунист не могу, наверное, не сказать об этом. В выступлении депутата Логунова прозвучали слова о том, что нужно обезопасить Горбачева от партократии, а для этого ему надо сложить с себя обязанности Генерального секретаря и члена Политбюро ЦК КПСС. Мне вспомнились слова, которые были сказаны одним из депутатов на совещании партийной группы, о том, что мы не дети, чтобы нас водили за руку. Положение действительно неприятное, если вас водят за руку. Но, наверное, не более приятное положение, когда хотят водить за нос. Мне кажется, что, может быть, и неосознанное, но звучащее в предложениях отделить Горбачева от партии или отделить партию от Горбачева, или так или иначе звучавшие мысли — прямо или косвенно — отделить партию от народа, — отнюдь не на пользу перестройке. Более того, я убежден, что если мы допустим это, то это нанесет ей огромный и неоспоримый ущерб». Как мы видим, сии слова оказались вполне пророческими. Но их тогда никто не хотел всерьез воспринимать. С другой стороны, никто из присутствовавших на съезде многочисленных депутатов так и не высказал подозрения об объективно предательской роли самого Горбачева М. С. в истории Советской страны, ни у кого из них не обнаружилось ни соответствующего чутья, ни понимания, ни смелости сказать о том всей стране. Впрочем, если бы такой голос и был бы возвышен, то его вряд ли бы поддержали, так как сама господствовавшая тогда образовательная традиция не вмещала еще соответствующие непростые смыслы и понятия. Кстати, обратим свое внимание на тот потрясающий факт, что наши соотечественники готовы в целом поддерживать всегда и во всем всякое первое лицо в стране. Другими словами, даже руково-

дитель — очевидный предатель возглавляемого им дела всегда находит у нас поддержку. Впрочем, отставим на время простодушные хлопоты советских депутатов о будущей «Россиинии». Зато обратим свое внимание вот на что.

О непреходящем значении для России монархической идеи

Здесь русский дух в веках произошел
И больше ничего не происходит.

Николай Рубцов. Старая дорога

Почему вдруг так-то? — спросит некто и продолжит: неужели в XXI столетии для России нет идеи посвежее, что ли? Да, к сожалению, или к счастью, но подобной нет, как говорится, в принципе. Почему же вдруг? А потому, что русское начало есть само по себе исключительно монархическое. Но почему? А потому, что русский человек изначально ищет всемирного человеческого лада, а значит, ищет стихийно себе руководителя-отца. Именно в образе монарха, царя-батюшки русский люд и угадывает сердцем свое подлинное благо, которое не в пример всякому иному не продажно станет. Впрочем, русский — это думающий строго на русском языке человек, внятно владеющий смыслами ключевых слов русской речи. А что в совокупном русском слове главное? Конечно же, его характерное *неземное стремление*. Иначе говоря, русский язык непременно ищет сам в себе все благое и непреходящее. Но при чем тут монархическая идея? Она как раз при том, что всякое русское сознание ищет в фигуре монарха по большей части безотчетно и неотступно идеал добра и справедливости. Другими словами, не может русский человек смириться с мыслью, что подлинный монарх может быть подлым или дураком. Да, сия идеалистическая традиция очень дорого далась России. Но кто-то скажет, что революция вполне пресекла ее и разговор сей окончен. Но разве этому вердикту можно верить на слово? Ведь, например, юровские, соловьевы, радзинские — это только лично заинтересованные в нем лица или это всего лишь своего рода наследники прискорбной декабристской идеи. В чем же подлинная печаль последней? Она главным образом в том, что привнесенное извне с помощью западного просвещения жгучее нетерпение ведет

русский дух неумолимо к угасанию и превращению его в пошлое и даже отвратительное россиянство. Да, русскому мировоззрению предшествовало славянское языческое бытие. О нем даже можно погоревать, но равнять его с русским духом все же вряд ли стоит. Почему? А потому, что словосочетание «русский человек» есть характеристика вершинная, или, если хотите, не имеющая аналога в мировом опыте. Мы же легко говорим: китаец, японец, итальянец, немец, англичанин, француз или американец. Кстати, сюда же легко попадает и россиянин. А почему так? А потому, что никакая нация, кроме русской, не имеет в себе всеобщих стремлений. Они все до единой нацелены только на свое особенное. Почему? А потому, что их языки таковы. Ну, нет в них подобных идей и понятий. Кстати, видимо, совсем и не случайно иностранцы зовут выходцев из России прилагательным «русский». Тем самым они невольно как бы подчеркивают, что есть они, а есть еще и русские. Впрочем, поясним все-таки, о чем таком идет речь. А взять хотя бы русские сказки. Ведь именно в них побеждают слабейшие по земным меркам герои, и побеждают без какого-либо злого торжества над своими противниками, воспринимая последних лишь как заложников незримых врагов рода человеческого. Поэтому, завершая сие небольшое размышление, подчеркнем еще раз ту простую мысль, что подлинный русский дух вне монархической идеи и невозможен вовсе.

Но вернемся к событиям Первого съезда народных депутатов СССР. Что же еще на нем произошло примечательного или, как говорится, судьбоносного? Практически сразу или с началом работы съезда на нем случилось драматическое в целом для будущей страны *дробление единого народа на группы по интересам*. В частности, об этом ярко было сказано Тхором А. И., бригадиром горнорабочих очистного забоя шахтоуправления имени М. В. Фрунзе производственного объединения «Ровенькиантрацит»: «Ознакомившись со списком кандидатов в Верховный Совет Союза ССР, я подумал: наша страна состоит из одних интеллектуалов, ученых, академиков, профессоров. Так почему же мы, шахтеры, до сих пор не выпускаем лопату из рук? Это один вопрос. Другой — на нашем знамени лозунг: „Вся власть — Советам рабочих и крестьян!“ Неужели мы отказались от этого лозунга и от завоеваний Октября? Я как рабочий человек считаю: нет. И это же скажут все мои избиратели. Еще вопрос — именно по данному по-

ложению выборов. Я знаю значение Москвы и представляю, что значит для нас Москва. Но мы не поступимся ни одним своим местом!.. И не надо считать рабочий класс серой массой, которая не может постоять за себя. Интересы шахтеров, интересы рабочего не будет отстаивать профессор, а будет отстаивать именно рабочий». Что удивляет и удручает в последнем выступлении? Конечно, глупо спорить, что интересы у разных групп населения могут различаться, но возводить сию разность в принцип, если хотите, в абсолют все-таки не стоило бы. Почему? А потому, что в результате этого процесса победят далеко не все, а значит, будут неизбежно и проигравшие. Нужно ли сие «благо» единому народу? Нужно ли подобное противопоставление и борьба гражданам одной страны? Теперь вот такое как бы совсем уж благое дело. Депутат Минжуренко А. В., заведующий кафедрой Омского государственного педагогического института в числе прочего заявил следующее: «Я, например, товарищи, — может, меня наша делегация и не подержит, — но я согласен вообще всю свою омскую квоту (речь идет о числе мест в Верховном Совете. — *Авт.*) уступить ради какого-нибудь прогрессивного москвича. Тридцатым пусть он идет. Ради пользы дела». Интересно, а как и с помощью чего собирался депутат Минжуренко А. В. отделять «прогрессивного москвича» от непрогрессивного? Если он собирался это делать по принципу «верю или не верю», то в таком случае он, конечно же, становился слепым орудием лишь ловких демагогов. А если он собирался это делать вполне обдуманно и обоснованно, то тогда непонятно, почему он вдруг передоверяет оказанное лично ему доверие еще кому-то. Видимо, упомянутый депутат пытался вести какую-то игру, предполагая заранее, что мощный отряд московских депутатов сумеет-таки сломить сопротивление защитников социалистических завоеваний трудящихся. Но почему вдруг так-то? А потому, что иное и в голову не приходит. И в самом деле: а что такое «прогрессивный москвич»? Видимо, это сторонник большой личной свободы. Для чего же? А для того, чтобы всенародные ресурсы переделывать ловко в чью-то пользу. А в чью же именно? Как в чью? В пользу «прогрессивных москвичей», в крайнем случае — их союзников в регионах. Вот и вся, как говорится, задумка в своей неприкрытой сути. Далее, в материалах съезда мы видим будущую трещину самого СССР. Но в чем именно? А в том, что читается в тексте выступления Бурачаса А. Й.,

председателя совета научно-технической информации при президиуме Академии наук Литовской ССР: «Речь идет о принципах в правовом государстве. И лично я считаю, что предложение Анатолия Ивановича Лукьянова, как необходимое, но недостаточное условие, было важным продвижением вперед в решении этой проблемы, которая возникает при теперешней Конституции СССР. Фактически, если мы будем голосовать не за республиканские квоты, возникает мнимая альтернатива. Здесь много было предложено вариантов процедурных решений. Мнимая альтернатива фактически ведет к заколдованному кругу. И здесь было предложено решение предварительное. Но фактически в чем проблемы? Позиция литовского делегата была воспринята как категоричное возражение против предложения президиума. Подумайте, что есть разница между фиктивными и реальными юридическими актами. Реально ведь получается — об этом говорилось, — что мы голосуем за неизвестных людей. Как будто бы голосуем, а фактически нет. И поэтому мы только подтверждаем или не подтверждаем, а голосуем только за отдельных, так сказать, в исключительных случаях голосуем. Поэтому здесь речь идет о принципе в действии. Или мы будем подтверждать только то, что реально голосовалось. В этом имеется юридическая разница». Заявленную выше позицию дополнительно усилил Ландсбергис В. В., профессор Государственной консерватории Литовской ССР: «Делегация Литвы поручила мне сказать следующее. Мы сожалеем, что слова, сказанные мною до этого, были неправильно поняты и истолкованы. Единственная цель моего заявления заключалась в разъяснении нашей принципиальной моральной установки. Мы не берем, не присваиваем себе права решать за другие республики — кто должен представлять их в Верховном Совете. Мы считали нужным пояснить это до голосования, чтобы коллегам-депутатам была ясна мотивация личного решения того или иного нашего депутата». Ловко, а? Речь вдруг пошла о *принципиальной* моральной установке. Но в чем ее суть? А она в том, что представители, в данном случае Литвы, обнаружили жгучее желание обладать правом полностью осознанного выбора, которого Конституция СССР для них никак не предусматривала. В результате этого демарша встал вопрос о сути самого тогда существовавшего государства. Иначе говоря, возникла развилка: либо СССР переходит целиком на рельсы западного мировосприятия, которое предполагает *стро-*

гие договорные рамки между властью и народом, либо СССР все-таки продолжает в целом свое бытие на принципе *изначального доверия* народа страны своей народной власти. А раз среди представителей Литвы сложилось категорическое неприятие второго, которое, в свою очередь, активно поддерживали депутаты от других республик Советского Союза, то, стало быть, вопрос о выходе Литвы из СССР стал фактически совершенно неизбежен уже в момент произнесения процитированных выше слов литовских депутатов. Но вот в дополнение к случившемуся выше демаршу первая выраженная атака и со стороны русских антисоветских сил (Афанасьев Ю. Н., ректор Московского государственного историко-архивного института): «Я еще раз внимательно посмотрел состав нашего Верховного Совета. Я обязан это сказать, потому что я думаю и я в этом убежден: если иметь в виду уровень квалификации депутатов на фоне тех задач, которые предстоит этому Верховному Совету решать, если иметь в виду уровень их профессионализма, который требуется в этих сложных для нашей страны условиях, то мы сформировали сталинско-брежневский Верховный Совет... Теперь о большинстве, которое сформировалось... Так вот, уважаемое агрессивно-послушное большинство и вы, Михаил Сергеевич, то ли внимательно прислушивающийся к этому большинству, то ли умело на него воздействующий. Мы можем и дальше продолжить так работу. Мы можем быть послушными, не выстраивать очередь, аккуратненько подавать записочки. Мы можем быть благостными, как к тому нас призывал отец Питирим. Но давайте все-таки ни на минуту не забывать о тех, кто нас послал на этот Съезд. Они послали нас сюда не для того, чтобы мы вели себя благостно, а для того, чтобы мы изменили решительным образом положение дел в стране». Любопытно только, а о каком именно изменении речь ведется и в чью именно пользу? Может быть другой антисоветчик (Попов Г. Х., главный редактор журнала «Вопросы экономики») скажет? «Съезд, который выбирался на альтернативной основе в конкурентной системе, тайным голосованием, по существу вступил на путь выдвижения числа кандидатов, соответствующего числу мандатов... Вы видели, что мы стремились к совместной работе, мы активно и решительно поддержали кандидатуру Михаила Сергеевича. Но все-таки нам становится все время очевидно, что аппарат явно пытается оказать прямое воздействие на ход съезда. В этих условиях продолжать придер-

живаться того порядка, которым мы шли вначале, было бы непонятно ни для нас, ни для наших избирателей, ни для нашей страны. Для чего все это сделано, для чего нужно запустить это самое механическое голосование? Ответ может быть только один — только для того, чтобы сформировать послушный воле аппарата Верховный Совет и продолжать оказывать давление на прогрессивное крыло руководства страной уже от имени Верховного Совета. Поэтому нам остается подумать об изменении позиций. Впервые, группа региональных московских депутатов от научных организаций, от творческих союзов считает необходимым выйти из общемосковской делегации. Мы предлагаем подумать о формировании межрегиональной независимой депутатской группы и приглашаем всех товарищей депутатов, чтобы они к этой группе присоединились». Вот так, приглашаем всех депутатов присоединиться к группе. Но разве все смогут присоединиться к группе? И потом, неужели действительно было совсем невозможно создать конкуренцию на выборах в Верховный Совет? Складывается даже впечатление, что руководство съезда намеренно «дразнило» депутатов-антисоветчиков. Другими словами, Горбачев М. С., Воротников В. И. специально давали повод названным выше депутатам для организации открытого демарша. Но видели ли это другие депутаты? Вот что, в частности, заявил в ответ на речи Афанасьева Ю. Н. и Попова Г. Х. депутат Мешалкин Е. Н., директор Научно-исследовательского института патологии и кровообращения Министерства здравоохранения РСФСР: «Мы, сибиряки, сидим в зале наверху. Сибирские области далеко, но там нас, сибиряков, очень много. Мы сидим и с уважением относимся к московской делегации, думаем, что она будет поступать разумно, с пониманием ответственности. Но то, что происходит, удивляет не только меня... Почему мы хотим сегодня, в сию минуту, сделать так, чтобы все было немедленно изменено? Я расцениваю выступления депутатов Афанасьева и Попова как неудовлетворенность своим положением на съезде. Они оказались в меньшинстве, и это их никак не может удовлетворить. Они думали, что, как на митингах в Лужниках, они смогут нас всех поднять и немедленно смести все, что им мешает встать во главе съезда... Я не понимаю, неужели мы должны вести себя, как пираты, которые захватили государственный корабль и собрались разрушить его со всеми надстройками, с пультом управления, с машинами. А потом, разломав все

на региональные куски, отправиться на этих обломках плавать в мировом бушующем океане». Но все обстояло именно так: разломить и пуститься в плавание уже по своей личной воле. Почему? А потому, что без разлома целого на части никакая демократическая процедура не гарантировала бы цели достижения личной власти депутатами-антисоветчиками. Поэтому-то впоследствии и случилось ровно то, что заранее и планировалось: могучий СССР во имя частных интересов московских депутатов из числа прежде всего научной и творческой интеллигенции как бы вдруг «приказал долго жить». А Горбачев М. С., сохраняя прежде всего собственную популярность перестройщика, оказался также как бы вдруг не у дел. Иначе говоря, навязчивая идея неперменного совмещения собственной популярности и смысла строгих государственных решений оказалась для него полностью непосильной и даже преступной. Впрочем, он, видимо, так и не смог осознать порочность собственного поведения в те кризисные дни, когда еще сохранялась гипотетическая надежда на иной ход исторических событий. А вот и первая явная попытка оттолкнуть КПСС от власти (Адамович А. М., директор Всесоюзного научно-исследовательского института киноискусства): «Высшая власть в стране принадлежит съезду народных депутатов. Что это означает? Что она такое — власть народных депутатов, если мы хорошо знаем, что на самом деле она принадлежит партии, а точнее партаппарату и ведомствам? Если высшая власть в стране передается съезду народных депутатов, неизбежно встанет вопрос о механизме контроля за всеми другими источниками власти. Да, да. Вопрос, который кое-кому пока кошунственным кажется, вопрос о народном контроле и над партийным аппаратом». Как мы видим, Горбачев М. С. фактически сознательно взял курс на передачу власти от коммунистов советам. Почему? Да потому, что с его стороны нет никаких инициатив в отношении обратного, или он как бы не слышит смысла последнего призыва, а значит, объективно говоря, молчаливо соглашается с ним. Другими словами, вполне угадывается его личный план ухода с поста руководителя КПСС и ухода уже в кресло президента СССР. А что же депутаты? О чем они тогда думали? В частности, депутат Момотова Т. В., заместитель главного инженера Жлобинского производственного объединения искусственного меха, ясно заявила следующее мнение: «Я внимательно знакомилась с позицией московской делегации. Что-то для

меня приемлемо в их позиции, что-то неприемлемо, что-то я стараюсь в ней изучить. По-моему, это закономерно. Но меня удивляет позиция московской делегации, которая старается оказать давление на депутатов из других регионов. Выходит, если депутаты не согласны полностью с позицией московской делегации, не поддерживают ее, значит, они представители застойных времен. Почему же, спрашивается?.. И мне бы хотелось, чтобы московская делегация, а также товарищи Афанасьев и Попов, которых я очень уважаю, чтобы они сделали должные выводы и поняли, что мы выражаем не мнение какого-то аппарата, что это наше личное мнение, наша позиция, которая отличается от их позиции. Я это говорю хотя бы для того, чтобы они трезво оценили обстановку в этом зале». Но все дело как раз в том, что процитированный выше депутат сам не вполне адекватен в оценке позиции москвичей. Почему? А хотя бы потому, что внимает тому же Афанасьеву в целом невнимательно. Но почему же вдруг так-то? А уже хотя бы потому, что последний действует предельно осознанно и предельно агрессивно. Для доказывания сформулированного выше утверждения вернемся к речи известного деятеля, в частности, к следующей его уже легендарной тираде: «Уважаемые товарищи депутаты! Все мы призваны критично оценивать положение в стране. Я думаю, мы должны и обязаны так же критично оценивать свою собственную деятельность на съезде. И в этом смысле по ряду причин, о которых я и вышел сказать, вчерашний день работы нашего съезда на меня произвел удручающее впечатление. Во-первых, около полуночи мы не услышали голос карабахской делегации, или, точнее сказать, никак не отреагировали на него. И в итоге он остался без какой бы то ни было реакции с нашей стороны. Чуть раньше мы все вместе, по существу, оставили в состоянии политической изоляции литовскую делегацию, которая вышла с предложением, сформулированным, как мне кажется, совершенно неудачным образом, но тем не менее с предложением, которое имеет под собой основание. И мы запустили в ход привычную машину. Несколько нравоучительно-клеймящих выступлений, в том числе и выступления уважаемых мною Залыгина и Медведева, за которыми последовало отупляющее голосование большинством». То есть Афанасьев Ю. Н., фиксируя некоторые недостатки в работе съезда, не дает их анализа, а сразу переходит к навешиванию оскорбительного ярлыка на сам съезд. Понимал ли он что творил

тогда своими словами? Видимо, понимал, так как вместо серьезного выяснения причин недостатков в работе съезда он сразу перешел к его фактическому поношению в целом и к отрицанию его возможных итогов. Одним словом, он и практически вся московская делегация выбрали сознательно путь конфронтации, а значит, и полного неприятия всех с ними несогласных. В результате вместо одергивания и вразумления москвичей съезд фактически оказался спровоцированным ими и, объективно говоря, стал по принципу от противного союзником их же вполне даже разрушительных планов. Но в чем именно выразились последние? А хотя бы в том, что благодаря речам явных оппозиционеров советской власти разгорелся искусственный конфликт вокруг депутатии от Нагорного Карабаха, входившего тогда в состав Азербайджанской ССР. Да, тогда, конечно, были вопросы по кандидатурам депутатов от НКАО, вошедшим в Верховный Совет СССР, но доводить их до страстей могли только недоброжелатели съезда, недоброжелатели самого СССР. Причем фактические враги всего советского надели «белые» одежды «борцов с аппаратом», выдавая его собравшимся за абсолютное исчадие ада. Тогда как представители Прибалтики, в частности, депутат от Эстонии Пальм В. А., заведующий кафедрой Тартуского государственного университета, стали держаться, как говорится, под шумок четко выраженной сепаратистской линии. Об этом ясно свидетельствуют такие слова названного выше депутата: «Теперь относительно конфронтации и консолидации. Мы в Эстонии, а также в других прибалтийских республиках имеем почти двухгодичный опыт массового участия населения в политике. Все более сознательного, все более организованного. Мы пережили периоды всплесков эмоций. Пережили периоды очень критические, когда нельзя было прогнозировать, что случится не то чтобы через неделю, а на следующий день. Мы, как вы видите, из этого положения до сих пор выходили. И я бы в контексте того, что сейчас обсуждаем, поделился бы выводами. Конфронтации, когда интересы разные, избежать невозможно. Поэтому давайте бросим надежды, что у нас будет все происходить по такой формуле: „Ребята, давайте жить дружно“. Вы все знаете: этого не будет. Но это должна быть конфронтация политически культурная, со взаимным уважением, без стремления мешать кому-то высказывать свои взгляды, а что касается навязывания — убеждать никому не запрещено. С другой стороны, мне бы

очень хотелось (тут я перехожу от реальности к своим пожеланиям, извините, что несколько противоречу началу), чтобы была консолидация всех тех прогрессивных сил, которые, только вместе взявшись, поднатужившись, смогли бы вынести нашу страну из того положения, в которое мы попали. Мне не хотелось бы, чтобы была конфронтация. Я до сих пор помню, когда мне было два с половиной года, мои родители расходились, и мне было абсолютно невозможно выбирать между матерью и отцом. Вы же понимаете. А сейчас, как я могу выбирать между Михаилом Сергеевичем и Юрием Афанасьевым. Я не хочу, я отвергаю такую конфронтацию, если она намечается. Отдайте все силы за перестройку, за радикальную перестройку, которая против попыток аппарата, а такие попытки делаются все время. И они в существенной степени наложили свой отпечаток на предвыборную кампанию. Давайте вспомним то, что происходило в Ленинграде. Мы следили за этими событиями, затаив дыхание. Мы должны попыткам аппарата помешать. Преодолеть его сопротивление всеми силами, которые прогрессивны и выражают интересы людей, добывающих себе пропитание трудом, неважно, за компьютером или в шахте, или за станком. Эти люди должны (хотя бы то той поры, пока мы выйдем из прорыва) консолидироваться. Мы должны найти в этом смысле общий язык. Давайте зададимся такой целью». Как мы видим, выходило прямо по поговорке: «А Васька слушает, да ест». Иначе говоря, «мы за консолидацию, но только пока она строго в наших интересах». Грустно видеть и понимать это только сегодня, когда, как говорится, печальное дело уже сделано. Так кто же был тогда Горбачев М. С., заботливый и рачительный хозяин земли русской или он был всего лишь ее разорителем? В своем развернутом докладе на съезде он, в частности, сообщил стране следующее собственное понимание правил жизни: «Жизнь убедительно показала, что экономическая реформа просто невозможна без радикального обновления отношений социалистической собственности, развития и сочетания ее различных форм. Мы — за создание гибких и эффективных отношений по использованию общественного достояния, чтобы каждая форма собственности в живом соревновании, в справедливом состязании доказывала свою жизненную силу и право на существование. Единственное условие, которое нужно при этом поставить, — недопущение эксплуатации, отчуждения работника от средств производства. С таким под-

ходом к собственности неразрывно связано и другое решающее направление экономической реформы — становление полнокровного социалистического рынка. Разумеется, рынок не всесилен. Но другого, более эффективного и демократического механизма хозяйствования человечество не выработало. Без него социалистической плановой экономике не обойтись, товарищи. Это надо признать. Мы считаем, что по мере углубления реформы будет происходить формирование такой системы отношений в хозяйстве, которую можно назвать правовой экономикой. Она будет базироваться не на административных распоряжениях, не на приказах, а на отношениях, урегулированных законом. Произойдет четкое разделение государственного руководства экономикой и хозяйственного управления». Что здесь возможно предложить в качестве комментария, а также в качестве ответа на сформулированный выше вопрос о сущности натуры самого Горбачева М. С.? С одной стороны, видно, что руководитель СССР как бы ищет выход из создавшегося положения, но с другой — вполне очевидна его же глупость, либо ловко маскируемая нечестность. Почему? А потому, что он совсем (ничуть) не задумывается над подлинной причиной сложившегося положения дел в плановой экономике СССР, наоборот, он как бы искренно считает, что плановая экономика сама по себе есть препятствие для нормальной жизни, а значит, она должна быть «радикально обновлена». Но ведь само понятие радикального обновления имеет в себе лишь смысл полной замены наличного старого чем-то вполне новым (иным). В таком случае Горбачев М. С., объективно говоря, лишь пытается подсластить весьма даже смертельную для плановой экономики СССР «пилюлю», внушая собравшимся на съезд депутатам утопическую идею о совмещении благ социализма и преимуществ капитализма. Другими словами, Горбачев М. С. на съезде депутатов СССР, видимо, органично сочетал в себе самом и качества глупца и качества подлеца, которые и привели впоследствии политическую ситуацию ровно туда, где уже стали совсем неуместными возмущения и протесты по вопросу сохранения завоеваний социализма. В стране возникли уже новые и очень серьезные конфликты, а также очень большие соблазны для ловких и нечистоплотных людей. Да, можно говорить, что Горбачев М. С. все-таки не желал зла своему Отечеству. С другой стороны, также очевидно и то, что он своими действиями, а также бездействием методично подталкивал его в

пропасть (вел в погибель). Причем сегодня уже вполне ясно, что он кроме всего прочего привел также и весь мир в состояние большого неравновесия, которое непременно завершится огромными, еще невиданными в истории потрясениями. То есть историческую роль Горбачева М. С. переоценить практически невозможно. Другое дело, что она имеет в главном разрушительный характер. Впрочем, ее свойства не очень-то заметны для неподготовленного наблюдателя, так как она весьма и весьма разнесена во времени и пространстве. Не зря же сам Горбачев М. С. говаривал о своих деяниях, что «процесс пошел». Тем самым он пытался всячески подчеркивать, что ежели что и не так выйдет, то он тут совсем и ни при чем будет. Хитро, ничего и не скажешь более.

Но вернемся к материалам съезда. Что в них еще примечательного? В них в числе прочего ясно просматривается тенденция поддержки первого лица в противовес так называемому аппарату. Видимо, не случайно вокруг главного героя сей в целом печальной пьесы и сгруппировались все антисоветчики, которые, как говорится, нюхом уловили измену Горбачева М. С. делу социализма. Это, прежде всего, весьма заметная часть депутатов из Москвы и Ленинграда и, конечно, большая часть депутатов из прибалтийских республик. Кстати, именно депутаты из Прибалтики, не мешкая, прямо и поставили вопрос о законности включения Литвы, Латвии и Эстонии в состав СССР. В частности, Бичаускас Э. В., следовательно по особо важным делам прокуратуры Литовской ССР, заявил следующее: «Перед тем как голосовать (речь о выборах заместителя Председателя Верховного Совета СССР. — *Авт.*), депутаты от Литвы и, думаю, от ряда других республик, хотели бы узнать Вашу (речь о Лукьянове А. И. — *Авт.*) позицию относительно пакта Риббентропа — Молотова и дополнительных секретных соглашений между СССР и фашистской Германией, вследствие которых в 1940 году суверенная Литва и другие прибалтийские республики были оккупированы и инкорпорированы в состав СССР, потеряв таким образом свою государственную независимость». Тем самым противники СССР внутри СССР, можно сказать, прямо с трибуны съезда заявили, что СССР незаконен, а значит, должен быть демонтирован. Получила ли сия точка зрения ясный и строгий отпор на самом съезде? Нет, не получила. Почему? А потому, что начатая борьба руководства СССР за свободу для себя лично и не предполагала этого вовсе. А что депутаты

съезда? Они же, как это ни странно, самозабвенно включились в названное дело, а именно: часть истово стала поддерживать все без исключения предложения руководства, другие не менее страстно стали громить ненавистный им аппарат, предполагая в нем абсолютно все проблемы СССР. В результате съезд незаметно для самого себя превратился вдруг в нечто, с одной стороны, никчемное, с другой — во вполне себе даже разрушительное. Иначе говоря, демагогия одних была трансформирована в антисоветские лозунги других. Да, можно было не любить социализм, но вести с ним борьбу нечестными методами, конечно же, было делом подлым. Почему? А хотя бы потому, что, например, трагические события в Тбилиси 9 апреля 1989 года рассматривались на съезде главным образом как вина партийного и советского аппарата, а также военных руководителей, тогда как главный и подлинный источник тех печальных событий — Горбачев М. С. всячески выводился из-под действия какой-либо ответственности. Но почему вдруг он был повинен в происшедшем? Да хотя бы потому, что его положение просто обязывало нести сию ношу. Причем, даже незнание его о подобных действиях местных властей было для него же все равно преступным. Поэтому желание депутатов иметь в лице Горбачева М. С. неповинное должностное лицо самого высшего уровня, конечно же, не может вызывать сочувствия у честных людей. Что еще изумляет сегодня в поведении депутатов состоявшегося в 1989 году Первого съезда народных депутатов СССР? Поражает какая-то детская наивность и вера подавляющего числа депутатов, что в нашей стране якобы возможна благородная или светлая демократия. Эти люди почему-то были уверены, что много мнений по какому-либо важному поводу способно дать правильное решение, а значит, только возможность для высказывания всех желающих того и способно будет, как говорится, спасти всех. У них почему-то никак не возникало даже тени сомнения в том, что они действительно способны решать (или хотя бы понимать) сложные проблемы. Что так и почему вдруг? А видимо, потому, что в самой системе гуманитарного образования в СССР и не было соответствующих твердых знаний, опора на которые и способна была сформировать иное общественное настроение и подлинное понимание. Зато спекуляциям насчет способности всех и каждого из депутатов быть равными друг другу было сколько угодно места. Последние выражались во внешне как бы складных речах

большинства выступавших, фактически же не содержавших абсолютно ничего подлинно насущного. Другими словами, советская власть, как говорится, на излете как бы демонстрировала всему миру свои гуманитарные образовательные успехи, которые на самом деле имели лишь декоративный характер и могли служить только прикрытием всевозможным неблагоприятным замыслам отдельных нечистоплотных лиц. В частности, депутат Оболенский А. М. (инженер-конструктор Полярного геофизического института Кольского научного центра АН СССР) предложил: «“Вся власть Советам!” — этот лозунг звучит в стране достаточно часто и всюду. И поднимался этот вопрос вольно или невольно уже и у нас. Первым предложил принять декрет академик А. Сахаров. Не приняли. Затем вопрос о власти возник, когда обсуждался вопрос, совмещать или не совмещать пост Генерального секретаря с постом Председателя Верховного Совета. Мы этот вопрос тогда принципиально не решили, хотя решили косвенно, избрав Михаила Сергеевича без всяких оговорок на пост Председателя Верховного Совета. Значит, высказались „за“. Но, по-моему, ошибочно считают те, кто полагает, что Михаил Сергеевич будет в Политбюро управлять партией. Политбюро — это коллегиальный орган, и почему вы не допускаете, что он там будет под контролем партаппарата? Понятно, да? Поэтому, поскольку мы уже эти два момента прошли, я считаю, надо поставить на съезде вновь этот вопрос. Кстати, я вчера получил коллективное письмо за 170 подписями на эту тему из города Апатиты, с предложением поставить вопрос об отмене или кардинальном изменении статьи 6 Конституции, так как закрепленная там руководящая и направляющая роль КПСС как раз будет звучать как дополнительный аргумент в пользу подчиненности его решениям Политбюро. Надо соблюдать Конституцию...» Во как, «надо соблюдать Конституцию». А ежели не хочется сего очень, то надо лишь ее изменить и дело, как говорится, «в шляпе». Вот так или как бы из лучших (то есть демократических) побуждений и можно свершить вполне себе подлое деяние. Но почему вдруг подлое? А потому, что оно незаконно по самой своей природе. Почему же? А потому, что нужна сначала легитимная поддержка народа на смену политического строя в стране, скажем, в пользу капитализма, а затем уже и отмена роли коммунистической партии правомерным актом будет. Но ведь ничего подобного на Первом съезде не происходило. Вместо этого,

фактически исподтишка, протаскивалась вполне нечестная мысль о зловредности КПСС.

Теперь, видимо, впору рассмотреть еще один ход со стороны странных противников социализма, а именно предложение депутата Попова Г. Х. В частности, он высказался в пользу того, что съезду следовало бы выслушать, как потом выяснилось, не вполне отдававшего самому себе отчет в части горьких последствий своих же слов, депутата Казанника А. И., доцента Омского государственного университета, специалиста в области экологического права, который с высокой трибуны заявил следующее: «Уважаемые товарищи депутаты! Дело в том, что я сам свою кандидатуру предлагал в качестве альтернативной. И трижды выступал на совещании представителей с просьбой, чтобы включили меня в состав Верховного Совета СССР. Я действительно говорю, что я очень хочу работать. Дело в том, что я юрист и намерен был трудиться в профессионально грамотном Верховном Совете СССР. Я говорю, что мне интересно работать именно в первый год, поскольку будут приниматься важнейшие пятьдесят законов, которые будут определять судьбу нашей страны, может быть, и до 2000 года. Но когда прошли выборы в Верховный Совет СССР, и я посмотрел, что мы в силу своей близорукости „зарубили“ выдающихся ученых, что мы в силу своей недалёковидности не пропустили туда политиков, я принял, на мой взгляд, единственно правильное решение о том, чтобы в Верховном Совете СССР, а точнее в Совете Национальностей, работал Борис Николаевич Ельцин. Если бы я был первым секретарем обкома партии, я мог бы не принимать это решение и смело вернулся бы к себе на родину, отгородился бы в обкоме частоколом милиционеров, и ко мне бы не попал ни один избиратель. А мне так возвращаться... будет стыдно смотреть им в глаза. Поэтому я прошу вас включить без голосования в состав Совета Национальностей Бориса Николаевича Ельцина, только на этих условиях я снимаю свою кандидатуру, только на этих условиях. Я опасаясь, товарищи, что если назначат повторное голосование, то Бориса Николаевича опять „завалят“, а это совершенно недопустимо. Так я смотрю на эти проблемы». Но почему вдруг Казанник А. И. есть лицо фактически, если хотите, не полностью вменяемое? А хотя бы потому, что он сам точно не понимал тогда: то ли ему хотелось

работать в Совете Национальностей, то ли нет. В противном случае он попросту поступил как нечестный человек, так как обдуманно баллотировался лишь для того, чтобы с гарантией помочь Ельцину Б. Н. войти в состав Верховного Совета, так как иначе, видите ли, негодные депутаты съезда не дали бы ему такой возможности. Хитро? Да, но не только. Во всей этой комбинации ясно просматривается принцип: хочу желаемого любой ценой (любым способом). То есть, объективно говоря, подлый оттенок всего данного демарша налицо. Если это и есть вожаемая многими демократия в действии, то не надо впоследствии и жаловаться. Уже потом, когда по приказу Ельцина Б. Н. членов ГКЧП, несмотря на решение суда, будут держать в Матросской Тишине, Казанник Алексей Иванович, видимо, наконец, поймет подлинное или объективное значение им свершенного на Первом съезде народных депутатов СССР поступка, но, как говорится, будет уже поздно и придется ему в досаде на самого себя возвращаться из Москвы с должности Генерального прокурора РФ в родной Омск. Впрочем, а понял ли он до конца, что сделал на съезде, в самом деле? Ведь для него это (то есть исчерпывающее понимание), видимо, стало проблемой — проблемой восприятия действительности. Почему?

О проблеме восприятия действительности как таковой

(или о синдроме не восприятия сущности
кого-чего-либо)

В данном небольшом отступлении от темы Первого съезда народных депутатов СССР автор постарается выделить те основные смыслы, которые, с одной стороны, очерчивают проблему, с другой — дают какое-никакое, но все-таки ее решение. Во-первых, обратим свое внимание на то, что Казанник А. И. фактически не замечает вполне большой странности в собственном же поведении. Какой именно? А той, например, что он легко соглашается на измену — измену своего любимого героя Ельцина Б. Н. делу коммунистического строительства. Да, сам Казанник А. И. вполне мог быть врагом советской власти, как говорится, с рождения. Но факт воспринятого им измены со стороны конкретного и высоко-

поставленного противника или со стороны одного из руководителей, возможно, глубоко враждебного ему лично строя жизни явно свидетельствует о том, что Казанник А. И. был не в себе. Иначе говоря, он даже не брал в толк то несложное обстоятельство, что никакой коммунистический руководитель не может вдруг становится антикоммунистическим вождем, сохраняя при этом в себе самом черты честного человека. С другой стороны, ежели Казанник А. И. хотел достичь с помощью Ельцина Б. Н. исправления в родной стране опранным ранее социализма, то и тогда он поступал удивительно неразумно: страстно выражал ему полное доверие, опираясь лишь на его выраженную оппозиционность лично Горбачеву М. С. При этом он как бы совсем не замечает, что и Ельцин и Горбачев начинают оба с разной скоростью отходить все более и более от самого существования коммунистической идеи — идеи преобразования человека. Она ими вдруг начинает восприниматься исключительно утилитарно или как некое удобное приложение к заявляемым ими экономическим преобразованиям. Тем самым становится вполне очевидным глубокое непонимание Казанником А. И. самого существа вроде бы им почитаемого социализма. Другими словами, он, видимо, считал, что социализм смыслом своим сводится главным образом к всеобщему бытовому удобству и материальному преуспеянию. Во-вторых, Казанник А. И. с позиции внедренной в его сознание теории заговора предполагает жуткие козни в отношении любимого им Ельцина Б. Н. со стороны уже страстно нелюбимого им же партаппарата. Но ему совсем при этом не приходит в голову та простая мысль, что сам по себе никакой партаппарат не может быть носителем идеи заговора, что подобное бывает возможным только в ложном восприятии конкретным лицом самого данного понятия как некоего злодейского монстра, живущего лишь идеей свершения зла. То есть он никак не мог додуматься до той простой мысли, что ненавистный ему партаппарат мог быть тогда лишь орудием одного из двух боровавшихся между собой политических лидеров — либо Горбачева, либо Ельцина, а значит, ему всего лишь надо было занять сторону одного их них. Поэтому Казанник А. И., конечно же, был далек от сути окружавшей его политической действительности или он находился в состоянии фактического неразличения ее существа (сущностной невменяемости). Он видел в одном лагере милых ему Ельцина и Горбачева, а во втором — глубоко ненавидимый им партаппарат. В результате

сего печального состояния сознания Казанник А. И. и смог тогда совершить только ошибочное действие, лишь заметно усугубившее сложившуюся ситуацию.

Завершая анализ восприятия действительности (в данном случае ключевых элементов политической действительности позднего СССР), следует сказать следующее: Казанник А. И. есть яркая и одновременно типичная фигура финала советской истории, в которой драматически сошлись полное неумение большинства советских людей грамотно думать и страстное стремление их же охваченных нетерпением натур к вполне налаженному быту и материальному благополучию, сопоставимому с передовым в капиталистическом мире. В результате все они оказались помимо своей воли одной большой политической картой в игре вполне бесчестных политических сил, в борьбе двух выраженных изменнических начал, олицетворенных вполне мрачными фигурами Горбачева М. С. и Ельцина Б. Н. Делая выводы из случившегося в самом конце истории СССР, следует заметить, что проблема восприятия действительности как таковой или проблема ее беспристрастного, а значит, честного восприятия, есть ключевая проблема всякого ответственного человека, не желающего быть в роли инструмента в игре всевозможных подлецов и негодяев.

Но вернемся к материалам съезда, в которых мы можем обнаружить не менее странные и даже преступные действия его президиума. В чем же они конкретно выразились? А хотя бы в том, что он, объективно говоря, последовательно поддерживал межнациональные трения и страсти. Но как это проявилось? Когда депутаты от Армянской ССР попытались поддерживать сепаратистские настроения в НКАО по отношению к Азербайджанской ССР, президиум во главе с Горбачевым М. С. даже не попытался ставить вопрос о подлинной причине подобного конфликта и соответственно о способах его существенного или принципиального решения. Вместо этого он стал лишь лавировать между депутатами от двух союзных республик, с одной стороны, с другой — давать возможность всем желающим улаживания рассматриваемых отношений якобы во имя справедливости, как говорится, «подливать масло в огонь». То есть президиум совершенно очевидно дистанцировался от какой-либо серьезной ответственности за возможное и резкое

осложнение имевшейся тогда ситуации. Что это — глупость Горбачева М. С. и компании? Вероятно, что да. Но не только. Почему? А потому, что с помощью этой искусственной своего рода дуги напряженности этим нечистоплотным лицам вполне возможно было тогда и далее сохранять собственное предательское и одновременно господствующее положение. Почему? Потому, что в противном случае пришлось бы с большим трудом восстанавливать позиции социализма и коммунизма, а значит, пришлось бы показывать и собственную несостоятельность как подлинных и честных лидеров. В качестве иллюстрации к сказанному выше перечитаем некоторые выдержки из материалов Первого съезда народных депутатов СССР.

Джафаров В. Д., первый секретарь Шушинского райкома партии (НКАО): «Поскольку... вопрос о представительстве НКАО в Совете национальностей вызвал, как здесь говорили, кризисную ситуацию, считаю необходимым сделать следующее заявление. Думаю, что принятое решение об аннулировании результатов голосования по НКАО является следствием неинформированности депутатов относительно действительного положения дел. Считаю также, что грубо нарушены мои права, поскольку открытым голосованием были аннулированы результаты тайного голосования и тем самым отвергнуто волеизъявление почти двух тысяч депутатов, отдавших мне свои голоса. Но это не главное. Хочу сообщить, чем было вызвано включение моей кандидатуры в бюллетень для голосования. Я родился, живу и работаю в Шушинском районе Нагорного Карабаха, свыше 90 процентов населения которого азербайджанцы. Практически во всех 220 населенных пунктах области живут азербайджанцы, а в 53 их подавляющее большинство. Таким образом, более четверти избирателей, участвовавших в выборах в НКАО, — это азербайджанцы. И как представитель этой части населения области я являюсь членом Комитета особого управления Нагорного Карабаха. До начала работы съезда в Степанакерте было проведено совещание депутатов от НКАО. В нем приняли участие три депутата из пяти. Балаян был в Америке, а Григорян выезжал в Ереван для участия в проходивших там митингах. Кроме того, на совещании присутствовал Дадамян, избранный по квоте не от НКАО, а от Азербайджанской ССР. У нас достигнута договоренность выставить в Совет национальностей в числе двух

и мою кандидатуру. В связи с этим утверждение депутатов из Армении о какой-то узурпации является не чем иным, как дезинформацией. Теперь о других кандидатурах, о которых здесь говорилось: Балаяне и Погосяне. Зорий Балаян постоянно проживает в Армении, Погосян в настоящее время также не живет в НКАО, переселившись в Москву. Тем самым предлагается ввести в состав Совета национальностей лиц, не проживающих и не работающих в НКАО. Наконец, я имею юридические и моральные основания быть выдвинутым в Совет национальностей от НКАО Азербайджанской ССР. Прошу понять меня правильно. Мною движет твердая убежденность в том, что наличие в Совете национальностей от Нагорно-Карабахской автономной области представителей двух народов, проживающих в области, отвечает нашей главной задаче — добиться взаимопонимания, стабилизации и идти навстречу друг другу. Поэтому считаю недопустимым проведение повторного голосования». Амбарцумян С. А., ректор Ереванского государственного университета: «Академик Лихачев сказал красивые слова о культуре вообще и парламентской культуре тоже, кстати сказать. И думаю, что любое выступление, подготовленное, неподготовленное, экспромтное, должно содержать больше культуры. Это первое. Второе. Съезд решил уже переголосовать. Такое решение принято большинством голосов депутатов. Плюс право автономной области, где сегодня имеется особое положение, особое правление, введенное решением Центрального Комитета КПСС и Президиумом Верховного Совета. Вмешательство как Азербайджанской Республики, так и Армянской Республики я считаю незаконным. В данном случае этот вопрос должны решать депутаты НКАО. Я считаю, что консультации, которые были с участием Михаила Сергеевича и других членов президиума, которым мы предложили вести эти консультации с депутатами от НКАО, по существу, привели к такому предложению, которое сделал товарищ Погосян. Я считаю, что естественным будет, если сейчас мы проголосуем за то предложение, которое делает НКАО. Если бы спросили мнение депутатов от Армении, мы предложили бы совершенно другое. Но потому, что это внутреннее дело НКАО, мы других предложений не делаем и советуем этого не делать Азербайджанской ССР». Далее небольшое отступление в связи с возникшей темой культуры.

А бог ветхозаветной культуры скончается в положенные ему сроки...

Оскар Уальд как-то заметил, что всякое произведение искусства якобы бесполезно, якобы оно может быть либо прекрасным, либо не являться таковым. Академик Дмитрий Лихачев на съезде народных депутатов СССР «горюет» о нехватке культуры. Ежели классик прав, то много-много красная (или прекрасная) культура — это способ удержания человека в состоянии восторга (или восхищенности) от чар, исходящих от произведений деятелей культурной нивы. Но спросим самих себя: а зачем человеку нужно быть охваченным трепетом от восприятия всего «очень красного»? А затем, видимо, чтобы он не шалил, не ставил сложные и неудобные вопросы о подлинной сути человеческой жизни. А что, ведь вполне удобно выходит: культурный гипноз подействовал, и все вроде бы хорошо стало. Но каковы все-таки совокупные ресурсы этого сложного феномена, являются ли они нескончаемыми? Вряд ли. Почему? А потому, что культура решает всего лишь одну задачу — задачу околдовывания человека, а значит, так или иначе, и обожения им самой себя. Но тогда рано или поздно названное выше божество культуры начнет много-много повторяться или тиражироваться, что и приведет его же к естественной смерти. Другими словами, «многокрасие» не есть с сущностной точки зрения бесконечность, а значит, ее вариации вполне себе считаны, а значит, и не могут они быть самоценными (непреодоляемыми). Поэтому-то бог известной человечеству культуры, как ни крути, исторически, конечно же, обречен, и ставка на его ресурс есть ставка негодная. Другое дело, что только молитвенные искания подлинного (не придуманного) Бога вполне смогут стать надежным и вполне неиссякаемым источником для обретения иной — новозаветной культуры.

Но вернемся к материалам съезда. Вольский А. И., председатель Комитета особого управления Нагорно-Карабахской автономной области, заведующий Отделом ЦК КПСС: «Положение в НКАО очень сложное, оно неоднозначное. С 3 мая в Нагорном Карабахе продолжаются забастовки. Ежедневно стычки на межнациональной основе. Эмоции буквально повсеместно побеждают разум. Все призывы, все просьбы, беседы с аксакалами и старейшинами, молодежью, интеллигенцией пока к должным результатам не при-

вели. Есть обнадеживающие перспективы: некоторые предложения отработываются в республиках — и в одной, и в другой. Но вот сейчас, сегодняшний накал страстей, он пойдет только во вред. Я это однозначно могу сказать. Уже два дня бурлят не по своей воле некоторые районы как Азербайджана, так и Армении. В НКАО неспокойно, сегодня и вчера, особенно после этих дебатов. Все приняли как абсолютно разумное решение съезда отменить выборы по НКАО. Почему их отменили? Я хочу, чтобы все поняли. Ситуация была такая (интересно, а кто именно приложил или, наоборот, не приложил к тому руку? — *Авт.*). Когда собралась делегация НКАО, в Комитете особого управления товарищи высказались за то, чтобы в состав депутатского корпуса Верховного Совета СССР были избраны в Совет национальностей товарищ Джафаров, я это подчеркиваю, азербайджанец, который выступал здесь, и товарищ Погосян, бывший первый секретарь обкома партии НКАО. Эти предложения были практически единодушно выработаны в составе депутатов НКАО. Я их считаю исключительно разумными. Все были в полном единодушии и согласии (Разве? Ведь все последующие события говорят все-таки о другом! — *Авт.*). Но затем по каким-то причинам (ай-яй-яй! — *Авт.*), произошла трансформация (Чудеса, да и только! — *Авт.*) кандидатуры Погосяна в кандидатуру первого секретаря Мардакертского райкома партии товарища Габриеляна. Уже утром мы получили список, в котором были новые кандидатуры без учета мнения собрания депутатов НКАО. (Значит, кандидатура Габриеляна и кандидатура Джафарова). Вы получили его на руки. Джафаров всегда при всех случаях оставался. Я не понимаю эмоций Вагифа Джафаровича Джафарова (А по занимаемой должности вообще-то следовало бы понимать. — *Авт.*). Он всегда при всех случаях оставался. Это вызвало реакцию делегации НКАО, почему с ними не считаются. Был Погосян, стал Габриелян и т. д. После этого произошло собрание, достаточно эмоциональное, в составе делегации. Они выдвинули такой тезис: раз с нами не считаются, значит, будет кандидатура товарища Балаяна и товарища Погосяна без кандидатуры Джафарова. Этот эмоциональный всплеск был в первый день после раздачи списков на руки. Затем я должен сказать, что Михаил Сергеевич и товарищ Лукьянов проявили мудрость и встретились с обеими делегациями НКАО и Азербайджана (Интересно, а почему это вдруг составная часть от целого

посредством третьей стороны ведет с ним переговоры, разве это законно, разве НКАО уже вне Азербайджанской ССР? — *Авт.*) Отдельно встречался с ними еще раз Анатолий Иванович, отдельно вчера снова были разговоры, отдельно — снова сегодня. В конце концов выработано некоторое, хоть и хрупкое, равновесие: отдать на ваше суждение, на ваш суд три кандидатуры, те, которые были внесены и не рассмотрены здесь. Надо констатировать, что Виталий Иванович Воротников не поставил на голосование вопрос, который внес Нагорный Карабах. Это вина председательствующего. Я считаю, в этих условиях надо было проголосовать. Сегодня есть возможность разумно подойти ко всем трем кандидатам. Я имею в виду, что если обратиться к порядочности и через три месяца попросить товарищей, скажем, на следующей сессии получить еще одно место. Но есть и другой путь. Если этого не захотят, то надо проголосовать, спокойно проголосовать, взвесить то, что мы все говорим (Интересно, а на каких весах взвесить-то? — *Авт.*). Сейчас, я умоляю, не продолжать дискуссию. Нас смотрит и Нагорный Карабах, и Азербайджан, и Армения. Каждое неосторожное слово снова обернется против женщин, детей, стариков, против всего населения. Каждое неосторожное слово. Я вас очень прошу, не продолжать дискуссию на эту тему (А как же тогда голосовать? — *Авт.*)».

Как мы видим, интересы сторон оказались почему-то, с одной стороны, диаметрально противоположными, с другой — Горбачев М. С. и его присные всячески уклонялись от серьезной работы, переваливали всю собственную ответственность на плечи съезда. Могла ли подобная фактически преступная политическая линия не привести к последующим кровавым событиям и в Нагорном Карабахе, и в Баку, и в Вильнюсе, и в Риге? Ответ возможен, конечно же, только один: нет, не могла. Кстати, события 9 апреля 1989 года в Тбилиси и стали кровавым прологом к названным выше событиям. Да, конечно, мы сегодня взамен этому недавнему и трагичному прошлому, рожденному перестройкой, получили радости «общества потребления». Только вот вопрос: надолго ли? Кроме того, не ждет ли всех нас за это массовое малодушие еще более страшная беда? Какая именно? Да хотя бы утрата и нынешней, уже и так сильно уменьшившейся Родины. Почему же так? Да, например, потому, что ныне уже буквально весь мир стремительно обгоняет нас по всем серьезным показателям развития. По

каким именно? Например, по выпуску наукоемкой продукции в мировом производстве доля России образца 2008 года составляет всего 0,3 процента, тогда как, скажем, доля незначительного Тайваня уже 3,2 процента. То есть нынешняя Россия — это действительно просто потребитель мировой продукции, правящий класс которой буквально одуревает от избытка нечестно присвоенных им средств и ресурсов всего нашего Отечества. Так стоило ли Горбачеву М. С. и компании затевать сию грустную историю общего морального упадка, если еще не распада и самого народа? Ведь каких-либо эффективных ресурсов для восстановления человеческого достоинства, если хотите, человеческого лица, гражданами России нынешние властители, очевидно, не располагают и располагать не могут. Почему? А потому, что тогда они сначала должны будут отказаться от защиты всего ими лично захваченного, что, конечно же, составит для них самих неподъемную проблему. Поэтому-то в ближайшем будущем у самой России большие, возможно даже огромные, потрясения, избежать которых, видимо, ей не удастся. Иначе говоря, всякая измена, всякое предательство рано или поздно ведут лишь к беде. Что же предали советские люди? Они предали всего лишь пускай не совсем удачную, но все же искреннюю попытку обретения от лица всего исторического человечества честной и справедливой жизни, разменяв ее на пошлую возможность индивидуального материального преуспевания. А что же подлинные враги Советской России? А они, угадав в Горбачеве М. С. своего тайного союзника, вполне себе перешли в широкомасштабное наступление. В частности, Горбунов А. В., Председатель Президиума Верховного Совета Латвийской ССР: «Сейчас нередко можно услышать суждения о центробежных тенденциях, упреки в сепаратизме. Порой любое упоминание таких слов, как самостоятельность, суверенитет, независимость, сразу же преподносится как призывы к выходу из Союза ССР. Думаю, что здесь много недоразумений, лишней подозрительности или просто незнания. Так все-таки о какой независимости идет речь, что мы под этим подразумеваем? Во-первых, это признание того факта, что наше государство образуют суверенные союзные республики, которые обладают правом свободно, без какого-либо внешнего давления определять свой внутренний и внешний политический статус. Отсюда наше предложение изложить статью 70 Конституции СССР в следующей редакции: „Союз Советских

Социалистических Республик — союзное, многонациональное государство, образованное на условиях союзного договора в результате добровольного объединения равноправных советских социалистических республик. В основе этого объединения лежит принцип свободного самоопределения наций“. Во-вторых, это признание необходимости перераспределить государственные полномочия таким образом, чтобы союзные республики могли на своей территории сами осуществлять всю полноту государственной власти. При этом мы исходим из того, что союзные республики являются первичными, а федерация — производной. Только республики могут передать Союзу или вернуть себе те или иные полномочия, а не наоборот. Ибо республики создали Союз. В-третьих, республику нельзя признать суверенным государством, если она не может самостоятельно распоряжаться своей территорией и ресурсами. Согласно статье 11 Конституции СССР, земля, ее недра, воды, леса, а также основные средства производства являются исключительной собственностью государства, то есть общим достоянием советского народа. Однако трудно представить, о какой экономической самостоятельности республики может идти речь, если конституционно не будет закреплена собственность народа союзной республики на землю, ее недра, воды, леса и другое имущество, каковое создается или находится на территории этой республики. И наконец, в-четвертых, суверенное государство не может быть ограничено в своей законодательной деятельности. В связи с этим мы обращаемся к народным депутатам СССР. Ныне действующая Конституция предоставляет нам право на съезде принимать законы по любому вопросу. Но если вдуматься, то это противоречит принципу суверенитета республик. И хочется надеяться, что съезд народных депутатов СССР и Верховный Совет в своей законодательной деятельности ограничатся уровнем и проблемами федеративных отношений, а остальное оставят для законодателей республик. Каков же вывод из всего сказанного? Он заключается в том, что одним из решающих аспектов проведения в жизнь ленинской идеи социалистического федерализма остается уважение права наций на самоопределение. Без этого нам не достичь взаимопонимания и доверия в нашем многонациональном союзном государстве. Не будем забывать, что суверенитет — неотъемлемое право народа и государства. И будем относиться к этому праву разумно и с уважением». Здорово, а? А если смотреть,

как говорится, по сути? Но сначала зададимся вопросом: может ли часть целого иметь равные с ним права? Кто-то, возможно, скажет: а почему, собственно, и нет? Но разве, например, нога или рука смогут спорить со всем телом или, скажем, друг с другом? Отрицательный ответ очевиден. В таком случае или в случае рассмотрения СССР мы имеем либо изначально нецелое, либо попытку представить невозможное вполне возможным. Да, история создания самого СССР связана с использованием принуждения, но не только. Если бы СССР создавался лишь с помощью грубого насилия, то тогда он непременно бы столкнулся с непрерывными проявлениями национально-освободительной партизанской борьбы только внешне покоренных народов. Возвращаясь к странам Прибалтики, вошедшим в состав СССР, мы понимаем, что все было много сложнее: было и принуждение, но была и воля самих прибалтийских народов к вхождению в состав союзного социалистического государства. Поэтому-то СССР и стал таковым. Другое дело, что интересы правящих кругов той же Латвии со временем стали входить в противоречие с интересами всего СССР, который фактически стал стремительно утрачивать какие-либо убедительные общенародные цели для собственного же бытия. Возвращаясь к процитированному выше тексту выступления Горбунова А. В., в свою очередь так и подмывает спросить его: а если бы местные «суверенные» власти уже внутри самой Латвии выступили с подобными речами, то это также рассматривалось как нечто правомерное или на сей счет возникли бы уже совсем другие соображения? Вероятный ответ очевиден, а значит, вполне очевидно и лукавство латышского руководителя уже на союзном уровне. Иначе говоря, сохраняя внешнюю или показную вежливость, латышский лидер на самом деле или фактически заявил о выходе Латвии из состава СССР. А как же реагировали на сии речи депутаты? А они, чудачки, лишь аплодировали им.

Но пора, вероятно, обратиться и к речи будущего руководителя России Ельцина Б. Н. Во всяком случае, любопытно узнать, насколько он был тождественен самому себе во времени. Что наиболее привлекает внимание сегодня в словах будущего первого президента РФ? «На съезде решается главный вопрос, от которого зависит будущее нашего общества. Это вопрос о власти, которая по праву должна принадлежать народу в лице его высшего законодательного органа, т. е. съезда народных депутатов... Как ни

парадоксально, съезд, который должен взять в свои руки власть, ответственность за перестройку и преобразование общества, оказался заложником законов и решений, принятых предыдущим Верховным Советом, сформированным еще в застойные времена... Между тем положение в стране крайне тревожное. Активизировались и консолидируются антиперестроечные силы, прогрессируют теневая экономика, коррупция, растет преступность, размываются моральные устои общества, обостряются проблемы молодежи, которая требует к себе политического доверия от всего нашего общества, поскольку за ней будущее. Углубляется расслоение общества по имущественному признаку, не реализуются принципы социальной справедливости и социального равенства. Число бедных растет, падает вера советских людей в реальные результаты перестройки, обостряются противоречия в международных отношениях. Видимо, требуется создание комиссии Верховного Совета по малым народам... Широчайшие слои народных масс сегодня не вовлечены в управление государством по существу. Наша печать, так много сделавшая на первых шагах перестройки, по-прежнему находится под контролем групп лиц, не отражает всего многообразия мнений членов общества. Государственные и общественные институты не претерпевают каких-либо серьезных изменений, не сокращаются. Их громоздкость — непосильная обуза для общества... Очень кратко, что и как, по-моему, надо сделать, чтобы перестройка продвигалась. Прежде всего следует рассмотреть на съезде народных депутатов СССР цели и задачи общества, с их учетом утвердить комиссии, начать подготовку проекта новой Конституции... Конституционным путем следует предоставить трудящимся право выбора руководителя государства из альтернативных кандидатур всеобщими равными и прямыми выборами. Но главное — надо решить вопрос о роли и месте партии в обществе. Неотложной задачей представляется разработка и принятие закона о партии, который бы определил рамки компетентности и правомочности решений, принимаемых партийными органами. Время критическое, ждать нельзя. Процессы демократизации партии серьезно отстают от темпов демократизации общества. Авторитет партии в массах падает. Поправить положение дел в партии, по моему мнению, может внеочередной XXVIII съезд КПСС, на который должны быть делегированы представители от всей партии путем альтернатив-

ных и прямых выборов в первичных организациях. На съезде партии следует также рассмотреть вопросы общей концепции перестройки, ее стратегии и тактики, чистоты рядов партии, избрать новый состав ЦК, так как нынешний состав за эти годы не решил поставленных задач... Чтобы реформа пошла, надо предоставить больше политических прав, а также экономическую и финансовую самостоятельность, хозрасчет каждой союзной республике, дать им территориальный суверенитет. И я поддерживаю в основном предложение, которое высказал депутат Горбунов от имени прибалтийских республик, в том числе за введение двуязычия. За центром следует оставить право координации вопросов, которые касаются интересов государства и общества в целом... Есть некоторые замечания по работе съезда. Не могу не высказать еще одно беспокойство. Настоящий съезд, Конституция и партия наделили главу государства чрезвычайно широкими полномочиями. При этом просматривается очень тревожная тенденция: на фоне общего ухудшения экономической ситуации и обострения национальных вопросов происходит рост личного влияния и власти в руках главы государства. Эти „ножницы“ могут привести к соблазну решать наши сложные проблемы силовыми методами. Мы можем вновь оказаться, сами того не заметив, в плену нового авторитарного режима, новой диктатуры. Тем более что за 70 лет нами так и не накоплено опыта ни партийного, ни парламентского, ни народного контроля за действиями лидера государства. Считаю, что в рамках построения правового государства настоящий съезд обязан создать соответствующие, коллективно работающие механизмы. В качестве одного из элементов такого механизма предлагаю принять закон о ежегодном референдуме по вопросу доверия Председателю Верховного Совета СССР».

Что, прежде всего, бросается в глаза при прочтении процитированного выше текста? Видимо, то, что Ельцин Б. Н. под предлогом заботы о народных нуждах искренно желал ослабить влияние на положение дел в стране тогдашнего руководства КПСС, влияние и власть Горбачева. Да, Горбачев М. С. и компания, конечно же, вели дела из рук вон плохо: занимались более всего поддержанием личной популярности в народе, заигрывали с ним, пытались сеять пустые надежды и обещания. Но зачем Ельцину надо было еще более ослаблять и так уже вполне ослабевшее? А затем, чтобы самому было бы легче заметно ослабевшую власть перехватить.

Но к чему он при этом поддерживал инициативы сепаратистского толка? А затем, видимо, что без поддержки фактических врагов СССР ему было никак не обойтись. То есть он, прямо как генерал Власов в годы Второй мировой войны, решил использовать какую-никакую, но все-таки мощь противников СССР для собственного прихода к власти уже в России. Другими словами, Ельцин Б. Н. с сущностной точки зрения уже во времена Первого съезда народных депутатов СССР был его врагом. Да, можно было не любить СССР как тюрьму народов, коммунизм как идею, а наличный социализм как вполне скомпрометировавшую себя практику, но бороться с ними с позиции заговора против них, конечно же, было недостойно порядочного человека. Поэтому Ельцин образца 1989 года — это уже сознательный, образно говоря, иуда, который осознанно ставит перед собой вполне предательские цели. Причем этот, с позволения сказать, лидер совершенно спокойно отказывается от наследия предков, которые во многих поколениях русских людей, так или иначе, стремились к цели всечеловеческого праведного бытия. Впрочем, многие советские люди в 1989 году и сами были готовы к аналогичным мелочным настроениям, искренно полагая, что капитализм спасет их лично от нужды и даст все вождевленное ими в одночасье. Им даже не приходило тогда в голову, что цена реставрации капитализма может стать предельно высокой — полной утратой достоинства и чести, а в конце концов, даже собственного Отечества. В результате и выходит, что эпоха перестройки с сущностной точки зрения — это эпоха господства предателей из числа советских людей, ставших таковыми под действием искусственно привнесенной изначально порочными людьми наивной надежды на обретение всего лучшего взамен отказа от поиска идеала.

А вот высокохудожественные речи еще одного высокопоставленного коммуниста-предателя, которые прозвучали с трибуны съезда. Арутюнян С. Г., первый секретарь ЦК Компартии Армении: «Вот уже полтора года сотрясает нашу республику, весь наш регион и отзывается эхом по всей стране резко обострившаяся проблема Нагорного Карабаха. И здесь, во Дворце съездов, она не раз звучала в эти дни. Она трагически высветила все острые грани межнациональных отношений. Десятилетиями повторяли мы высокую истину ленинской национальной политики — все народы в нашей стране равны. И десятилетиями методично подстригали

под казенный газон живые ростки межнациональных отношений. И в наши дни есть попытки подменить серьезный и честный анализ проблемы звонкой фразой о дружбе и братстве, а обостренность межнациональных отношений свести только лишь, я повторяю, только лишь к проискам экстремистов и козням коррумпированных кругов. Смещение причины со следствием, жесткий прессинг со стороны средств массовой информации, манипуляция общественным мнением, призывы к взаимопониманию, не подкрепленные реальными шагами, только обостряют обстановку. Надо вещи называть своими именами. Мы имеем дело с последствиями сталинского, антидемократического подхода к решению судеб народов. Признать неприкосновенность таких решений — значит признать справедливость и обоснованность действий того режима, который привел социализм к тяжелым деформациям. Мне и другим депутатам от нашей республики избиратели прямо задают вопрос: почему, если мы сегодня восстанавливаем историческую справедливость в отношении отдельных людей, пострадавших в прошлые годы, нельзя сделать то же самое в отношении целых народов?.. Мы стремимся к нормализации обстановки, к диалогу, к поиску конструктивных решений. Но сталкиваемся с различными препятствиями в установлении естественных связей Армении с Нагорным Карабахом. Решение любых вопросов, будь то экономические, социальные или культурные, превращается чуть ли не в политическую проблему. Я уже не говорю о поездках руководителей нашей республики. Не могут беспрепятственно бывать в Нагорном Карабахе деятели науки и культуры. То есть и сейчас имеют место многочисленные рецидивы прежнего мышления, прежних подходов. На протяжении многих лет мы абсолютизировали классовую солидарность. Убаюкивали ею сами себя. Сегодня мы видим: при запущенности национальных проблем в жизни народа могут доминировать национальные чувства, рождая всплеск национальной солидарности. В Армении проблема Нагорного Карабаха стала общенациональной идеей, настолько глубоко проникшей в сердца людей, что даже небывалое стихийное бедствие не заслонило ее. Создание Комитета особого управления НКАО — компромисс, продиктованный реальной обстановкой. К сожалению, Комитет унаследовал правовые несовершенства областной автономии и не стал самостоятельной управленческой системой, выводящей автономную область в прямое подчинение

центру. У людей появилось недоверие к Комитету, в НКАО вновь обострилась обстановка, что стало детонатором осложнения ситуации и у нас в республике. Важно, как отмечалось на недавнем заседании Комиссии Политбюро ЦК КПСС по международным вопросам, расширить полномочия Комитета особого управления, предоставить ему реальные права самостоятельно решать все жизненно важные вопросы автономной области. В то же время очевидна и необходимость восстановления функций областных органов — обкома партии, областного Совета — с передачей им в последующем всей полноты власти и права подчинения центру. Проблеме Нагорного Карабаха руководство страны уделяет большое внимание. Вопросы неоднократно рассматривались в Политбюро ЦК КПСС, в Президиуме Верховного Совета СССР, в правительстве. Но проблема по-прежнему остается острой, кровоточащая рана не заживает. Наш съезд наделен таким важным правом, как принятие решения о проведении референдума. Думаю, что съезд мог бы воспользоваться этим правом в отношении Нагорного Карабаха. Пусть население этой автономной области путем свободного волеизъявления само решит свою судьбу».

Вот так, как бы из лучших побуждений, предатели и похищают людские души, соблазняют их явно упрощенными объяснениями сложных явлений жизни, создают социально-политическое напряжение, ведущее только к конфликтам и последующим многочисленным бедам. Почему же? Да хотя бы потому, что вместо мифа о классовой солидарности начинают строить иной миф — *националистический* («проблема Нагорного Карабаха стала общенациональной идеей»). Впрочем, кто-то возразит автору, что совсем не патриотично во многих руководителях собственной страны видеть предателей. Да, подобное печально будет. Но что делать-то?

В чем проблема становления патриотизма в России начала XXI века?

Казалось бы, что подобного вопроса и нет вовсе. Почему? А хотя бы потому, что любить все свое, или родное, а в данном случае свое Отечество — это как дыхание, а значит, проблем его становлению вне патологии и быть-то не может! Но реальная российская действительность, как ранее и советская, не очень-то подтвержда-

ют чистоту решения вопроса. Что так? Во-первых, еще в советское время с помощью талантливых от эстрадного искусства людей появилось весьма презрительное наименование «совок». Сия кличка как бы сообщала всей мировой общественности, что «продвинутые» в СССР люди совсем не являются его патриотами. И более того, они же рассматривают советских патриотов в качестве недоумков. Теперь, в постсоветской России, сначала модно было говорить, что патриотизм — это последнее прибежище негодяев, затем появился запрос на хотя бы олимпийский патриотизм, на патриотизм «вставания России с колен», на которые не совсем понятно кто и за что ее родимую поставил. Впрочем, сначала в части некоторых элементов царского, а затем и некоторых элементов советского прошлого со стороны российских властей были сделаны очень робкие шаги навстречу. С другой стороны, любить же всерьез «победы» постсоветской России, конечно же, всякому совестливому человеку очень неловко будет. Что так? Да хотя бы взять коэффициент имущественного расслоения среди граждан страны, который ныне составляет 5 американских или 10 норвежских. Причем ладно бы, ежели самые бедные граждане нашего Отечества имели нечто похожее на достойное современного человека содержание, так ведь нет подобного и в помине. Простой вопрос: опять зарубежные недруги со своими кознями постарались? Да нет, сами виноваты — плохо и мало работаем. Зато уж наши богачи — это сущие трудяги, богачам всего мира примером вполне могут стать. Вот и выходит, что гордиться и любить современную Россию все-таки есть за что, и даже очень глупы и зловредны будут те, кто не согласен с этим славным обстоятельством будет. Если же говорить всерьез, то без резкого изменения политики российских властей в части перераспределения доходов от экспорта природных ресурсов Отечества в пользу нуждающихся сограждан и организации собственного достойного мирового рынка производства конечного продукта ожидать заметного прироста патриотизма очевидно не стоит. Но как же стяжать подобную политику? Вот тут России без подлинных патриотов обойтись точно не удастся. А в чем должна состоять их роль? А хотя бы в том, чтобы стать для других примером не фиктивной совестливости и честности. Кроме того, ежели авторитетные в глазах многих сограждан люди начнут систематически выражать в публичном виде объективные оценки действиям все еще ангажированных богачами российских властей,

то последние, вероятно, скорее всего, хотя бы из соображений самосохранения, начнут считаться с этим и начнут думать всерьез о нуждах народных. Вот тогда, может быть, и проблема становления патриотизма в родном Отечестве перестанет быть таковою. Впрочем, имеется еще один аспект патриотизма, не затронутый предложенными выше рассуждениями. Но какой же именно? Духовный или, если хотите, мировоззренческий аспект остался пока вне рассмотрения. Но что в нем такого уж важного? А то, что именно он и определяет цель бытия, в данном случае России. Иначе говоря, нельзя всерьез быть патриотом России вне подобного знания. Кто-то скажет, что, мол, конечно же, культура и традиции и являются тем самым духовным стержнем, вокруг которого и формируется настоящий российский патриот. С одной стороны, оно вроде бы и так, но с другой — оно же далеко не исчерпывает собой проблему. Почему? А хотя бы потому, что, например, русская классическая литература сама по себе во многом связана с поиском человека самого смысла собственного существования, с попыткой изменения уже сложившегося в Российской империи положения дел, а значит, она лишь выражает собою поиск искомого нами духовного стержня или, если хотите, самого существа праведного бытия. Другими словами, вне знания сути, скажем, добра, возможно ли вообще существование подлинного патриотизма? Ежели нам всем нужен лишь квасной патриотизм или патриотизм нашего мнимого или немнимого могущества (превосходства), то тогда, конечно, заявленные выше тонкости будут явно избыточны. В противном случае для не шатающегося от случая к случаю русского патриотизма потребуется уже выраженное стремление к вхождению в праведную жизнь, причем это стремление должно будет формироваться непременно на государственном уровне. Всякое иное строительство русского патриотизма приведет нас ровно туда, где мы уже бывали, где насилие и обман вполне ставят себе, в конце концов, известный грустный результат.

Вернемся к материалам съезда и поинтересуемся: а были ли на нем депутаты, которые что ли чувствовали уже тогда, что партийные вожди предадут дело рабочего класса? В частности, обратим внимание на слова депутата Бакулина В. И., бригадира слесарей Ивановской прядильно-отделочной фабрики «Красная Талка»: «Я держу постоянную связь с ивановцами, особенно волнует их то,

что часть депутатов ведет откровенную борьбу за политическую власть, используя разные методы, вплоть до оскорблений, угроз, навешивания ярлыков. Это вызывает протест избирателей. Они считают, что такая обстановка на съезде может только ухудшить положение в нашей стране. Меня, рядового члена партии, беспокоит настроение тех депутатов, чьи выступления и действия направлены на принижение роли и значения КПСС, происходящих перестроечных процессов. Есть попытки вбить клин между партией и народом: видимо, эти люди имеют свои далеко идущие политические цели. Разве непонятно, что именно по инициативе партии, ее ЦК, Политбюро в стране происходят перемены в экономике, социальной жизни, и нам не безразлично, товарищи, кто поведет перестройку дальше. Другой силы, как Коммунистическая партия, мы не видим, ее политику будем поддерживать. Меня удивляет, почему молчат на съезде партийные работники? Почему не дают отпор явно экстремистским нападкам на партию? Если нам дороги идеи перестройки, мы, коммунисты, не должны уходить в сторону, уклоняться от дискуссий». Как мы видим, на съезде продолжала царствовать вера в принципиальную непогрешимость руководства КПСС, с одной стороны, с другой же — явно чувствовалось недоумение в отношении поведения среднего партийного звена по части непонимания причин молчания названных партийных работников. Зато среди демократически настроенных депутатов тогда же звучали вполне ясные и фактически враждебные стране речи. Депутат Власов Ю. П., писатель: «Нетерпимость и в этом зале как знамение всех тех лет. Оно в шиканьях и в стремлениях заткнуть рот оратору. Для народа перестройка (наряду с преодолением экономического кризиса) — это преодоление аппаратной системы. Эта система целиком взошла на принципах подавления личности, бесправия каждого в отдельности — бесправия и, следовательно, незащищенности. Еще очень много лжи носили мы в себе. Да, сейчас гласность, но оттого, что нам ее подарили, мы не замрем в благодарной почтительности. Демократию следует развивать. Она гарантия нашей силы, а главное — будущего. Мы не можем, не должны ставить свое будущее в зависимость от моральных качеств одной личности. Мы должны дать народу правовое демократическое управление, преодолеть экономический кризис. Это возможно лишь в том случае, если мы сконструируем четкое законодательное право — право спрашивать с

тех людей, которые вот здесь, в зале, представляют правительство. Спрашивать с них и тех, кто стоит за ними. Это будет спрос народа... Так, теперь несколько слов о вчерашних овациях зала на сообщении о применении силы в Тбилиси. Преступно убивать за убеждения. Лозунги, политическая чужеродность, говоря об инакомыслии, не могут служить оправданием убийств. Такая позиция смыкается с той, которая привела нашу страну к невиданным в мире убийствам, которые мы до сих пор не в состоянии усвоить разумом и своей совестью. После этих оваций для меня очевидно: размежевание практически неизбежно; нас разъединяет больше, чем соединяет. Это различие в понимании самих основ жизни». Вот так, «различие в понимании самих основ жизни», ни больше и ни меньше. То есть депутат Власов, очевидно, легко присваивает себе самому правду жизни, как говорится, во всей ее исчерпывающей полноте. Иначе говоря, кто против демократии, тот есть непременно нетерпимый субъект, а кто против названного выше нетерпимого субъекта, тот вполне себе терпимый демократ. Странно, почему это вдруг неприятие демократии запрещено? Неужели демократия безгрешна и священна? Неужели голосование грешных людей гарантирует безгрешный результат? Теперь, депутат от самой что ни на есть «стерильной» демократии заявляет, что «преступно убивать за убеждения», а за преступные действия, маскируемые нарочитой публичной молитвой и такими же танцами? Видимо, одержимость даже самой чистой демократией также не хороша будет, ведь тогда все хорошее — это будет ее исключительной заслугой, а все плохое — только ее противников. Поэтому подобное понимание «самых основ жизни», конечно же, может вызывать лишь сожаление. Странно, но депутаты как будто бы не понимают, что, борясь за демократию, они ведут открытую борьбу против социализма, против самих его основ. Почему? Для ответа на последний вопрос сначала перечитаем слова Сахарова А. Д., который задолго до падения социализма как-то изрек следующее: «Отойти от края пропасти всемирной катастрофы, сохранить цивилизацию и саму жизнь на планете — настоятельная необходимость современного этапа мировой истории. Это, как я убежден, возможно лишь в результате глубоких геополитических, социально-экономических и идеологических изменений в направлении сближения (конвергенции) капиталистической и социалистической систем и открытости общества... Нужно новое мышление

человечества!» То есть без сближения и взаимного проникновения капитализма и социализма в будущем человечества ничего невозможно будет. Но разве, например, «Моральный кодекс строителя коммунизма» и принцип «Свободы прибыли ради прибыли» хоть в чем-то совместимы будут? Неужели этого сущностного конфликта самой цивилизации великому физику было не понять? Иначе говоря, подобное сближение возможно лишь в пользу капитализма, в пользу его новых, еще невиданных доселе форм. Тогда как сам дух капитала, дух наживы, дух безудержного обогащения одних за счет других никуда не девается, а лишь несколько прикрывается, что ли, скажем, словами о правах человека. Правда, о самом том человеке, о его сути, как говорится, ни гу-гу, ни полслова. Поэтому-то и получается, что Первый съезд народных депутатов СССР — это съезд предателей (как явных, так и бессознательных) социализма. А вот еще и «славная» роль советского писателя Белова В. И., секретаря правления Союза писателей РСФСР: «Вообще не мешало бы поговорить о политическом, экономическом и финансовом равенстве советских союзных республик. Неравное политическое положение РСФСР в союзе наших республик становится, по оценкам экспертов, источником русофобии. Поскольку в РСФСР отсутствуют такие важные органы, как ЦК, многие государственные комитеты, Академия наук, то и предполагается, что их функции якобы выполняются общесоюзными органами. Не потому ли все общесоюзные органы воспринимаются как русские органы? Их ошибки и просчеты, все пороки нашей системы, в которой живут все наши народы, воспринимаются как ошибки русских людей. Неравенство республик сказывается и в формировании общесоюзного бюджета, в политике заготовительных цен, дотаций и распределяемых фондов. Многолетнее неравенство подтверждается демографической ситуацией. Она, эта ситуация, неблагоприятна не только в РСФСР, на Украине и в Белоруссии, но и в Эстонии, Латвии и Литве. Однако экономическое неравенство особенно характерно для Сибири и так называемого Нечерноземья. Большинство депутатов нашего съезда просто не знают удручающих статистических данных по этому делу. Во избежание эмоционального всплеска я не буду зачитывать цифры. Скажу только одно: до революции русские и украинцы имели самый высокий прирост населения. Теперь и те и другие оказались перед угрозой депопуляции... Надо жить и работать со все возрас-

тающей ответственностью». Весело, да? Известный писатель радуется за выделение особого русского правления для РСФСР, тогда как сама суть русского стремления — это, конечно же, построение общечеловеческого праведного дома. Неужели Белов В. И. этого не понимал? Да, построенный социализм был во многом несправедлив, но кто строил его, разве не русские люди? Тогда к кому сии неумные вопросы? И разве выделение РСФСР решало судьбу русского дела? Видимо, поэтому-то в финале выступления и звучит вполне смешное поучение: «Надо жить и работать со все возрастающей ответственностью». Почему смешное? Да потому, что «все возрастающая ответственность» и есть таковая. Зато «мудрые» мысли писателя тут же подхватил и «творчески» развил депутат Ларионов В. П., заместитель председателя президиума Якутского научного центра Сибирского отделения Академии наук СССР, директор Института физико-технических проблем Севера: «В процессе подготовки новой Конституции нашей страны, которую, представляется, должен принять наш созыв народных депутатов СССР, возникнут сложнейшие вопросы относительно структуры наших национально-государственных и территориальных образований. Существующая структура, принятая при организации нашего Союза, была оправдана на определенном историческом этапе строительства социалистического государства. Однако на современном этапе нашего развития, когда в качестве приоритетов выдвигаются общечеловеческие ценности (Любопытно, а понимал ли оратор, что так называемые общечеловеческие ценности есть зловредный миф, всего лишь подлая выдумка для обмана простаков? Впрочем, вместо них есть объективность восприятия, есть шанс на восприятие истины, но не более того — Авт.) и необходимость создания правового государства, в отношении нашей коренной основы статуса союзных и автономных республик, автономных областей и автономных округов имеются вопросы, требующие четкого ответа. Их лучше задавать сейчас, когда мы намереваемся приступить к созданию новой Конституции страны. Мне, например (хотя с этой трибуны прозвучало иное мнение), совершенно непонятно, почему Татария имеет меньший уровень государственности, чем, скажем, глубоко чтимая мною республика древнейшей культуры — Армения. Или почему четырехмиллионная Башкирия занимает такой же меньший статус по сравнению, скажем, с Эстонией. Основной отличительный при-

знак при этом — наличие границ с зарубежными странами — для меня, например, является далеко не убедительным. Ведь по существу мы закладываем основы не разделения, а объединения наших народов на равноправных началах. В отношении таких народов и этнических групп, как эвены, юкагиры, нивхи, нанайцы и многие другие, наше государственное устройство практически не учитывает их присутствия. Проблема гармонического единства нашего многонационального государства, мне представляется, не решена на принципах существующей ныне структуры национально-государственных и территориальных образований. Вопросы, связанные с государственным устройством национально-территориальных образований, требуют глубокого изучения и широкого обсуждения продуманных и взвешенных решений. Именно поэтому неотложной задачей Комиссии по межнациональным отношениям Совета национальностей Верховного Совета СССР является выработка законопроектов для широкого обсуждения в стране по вопросам переустройства структуры национально-государственных и территориальных образований». Вот-вот, подайте нам «переустройство структуры». А то, что подобное лихое переустройство ничего, кроме национализма, не посеет, его энтузиаст, видимо, никак не понимал или все-таки понимал? Другими словами, ему было совсем невдомек, что коммунизм — это преображение человека, преображение его, если хотите, в праведника, для которого никакие государственные и территориальные переустройства уже будут не нужны. Вместо этого новоявленный советский мудрец провозглашает с трибуны съезда «разумное», «доброе» и «вечное»: «В сфере национальных отношений важное место занимает экономический аспект. Еще до принятия нового законодательства об Основах национально-государственных образований уже сегодня необходимо определить экономические права и обязанности союзных и автономных республик, в том числе в области внешнеэкономических связей, четко определить принципиальные основы экономических и финансовых отношений центральных и региональных организаций. Диктат общесоюзных министерств, который ныне общеизвестен и широко практикует свои нормативные акты, дискредитирующие законы обезличивают местные органы управления, являются фактором торможения регионального развития». То есть депутат Ларионов В. П., видимо стихийно (безотчетно), в последнем фрагменте своего выступления начинает

вести речь о возврате к подробным денежным или явно капиталистическим отношениям (счетам), полагая при этом, что ничего такого в его речах и не имеется. Он как будто бы понятия не имеет о централизованном развитии при социализме общественных фондов потребления с последующим резким снижением роли денег в будущем коммунистическом обществе. Да, на определенном этапе социалистического строительства был совершен коварный отход от изначально задуманного плана, но забывать о нем искренним сторонникам развития человека все-таки никак не стоило бы. И финальные слова сего бойкого депутата легко подтверждают сделанные ранее выводы: «На всех этапах нашего социалистического строительства мы трудились под лозунгом „Все во имя человека!“ Однако деформации наших социалистических принципов зачастую приводили нас к обратным результатам. Найти реальные пути преодоления этого, на мой взгляд, — главная обязанность корпуса народных депутатов. Причем важно находить эти пути на коротком промежутке времени. Всякое промедление слишком дорого обходится стране. Чем больше опаздываешь, тем больше приходится платить». Вот так, оказывается, что человек-то, во имя которого все и творилось ранее, уже в наличии, а значит, нечего мешкать и срочно даешь ему дорогому самое исчерпывающее благополучие. А иначе что, взбрыкнет что ли, капризный? А вот и адвокат вполне себе изменнической партии. Черниченко Ю. Д., комментатор отдела сельского хозяйства Центрального телевидения: «История с московской группой (речь о межрегиональной депутатской группе. — *Авт.*) — это страх перед реальной политической инициативой. Инициатива — на то она и инициатива, чтобы быть наказуемой. Чутко уловив полугласную команду, один предложил профессору — чисто маодздуновский прием — перековаться в цеху, другой потянул к ответу за дефицит, третий указал — „вон откуда пошла эта пакость аренды и кооперативов!“ А очаровательная депутатка из Казахстана даже лишила их своего женского расположения. Послушное негодование — оно ведь, будем памятьливы, совсем недавно плевало в Пастернака, клеймило Твардовского, кричало вслед Сахарову: „распни его“. И люди постарше, несколько опытнее недоступной делегатки, хорошо должны представлять самочувствие академика или писателя, который проклиная день и час, когда его рука поддастся слабости и он поставил свою подпись под низким документом. Но ничего не сдела-

ешь, уже не сотрешь это в памяти народной и истории. А итог — в Верховном Совете — по тому или по другому поводу — не оказались экономисты: Абалкин, Богомолов, Шмелев, Тихонов, Петраков, Попов, ну, естественно, нет социолога Заславской, историка Афанасьева. Там почти нет юристов. Нет ни одного из публицистов, прошу учесть, которых жадно читала страна! Это что — вспышка культурной революции? Или „мавр сделал свое дело, он может уходить?“ Только не нужно сейчас, пожалуйста, мне о ротации. Все понимают, что случайности тут нет никакой, и права старая колхозная припевка: „Не сама машина ходит, тракторист машину водит“... Я предлагаю, вместе с московской группой, принять Закон о земле. Повторить вслух ленинские, самые революционные после слов „Вся власть Советам!“ слова „от продрозверстки к продналогу“, в смысле национального спасения и утишения страстей, в смысле ликвидации дефицита продовольствия в два-три года. Сейчас, а не когда-нибудь после! Если мы к следующей сессии, осенней нашей встрече, не примем торжественно, с пением гимнов национальных, Закон о земле — грош нам цена. Доверия нам с вами больше не будет». Другими словами, депутат Черниченко Ю. Д. как бы в «праведном» гнев гонит Отечество свое в сторону измены — измены самому смыслу социализма. Почему? Да потому, что названные им выше лица есть таковы. Иначе говоря, они все, возможно даже безотчетно, уже были готовы к предательству вековой мечты человечества во имя материального преуспевания здесь и теперь любой ценой. Понимал ли это сам депутат Черниченко Ю. Д.? Скорее всего, вряд ли. Почему? Да хотя бы потому, что предлагавшийся им тогда истово Закон о земле есть закон принципиально противный социалистическому бытию, в котором места для торговли землей и быть-то не могло, а значит, он уже тогда должен был бы понимать, что войдет в историю объективно как предатель — предатель социализма. Тогда как в самом его поведении никак не усматривается подозрения в двуличии. Да, трудно спорить, что крупные провалы в воспитании человека как *человека морального* и привели СССР как к собственной гибели, так и к крушению социализма во всем мире. Но какие-либо попытки его немедленного свержения, конечно же, не могут рассматриваться с исторической точки зрения как приемлемые для умного и честного человека. Видимо, поэтому-то в речи депутата Черниченко Ю. Д. и не оказалось ничего достойного уваже-

ния его зрелыми потомками. Но не все были тогда предателями, в частности, депутат Калиш В. Н., сталевар электрометаллургического завода «Днепроспецсталь» им. А. Н. Кузьмина, Украинская ССР, г. Запорожье: «В прессе, насколько видно из прений на нашем съезде, некоторые товарищи примитивно его сводят только к лишению так называемых бюрократов незаконно получаемых ими благ. Нас устраивает то, что Михаил Сергеевич в своем докладе предложил создать комиссию по пересмотру этих всех льгот. Я не хотел бы свести суть вопроса только к этому. Я хочу задать вопрос — почему, невзирая на настойчивую пропаганду нашей прессой различного рода кооперативов, рабочий класс ко многим из них относится враждебно? Потому, что ощутимых плодов кооперативы не дали. А возможность получения огромных доходов внесла брожение в умы многих людей. В результате мы наблюдаем явный отток квалифицированной рабочей силы с государственных предприятий. Кстати, квалифицированной, я бы сказал, самой квалифицированной! Как здесь говорили — туда уходят умные. Они уходят туда, где можно быстро заработать большие деньги. Я же как сталевар такие деньги не могу заработать и поэтому хочу сказать: а если и мы, квалифицированные сталевары, уйдем в кооперативы? Кто тогда вам произведет качественный металл? Где же вы возьмете металл на самолеты, спутники? На нормальную технику, чтобы здесь не ругали те же комбайны, другие машины? В кооперативах что ли возьмете? Думаю, что здесь речь идет о развале государственных предприятий. Что касается кооперативов, Михаил Сергеевич, то здесь, в этом зале, на XIX партийной конференции, в Комиссии по подготовке проекта резолюции вы заявили нам, что не допустите, чтобы кооперативы выворачивали карманы рабочих. Хочу вам доложить: они не только выворачивают карманы, они раздевают нас, пытаются содрать с нас шкуру. Вследствие этого произошла поляризация: на одном полюсе — советские миллионеры, на другом — еле сводящие концы с концами работники. Кооперативы стали удобной формой легализации ворованных денег... И последнее. Как коммунист, сталевар с тридцатилетним стажем, занимавший активную жизненную позицию во все времена, не могу не коснуться одной важной, на мой взгляд, проблемы. Речь идет о партаппарате. Я бы попросил: не надо так на него набрасываться... Разве можно так? Нельзя нападать „вообще“. Не для того нас сюда послали избиратели, чтобы мы ярлы-

ки вешали друг на друга или докатились бы до того, чтобы начали вмешиваться в деятельность Комитета госбезопасности, оскорблять его. Мы приехали сюда для того, чтобы заниматься делом... Уважаемые товарищи ученые. Ведь это же вы верстали планы, ведь вы же подсовывали тому же Политбюро планы. А мы их выполняли. Почему же я здесь не слышу ваших конструктивных предложений, хотя московская группа в какой-то мере представила их? Но вы только критикуете. Кого же? Сами себя критикуете. Давайте начнем все-таки делать так, чтобы мы не верстали и не заставляли выполнять липовые планы. Чтобы производство не работало ради производства. Благодаря прессе именно с этими ребятами из партаппарата некоторые горячие головы пытаются связать все трудности перестройки. Наверное, речь идет о другом, о большем. Начав с кадров партаппарата, все более учащаются удары по самой партии. Считаю, что тот огонь, который открыли органы ЦК КПСС по партийным штабам, нельзя иначе расценивать, как выстрелы в спину. Товарищи депутаты! Рабочий класс за перестройку, возврата к застою нет. Залогом успеха перестройки должно стать единство наших действий. Мы не имеем права допускать национальные распри, противостояния одного народа другому, отгораживания друг от друга. Надо крепить Союз Советских Социалистических Республик». Вот она честная, но, к сожалению, не вполне умная позиция. Почему? А потому, что докладчик не называет вещи своими именами, не говорит, что руководство КПСС приняло втайне от народа решение на реставрацию капитализма, и стало его проводить под прикрытием слова «перестройка». Поэтому подобная защита социализма, конечно же, никак не могла оказаться успешной.

Рассмотрим теперь спецоперацию противников СССР, которую на съезде провели, прежде всего, депутаты из республик Прибалтики. Атаку против могучей страны начал Липпмаа Э. Т., директор Института химической и биологической физики Академии наук Эстонской ССР: «Уважаемый съезд и уважаемые гости! Тут многими делегациями и во многих выступлениях был поднят вопрос о договорах 1939 года с нацистской Германией. Вот по этому поводу мы выносим проект постановления для анализа этих самых сложных проблем (Интересно, каких именно? — *Авт.*). Проект выглядел так: „Постановление Съезда народных депутатов СССР об образовании комиссии по правовой оценке советско-гер-

манского договора о ненападении от 1939 года, так называемого пакта Молотова — Риббентропа и секретного дополнительного протокола к пакту⁴. Съезд народных депутатов СССР постановляет: во-первых, для выработки политической и правовой оценки советско-германского договора о ненападении от 1939 года, секретного дополнительного протокола, то есть протокола о территориальной и политической реорганизации в Восточной Европе, в частности, в Прибалтике и Польше, и связанных с ними документов, образовать комиссию в составе следующих народных депутатов СССР...» Любопытно? И в самом деле, что вдруг так и, главное, зачем сие великолепие? На это Липпмаа Э. Т. туманно отвечает: «Цель комиссии простая. Чтобы не было недоразумений (Любопытно, а каких именно? — *Авт.*), чтобы могли хорошо и эффективно двигаться вперед (Но куда же именно? — *Авт.*). Не для разжигания разногласий (Каких конкретно? — *Авт.*), а для решения вопроса (Но какого именно? — *Авт.*), чтобы не было лишних разговоров (Но о чем же, наконец? — *Авт.*), а мы бы могли деловым образом (А что значит работать не деловым образом? — *Авт.*) работать». Вот и пойми, зачем собрались «огород городить». Впрочем, далее читаем уже такое. Грязин И. Н., заведующий отделом Института философии, социологии и права Академии наук Эстонской ССР: «О чем же идет речь? Простите, эти 8 строк печатного текста заслуживают того, чтобы их зачитать. Читаю: „23 августа 1939 года. Москва. Пункт I. В случае территориальных и политических преобразований в областях, принадлежащих прибалтийским государствам — Финляндии, Эстонии, Латвии, Литве, — северная граница Литвы будет являться чертой, разделяющей сферы влияния Германии и СССР. В этой связи заинтересованность Литвы в районе Вильно признана обеими сторонами. Во-вторых, в случае территориальных и политических преобразований в областях, принадлежащих польскому государству, сферы влияния Германии и СССР будут разграничены приблизительно по линии рек Нарев, Висла, и Сан⁴. Далее. Очень интересно: „Вопрос о том, желательно ли в интересах обеих сторон сохранение независимости польского государства, и о границах такого государства будет окончательно решен лишь ходом будущих политических событий. В любом случае оба правительства разрешат этот вопрос путем дружеского согласия. В-третьих. Касательно Юго-Восточной Европы. Советская сторона указала на свою заинтере-

сованность в Бессарабии. Германская сторона ясно заявила о полной политической незаинтересованности в этих территориях. В четвертых. Данный протокол рассматривается обеими сторонами как строго секретный. Подписи: за Правительство Германии — Йохен фон Риббентроп. Полномочный представитель Правительства СССР — Вячеслав Молотов“. Вот текст. Вот о чем идет речь. Правильный, неправильный? Что с ним делать? Для этого нужна комиссия. Сейчас решение принимать нельзя, нужна комиссия». Что в приведенном выше выступлении бросается в глаза? А то, что с его помощью нагнеталась какая-то напряженность. Спрашивается, с чего бы это вдруг депутатам приспичило в срочном порядке вникать в предложенные им не совсем ясные смыслы? Неужели от отношения к ним зависело тогда все насущное? Если смотреть с позиции гражданина СССР, то ничего важного и экстренного в процитированном выше тексте и не было вовсе, а ежели смотреть на него с позиции известного прибалтийского сепаратиста, то тогда, конечно, все предлагаемое давало ему некоторую существенную зацепку в пользу дальнейшего продвижения известных намерений. Вот и депутат Инкенс Э. Э., старший редактор главной редакции телевизионно-информационных передач Государственного комитета Латвийской ССР по телевидению и радиовещанию, заявил следом аналогичное настроение: «Я хочу сказать об особом значении, которое эти договоры имеют для Прибалтики. То, что мы сейчас тут говорим, это ни на что не похоже. Весь мир прекрасно знает, что такие протоколы есть. Для нас, в Прибалтике, это тоже уже давно известно. И нежелание рассмотреть их тут — это просто похоже на затыкание ушей, когда говорят правду (Но какую именно? — *Авт.*). И еще одно. Этот договор не ликвидирован, поскольку, несмотря на начало войны в 1941 году, Советский Союз заключил с польским правительством в эмиграции (в Лондоне) особый договор о частичной денонсации этого договора. Так что, к сожалению, он еще все-таки имеет какое-то влияние (Какое именно, интересно было бы узнать? — *Авт.*). И, что самое главное, пагубная часть (А в чем была сама пагуба-то? — *Авт.*) этого договора относится к периоду с 1939 по 1940 год. Это именно период аннексий в Прибалтике (Вот те на, оказывается, эти события называются „аннексии в Прибалтике“, ловко выходит, ничего не скажешь! — *Авт.*)). Впрочем, на помощь деликатным «интеллигентам» из Прибалтики или на скорую

выручку пришел ныне «маститый» историк Медведев Р. А., писатель: «Я как историк должен вам сказать, что мы, советские историки, не стесняемся говорить, что Среднюю Азию Россия завоевала. Мы не стесняемся говорить, что даже Северный Кавказ Россия завоевала. Мы не стесняемся выставлять в наших музеях знаменитую картину „Завоевание Сибири Ермаком“. Но до сих пор в наших официальных публикациях, появляющихся в Москве, мы пишем о том, что Эстония, Латвия и Литва добровольно присоединились к Советскому Союзу (А что, разве с ними была война, как, скажем, с Финляндией? — *Авт.*), что это была народная революция, что никакого насилия и никаких угроз не было (А разве революция всегда обходится без насилия или без угроз его применения? — *Авт.*) и что это было полное, добровольное волеизъявление (А разве такое в природе бывает? — *Авт.*) литовского, эстонского и латышского народов. Это — неправда (А что же тогда было правдой? — *Авт.*). Это, конечно, была акция (И что же это была за акция такая, ведь страны Прибалтики в отличие от Финляндии, как известно, с Советским Союзом почему-то не воевали? — *Авт.*), когда шла уже империалистическая война и когда у всех, не только у Советского Союза, но и Германии, Японии, Англии, Франции не было никакого уважения к правам малых стран и народов (Интересно, а названные «мудрым» историком выше страны также понимали в 1989 году сие историческое состояние или все-таки как-то иначе? — *Авт.*), они решали свои проблемы, не считаясь с нейтралитетом Бельгии, Голландии, Финляндии и других стран (Так ведь война-то была, как ни крути, мировой. — *Авт.*). Поэтому (Потому что тогда была империалистическая война, во время которой вообще мало кто считался с нейтралитетом Бельгии, Голландии, Финляндии и других стран, что ли? — *Авт.*) комиссия должна быть создана, и мы должны (Кому же именно? — *Авт.*) наконец дать правильную (А это какую именно? — *Авт.*) оценку этим договорам». Вот так и управил депутат Медведев Р. А. за весь многоликий СССР один, чем и спас драгоценную «правду» от поругания. С другой стороны, к нему на помощь (ведь дело-то совсем благое вершилось) поспешил и сам Горбачев М. С.: «Мы давно занимаемся этим вопросом (А с чего бы это? — *Авт.*). Подлинников нет (Интересно, а зачем они и вообще-то были нужны, какая задача при этом решалась? — *Авт.*), есть копии, с чего — неизвестно, за подписями, особенно у нас

вызывает сомнение то, что подпись Молотова сделана немецкими буквами (А может быть, он знал немецкий язык? — *Авт.*). Когда был здесь канцлер Коль — это, как говорят, разговор был один на один (А разве Горбачев М. С. владел тогда немецким языком или Коль русским? — *Авт.*), но раз вопрос приобретает такой характер (А какой такой именно? — *Авт.*), стоит, видимо, рассказать, и господин канцлер, думаю, не так уж обидится на то, что я раскрою этот секрет, — были вопросы, которые носили сугубо конфиденциальный характер (А может быть, следовало бы сначала получить у Коля разрешение или согласие, а заодно и самому лишний раз подумать кое о чем? — *Авт.*), один на один. И я, в частности, его спросил: есть ли у вас подлинники этих договоров, приложение? Он ответил, что у них есть. Я говорю: тогда просим дать их нам. И мы на основе этой договоренности направляли представителей МИДа. Так, Эдуард Амвросиевич? Да. Но не обнаружилось и там подлинников... Я бы заранее предложение по комиссии — с учетом специально данной мной справки, в том числе и беседы с господином Кодем, — не называл „Об образовании комиссии...“ Во-первых, есть разночтение. Дается предложение по выработке политической и правовой оценки, а называется: „по правовой оценке советско-германского договора о ненападении и секретного дополнительного протокола к пакту...“ Секретного протокола пока нет, и мы его оценить не можем. Я думаю, вообще комиссия такая должна быть, с этим я действительно согласился бы (Но зачем она или для чего же именно была тогда так срочно нужна? — *Авт.*). Она должна выработать политическую и правовую оценку этого договора о ненападении (Но для чего это понадобилось вдруг? — *Авт.*), без упоминания секретного протокола, поскольку все архивы, что мы перерыли у себя, ответа не дали. Хотя я вам скажу (а вот это явно лишнее. — *Авт.*), историки знают и могли бы вам сказать: вот то-то происходило (Да почему это они вдруг знают-то взаправду? — *Авт.*), двигались навстречу две мощные силы, и на каких-то рубежах, так сказать, это соприкосновение совершенно остановилось (Странное выражение „соприкосновение совершенно остановилось“. — *Авт.*). Что-то лежало в основе (Опять какая-то несуразность в выражении мысли. — *Авт.*). Но это пока рассуждения (Но о чем? — *Авт.*). Поэтому тут требуется разбирательство, анализ всех документов, всей той ситуации, как она шла (А кто точно знает, как она шла? — *Авт.*), в том числе, как

Советское правительство поступило с этим договором, когда началась война... А мы его признали не имеющим силу (А на каком основании и для чего, собственно? — *Авт.*). Вот весь этот комплекс вопросов, я думаю, надо оценить, ибо бурлит Прибалтика, обсуждая эти вопросы, и в связи с этим подвергается сомнению, что при вхождении в Советский Союз вообще была воля народа (Интересно, а воля к военной защите своей независимости у прибалтийских государств была ли? Ежели нет, то тогда вообще о чем было и говорить-то? — *Авт.*). Вряд ли это так. Это все надо изучить (А зачем это, лишь для ввязывания СССР во враждебную ему же дискуссию? — *Авт.*). И поэтому комиссию такую о политической и правовой оценке советско-германского договора я бы съездом образовал (Чтобы затем с помощью нее же и развалить СССР? — *Авт.*), после сформировав ее на соответствующем уровне — и пусть займется и даст свое компетентное суждение (А это вдруг откуда стало известным? — *Авт.*) на этот счет (Но на какой же именно? — *Авт.*). Я не знаю даже, выйдет ли она на истину с одного захода (Тогда тем более непонятно, откуда это вдруг возьмется „компетентное суждение“. — *Авт.*). Это не простой вопрос, но раз он есть, уходить, уклоняться, я думаю, не нужно (Странно, неужели тогда больше нечем было заняться? — *Авт.*). Не будем уклоняться, давайте браться и изучать (Во молодец, совсем легко себе одобрил заведомо вредное для большой страны дело. — *Авт.*). Как мы сказали, во время перестройки острых проблем и так много (Интересно, а это к чему было сказано? — *Авт.*). Если товарищи (Любопытно было бы знать, а какие именно товарищи? — *Авт.*) сочтут нужным получить перед принятием решения о составе комиссии еще какую-то информацию, чтобы какие-то предварительные соображения были высказаны от Министерства иностранных дел, мы можем попросить товарища Шеварднадзе, чтобы он взял слово. Но, я думаю, самое главное — комиссию такую создать правильно (Вот герой, он, видите ли, думает, но, видно, совсем не о последствиях такого решения. — *Авт.*), чтобы она занялась работой, и потом или Верховный Совет, или все депутаты будут проинформированы о результатах работы этой комиссии. Вот мое пояснение (Да, батенька, это совсем не пояснение — это уже установка, или, если хотите, политическая позиция врага СССР получается. — *Авт.*)). Кто-то, возможно, возразит, что автор книги слишком строг к генсеку. В свою очередь автор

пояснит уже собственное отношение к названному выше лицу как отношение, если хотите, сугубо житейское. Могла ли сия история уже тогда кого-то и с кем-то примирить? Конечно же, никак не могла. Тогда зачем Горбачев М. С. решил все-таки поддержать ее, что он в ней пытался найти? На поверку, как ни поворачивай, выходит одно из двух: либо он совсем не понимал, что пытался делать в то время, либо намеренно обострял ситуацию и вел ее же в сторону неминуемой катастрофы. Поэтому с позиции 20 последующих лет вполне уверенно можно заключить, что он сознательно и тайно шел на демонтаж социализма в СССР любыми доступными для него средствами. Впрочем, кто-то, возмущившись, возопит, что иначе было нельзя, что социализм по-хорошему невозможно было реформировать, а значит, в отношении него надо было действовать именно тайно (обманно). Что ж, подобная точка зрения как раз и возобладала, и весь, как говорится, политический бомонд стал играть спектакль под названием «перестройка». Но разве подобное поведение достойно было умных и совестливых людей? Поэтому то, что делал Горбачев М. С. и его сателлиты, вызывать серьезное (осмысленное) уважение нигде и никогда не сможет. Но почему? Да хотя бы потому, что на съезде были еще и такие мнения. Коршунов А. А., бригадир Ташкентского авиационного производственного объединения имени В. П. Чкалова: «Есть силы, и они реальные, которые стараются перечеркнуть нашу великую и одновременно трагическую историю. Эти силы стараются расчлнить наш Союз, перекроить карту страны, свергнуть страну в пучину хаоса и междоусобиц и в мутной воде анархии вседозволенности стараются нажить себе политический капитал. Рвутся к власти, меньше всего думая об интересах нашего многострадального народа. У них совершенно иные цели. Нина Андреева, „Память“, „Демократический союз“ ничего общего не имеют с демократией. Два слова я хотел бы сказать о московской группе депутатов. Некоторые почему-то пытаются и их причислить к этой категории. Это неправильно (А как знать, может быть, наоборот, совсем даже правильно? — *Авт.*). Я заявляю и думаю, что меня поддержат очень многие депутаты. Работа московских товарищей во многом помогает нам понять, как важно быть неравнодушным (а лучше бы — безразличным. — *Авт.*). У делегации прибалтийских республик мы учимся парламентаризму, культуре парламентаризма (Ну-ну, учитеесь, но лишь „культуре“ хитро-

сти. — *Авт.*) Большое вам за это (Оказывается, вот как плохо и даже опасно быть наивным! — *Авт.*) всем спасибо». То есть можно, конечно же, изменять жизнь с помощью силы и это очевидно выглядит нехорошо, но также нехорошо делать то же самое уже с помощью обмана тех, ради кого ты якобы стараешься. А вот из уст того же оратора вырвалось уже такое речение: «Есть силы, которые не дают нашему президенту претворять в жизнь надежды людей. Это проявляется уже хотя бы в том, что все его четкие, ясные концепции перестройки (Интересно было бы узнать, а у кого оратор эту «славную» оценку позаимствовал? — *Авт.*) вязнут в многочисленных документах, начиная от Совмина, кончая районными исполнительными комитетами. Надо создать механизм, делающий невозможным повторение октября 1964 года (И создали-таки „светлые“ головы. — *Авт.*) Президента страны избрал съезд, и только съезд (Ну да? — *Авт.*) может освободить его от работы. Президента страны избрал съезд, и съезду президент должен быть подотчетен. Нельзя повторять наши многочисленные культы (И откуда он их взял только? — *Авт.*) в сталинском или брежневском варианте. Наверное, мало вероятности в том, что Горбачев подвержен этому. Но все-таки, во-первых, и он не вечен, а во-вторых, и самое главное, — должен работать закон (Странно сие, ведь главное в том, чтобы работала голова. — *Авт.*), а не добрый царь или добрый руководитель». Вот среди подобных недотеп и действовали настоящие враги социализма, маскируя свои делишки соображениями якобы его реформирования. Но кто-то в свою очередь заметит, что если невозможно реформировать по-честному, то пускай уж будет хотя бы по нечестному пути. И потом, а когда в России что-то делалось праведно? Но ведь нечестное дело опять же родит соответствующее ему детище, о котором сказал еще Леонардо да Винчи, что, мол, придет время, когда некоторые будут много торговать не своим, не спрашивая разрешения о том подлинных хозяев, а закон будет безмолвствовать. Хорошо ли сие будет, упасет ли оно от большого лиха? Навряд ли.

А вот очередная атака на социалистическое Отечество со стороны его противников из Прибалтики. Ландсбергис В. В., профессор Государственной консерватории Литовской ССР, г. Вильнюс: «Демократизация не может проявляться лишь в области прав человека или производственного коллектива, в области свобод совести, слова или свобод экономических. Она неизбежно выдвигает так-

же вопросы о свободе народов и правах республик. Но если мы демократию будем понимать искаженно, как власть большинства над меньшинством (Интересно, а если бы внутри самой Литвы, скажем, меньшинство сторонников СССР заговорили подобным образом, то профессор не вспомнил бы, что демократия есть все-таки воля большинства? — *Авт.*), она выставит свои капканы перестройке. Поэтому демократизация столь сложной страны должна предполагать гарантии, что республики не будут ущемлены никакой псевдодемократической процедурой голосования большинством (То есть Ландсбергис, изначально, разделяет народы СССР, считая их лишь попутчиками друг другу. — *Авт.*). Нужны гарантии — поскольку мы идем от силового государства к правовому, — чтобы ни одна союзная республика не чувствовала себя в ситуации постоянной опасности в вопросах ее жизненных прав на свою землю и свои законы. Для этого, имея в виду слаборазвитое законодательство, инерцию великодержавного мышления и прочие пороки нынешнего союза, необходимо тотчас (Смотри, как торопится! — *Авт.*) разработать парламентский защитный механизм для союзных государств и их народов... Естественно, что более самостоятельно определяющиеся (Интересная формулировка „более самостоятельно определяющиеся“, не правда ли? — *Авт.*) приступили к созданию механизма правовой самозащиты у себя дома. Так, Верховный Совет Литовской ССР принял 18 мая с. г. среди других поправку к статье 70 Конституции Литовской ССР, которая теперь, в частности, гласит: „Законы СССР и правовые акты органов государственной власти и управления СССР действуют на территории Литовской ССР лишь после их утверждения Верховным Советом Литовской ССР и регистрации в установленном порядке“. То же подчеркнуто и в принятой в тот же день Декларации Верховного Совета Литовской ССР о государственном суверенитете Литвы». Если вникать в суть сказанного выше, то мы видим, что Ландсбергис объявил съезду о фактическом выходе Литвы из состава СССР. И какова была реакция первых лиц социалистической страны? А никакая. Вместо нее депутат Лукьянов А. И. зачитал ряд телеграмм, связанных с событиями в г. Тбилиси 9 апреля 1989 года, где произошло драматическое событие, приведшее к человеческим жертвам. Странное дело, выходило так, что руководители СССР реагировали только на то, что могло быть поставлено в вину лично им со стороны лишь демократиче-

ской общественности. Все остальное их как будто бы и не интересовало вовсе. В частности, Лукьянов А. И. зачитал следующее: «Первая телеграмма. 7 апреля, я хочу обратить внимание — 7 апреля, 20 часов 40 минут. Следующая телеграмма: „Обстановка в республике в последнее время резко обострилась. Практически выходит из-под контроля. Поводом послужил сход 18 марта в селе Лыхны Абхазской АССР, поставивший вопрос о выходе автономной республики из состава Грузинской ССР. Однако события вышли за рамки указанного. Экстремистские элементы нагнетают националистические настроения, призывают к забастовкам, неподчинению властям, организуют беспорядки, дискредитируют партийные, советские органы. В сложившейся ситуации надо принимать чрезвычайные меры. Считаем необходимым: незамедлительно привлечь к уголовной и административной ответственности экстремистов, которые выступают с антисоветскими, антисоциалистическими, антипартийными лозунгами и призывами. Правовые основания для этого имеются. Второе. С привлечением дополнительных сил МВД и Закавказского военного округа ввести в Тбилиси особое положение — комендантский час. Третье. Осуществить силами партийного и советского, хозяйственного актива комплекс политических, организационных и административных мер по стабилизации обстановки. Не допускать в союзных, республиканских средствах массовой информации публикаций, осложняющих ситуацию. Секретарь ЦК Компартии Грузии — Джумбер Патиашвили. 7 апреля, 20 часов 40 минут“. Это — подлинник телеграммы». И все. Далее депутат Лукьянов читает уже вторую телеграмму. Спрашивается: а где же ответ из Политбюро ЦК КПСС? И потом, неужели из самого текста предъявленной съезду телеграммы не видно, что руководство Грузии находится на грани полной потери им управления республикой («практически выходит из-под контроля»). Как ни крути, а получается, что Горбачев М. С. и компания попросту бросили Грузию на произвол экстремистов. Но тогда надо было срочно ставить вопрос на съезде уже об экстренном отстранении самого Горбачева М. С. и его помощников от управления страной, так как их дальнейшее пребывание у власти становилось просто погибельным уже для всей страны. Впрочем, вернемся к тексту второй телеграммы: «Следующий день. 8 апреля, 20 часов 50 минут. До трагедии, как вы видите, осталось 6 часов. „Сообщаю, обстановка в Тбилиси продолжает

оставаться напряженной. У Дома правительства проходит многотысячный митинг, основные лозунги которого остаются прежними: выход из состава СССР, создание независимой Грузии, ликвидация автономий и другие. В Абхазской АССР состоялся трех с половиной тысячный митинг грузинской национальности, направленный против выхода Абхазии из состава Грузинской ССР. В ряде вузов часть студентов объявила голодовку в поддержку митингующих. В целом ЦК КП Грузии, правительство, местные партийные и советские органы владеют ситуацией, принимают необходимые меры по стабилизации обстановки. Вчера, 7 апреля, состоялось Бюро ЦК КП Грузии, а сегодня — партийный актив республики, на котором были одобрены мероприятия партийных, советских и правоохранительных органов по усилению политической, организаторской и воспитательной работы в трудовых коллективах и по месту жительства, а также принято Обращение ЦК Компартии, Верховного Совета и Совета министров Грузии к коммунистам, трудящимся республики. В частности, намечено с участием членов Бюро и членов ЦК Компартии Грузии провести во всех регионах республики активы, собрания первичных партийных организаций, где в развитие намеченных мероприятий разработаны практические планы действий... Сообщаю в порядке информации. Джумбер Патиашвили. 8 апреля, 20 часов 50 минут“. Значит, никакой необходимости, я не комментирую, принимать каких-то действий из центра после такой телеграммы не было». Вот так, не было никакой необходимости «принимать каких-то действий из центра». Ну что тут скажешь? Видимо, тогда с головой депутата Лукьянова А. И. что-то совсем нехорошо было. Почему? Да потому, что, во-первых, многотысячный враждебный СССР митинг у Дома правительства в названные в телеграмме часы все еще продолжался, он же, как видно из телеграммы, имел поддержку у части студенчества. А во-вторых, последующее ночное вступление войск на площадь перед Домом правительства под руководством генерала Родионова случилось, что ли, само по себе или совсем стихийно? То есть реакция центра все-таки была, но была, как видно, очень запоздалая, и доводилась она до исполнителей, видимо, самыми окольными путями или очень, как говорится, хитро, дабы отвести центр от какой-либо ответственности за возможные трагические последствия. И наконец, финальная телеграмма из Грузии в адрес центра: «И последняя телеграмма, с ко-

торой я хочу вас ознакомить. 9 апреля, 10 часов 25 минут. Вот, прошли события. Вот почему члены Политбюро, Михаил Сергеевич, и здесь мне пришлось это сделать, называли время — 10 часов 25 минут. Вот она, телеграмма. Я читаю ее: „Центральный Комитет КПСС. В ночь на 8 апреля 1989 года в Тбилиси, после 21 часа, несмотря на принимаемые партийными, советскими, правоохранительными органами меры, обстановка на митинге у здания Дома правительства республики с участием около 15 тысяч человек, а также в других частях города стала накаляться экстремистами до предела и выходить из-под контроля. Помимо антисоветских, антисоциалистических, антирусских призывов, стали раздаваться обращения экстремистов к физической расправе над коммунистами, руководителями республики и членами их семей. Митингующие, среди которых было немало пьяных, употребивших наркотики, призывали организовать все население республики на забастовку, гражданское неповиновение, к расправе с теми, кто их не поддерживает. Стали делегироваться группы экстремистов вместе с участниками митинга в близлежащие города и районы республики. В городе Рустави была осуществлена попытка захватить металлургический завод. Лидеры так называемого национально-освободительного движения начали оглашать планы захвата власти в республике (Интересно, а что все эти события происходили именно в ночь с 8-го на 9-е апреля или они вдруг стали упоминаться для большего оправдания случившихся при разгоне митинга жертв? Но ведь их вероятное сокрытие как раз и привело к обратному — к последующему столкновению и к жертвам. — *Авт.*) В этой ситуации с целью обеспечения общественной безопасности и предотвращения непредсказуемых последствий было принято решение (Кем конкретно, совсем непонятно? — *Авт.*) в 4 часа утра применить силу для очищения площади у здания Дома правительства от митингующих. В соответствии с заранее разработанным компетентными органами планом были использованы подразделения МВД республики и Закавказского военного округа. По мере их приближения к месту проведения митинга его участники, к этому часу их количество составило около 8 тысяч человек (То есть число митингующих уменьшилось все-таки почти в два раза, а значит, и накаленность самой обстановки у Дома правительства, конечно же, должна была пойти в сторону убыли; в таком случае это все-таки была не вынужденная, а, скорее всего, за-

ранее запланированная акция по выдавливанию оппозиции с центральной площади города. — *Авт.*), неоднократно призывались руководителями республики, членами ЦК Компартии, партийным и советским активом, а также католиком Грузии Илией II прекратить митинг и спокойно разойтись. Однако митингующие на это не отреагировали. В свою очередь, организаторы митинга накаляли страсти до психоза, призывали не пощадить крови своей и жизни для противостояния силам правопорядка. Подразделениями МВД и войск Закавказского военного округа огнестрельное и холодное оружие не применялось (Последнее обстоятельство тем более свидетельствовало в пользу той версии, что разгон митинга проходил по заранее подготовленному плану, а вовсе не вынужденно. — *Авт.*). Строго выполнялись инструкции о бережном отношении к женщинам и подросткам (Опять же свидетельство в пользу версии о совсем не внезапном обострении ситуации. — *Авт.*). По мере оттеснения первых рядов митингующих при яростном сопротивлении экстремистов, применявших палки и камни, толпа стала неуправляемой и двинулась на лежащую на тротуаре молодежь, объявившую голодовку (Опять же свидетельство в пользу версии об относительном спокойствии на площади перед Домом правительства Грузии. — *Авт.*). Более того, в толпе было немало провокаторов, которые применяли холодное оружие. В результате образовавшейся давки погибло 16 человек: 13 молодых женщин и 3 мужчины. Более 100 получили ранения различной степени тяжести, среди которых 22 военнослужащих, 13 из них госпитализировано. Пострадавшим оказана срочная медицинская помощь. В настоящее время площадь у Дома правительства освобождена от митингующих и взята войсками под охрану (что, видимо, изначально и планировалось властями. — *Авт.*). Принимаются необходимые меры по задержанию и аресту зачинщиков беспорядков, недопущению новых митингов и демонстраций. В связи с трагическими последствиями принятых мер образована правительственная комиссия во главе с Председателем Совета министров Грузинской ССР Чхеидзе. Предполагается сегодня на пленуме ЦК Компартии Грузии рассмотреть создавшееся положение, определить вытекающие из него меры (Удивительное дело, власти Грузии плетутся в хвосте событий и никак не настроены на применение серьезных упреждающих мер, видимо, полагая, что они находятся в компетенции центра. — *Авт.*). Для предотвращения

массовых беспорядков и стабилизации обстановки просим дать согласие ввести комендантский час в Тбилиси с сегодняшнего дня. 9 апреля, 10 часов 25 минут утра. Секретарь ЦК Компартии Грузии Патиашвили». — Подлинник. Я не хочу комментировать (А зря, ведь комментарий все равно состоится и не в пользу центра, который фактически все и вызвал к жизни. — *Авт.*). Мы знали, как после этого может реагировать грузинский народ, грузинское население на такие вещи (И поэтому решили спрятаться в кусты? — *Авт.*). Туда немедленно вылетели товарищи Шеварднадзе и Разумовский». Ну а теперь в самую пору рассмотреть реакцию на сие печальное дело Горбачева М. С.: «Вот события, вот как они развивались. То, что там не было уверенности, это видно (А в Москве этого же разве не видно было? — *Авт.*). Видно, что там ситуация была острая, а не прогулки, как нам тут кое-кто хотел сказать (Ай-яй-яй, да неужели таки была острая, а мы было подумали, что была вполне себе спокойная? — *Авт.*). Прогулки, гуляние народное (даже лежание. — *Авт.*) — это, наверное, не так (а как? — *Авт.*). Или же тогда это все неправильно, понимаете (А если и так, то что тогда? — *Авт.*)? Вот эти телеграммы. Короче говоря, нужно во всем разобраться, поэтому мы поступили правильно (вы-то, уж точно! — *Авт.*), что их предъявили на этом этапе, чтобы с учетом данной информации не было осадка у людей, не было впечатления, что тут что-то темнится (А разве не темнится? — *Авт.*). Нет, мы действительно рассчитываем добраться в этих событиях до корней (Ну да, вы-то уж точно доберетесь. — *Авт.*). Все прояснить и доложить Верховному Совету и определить, какими должны быть решения в этом случае. По-моему, так будет правильно». Ловкий товарищ, ничего более и не скажешь. А ежели говорить серьезно, то в лице Горбачева М. С. мы видим редкого негодяя (совсем не годящегося к делу) и, конечно же, подлеца. Почему? А потому, что именно он был непосредственным виновником трагедии в Тбилиси, так как, во-первых, полностью отстранился от положения дел как в целом в Грузии, так и в Тбилиси в частности. А во-вторых, ну не мог он в силу занимаемой им лично должности совсем не знать о намерении воплощения плана ночного разгона митинга на площади перед Домом правительства республики. В-третьих, потому, что попытался с помощью приведенного выше выступления Лукьянова А. И. полностью снять с себя какую-либо ответственность за все проис-

шедшее 9 апреля 1989 года в Тбилиси. Впрочем, все равно в большую историю он войдет как предатель СССР и бесчестный человек, пытавшийся оправдаться наброшенной на себя личиной великого реформатора и большого гуманиста. Да, в этом мрачном деянии он был далеко не одинок, но все равно именно его роль оказалась ключевой и решающей. А Россия, конечно же, в обозримом будущем также заплатит по счетам ею совершенной измены СССР. С другой стороны, кто-то, возможно, скажет, что Горбачев М. С. лишь верный партийный служака, который волею собственной партийной карьеры оказался на вершине партийного олимпа, а значит, возводить на него все грехи КПСС будет не совсем правомерным делом. Но по воспоминаниям Андропова Ю. В., регулярно лечившегося на курортах Ставропольского края, где в это время руководил Горбачев М. С., он просто вынужден был из жалости уступить бесчисленным домогательствам этого человека, который страстно («подобно отцу Федору — искателю чужих сокровищ из романа „Двенадцать стульев“») рвался на работу в Москву (в ЦК). В дальнейшем, уже в Политбюро ЦК КПСС, Горбачев М. С. не менее постыдно поступил уже с Громыко А. А., чьей решающей закулисной поддержкой он заручился в момент собственного восхождения на пост Генерального секретаря ЦК КПСС. В частности, пообещав Громыко пост Председателя Президиума Верховного Совета СССР взамен его твердой поддержки своей кандидатуры при голосовании на Политбюро, он, заняв им вождеденный главный в стране пост, тут же забыл о данном им Громыко обещании, так как известный государственный пост также показался ему лично привлекательным. То есть Горбачев М. С. — это, как ни поворачивай, человек, который во имя собственного тщеславия принес в жертву величайшую мечту всего честного человечества о построении справедливого общества, и ему никогда в связи с совершенным им лично деянием не удастся освободиться от заслуженного клейма иуды. А что же депутаты съезда? А они «как воды в рот набрали», каждый говорил только о своем, и ничего более. Странное дело: не то чтобы задать серьезные вопросы о подробностях реакции Центра на получаемые им телеграммы из Тбилиси, так они вообще никак не отреагировали на важнейшее сообщение. Исключение, пожалуй, составил только представитель Грузии Амонашвили Ш. А., генеральный директор экспериментального научно-производственного педагогического объеди-

нения Министерства народного образования Грузинской ССР. В частности, он сказал следующее: «Заранее хотел бы сказать, что телеграммы, которые были зачитаны, нам не были известны. А самое главное, просто хочу заверить вас, дорогие депутаты, что будто бы на площади собрались наркоманы, алкоголики — это не соответствует правде. В тысячах людей, которые там стояли, может быть, были экстремисты, были другого направления люди, но в основном — это талантливая молодежь, которая стремится достичь суверенитета республики. Хочу сказать пару слов о состоянии школы, которая порождает много проблем и впредь будет порождать. Наша школа стала крайне авторитарной. Видимо, это закономерное явление, ибо в течение долгих лет сам авторитаризм господствовал во всей нашей стране. И этот авторитаризм, как в зеркале, отразился и в школе тоже. Давление над детьми, конец свободы, нет мысли, живой мысли (Школа все-таки не дискуссионный клуб, а значит, места для свободного парения мысли в ней и не должно быть, иначе она стремительно начнет утрачивать собственный смысл. — *Авт.*). А учитель как самая главная фигура, как авторитар стоит перед своими детьми. И кстати сказать, возникает такой парадокс: с одной стороны, учитель — самый напуганный человек в нашей стране, ибо над ним всегда стояла очень широкая сеть и система: инспектура и приказы, постановления (А над другими специалистами что ли не стоит подобная сеть и система и поныне? — *Авт.*). Все это ограничивало движение учителя к живой мысли (Но ведь учитель все-таки не научный исследователь, чтобы ему была потребна новизна собственной мысли. — *Авт.*). И с другой стороны, этот напуганный человек запугивает своих учеников в классе (Напуганный никогда не сможет никого напугать, разве только тех, которые этого сами страстно ждут. — *Авт.*). Нам нужно освободиться от такого состояния школы. И если не будет в школе демократизма, гласности (Вот так, видимо, и запугивают как учителей, так и школьников. — *Авт.*), если не будет гуманного подхода к ребенку, к личности ребенка (В школе все-таки школьники, а не просто дети; они несут непростое бремя, или тягло образования самих себя. — *Авт.*), мы потеряем душу в школе (Странное суждение, ведь привычка к выполнению положенного разве есть угроза душе человека? — *Авт.*)... Именно авторитаризм, видимо, и повлиял на события, которые происходят и в Тбилиси, и в других местах, ибо ребенок, воспитанный в таких

условиях, сейчас находит волю своим чувствам, и эта воля проявляется в разных аспектах, в разных сферах (А в каких именно, хотелось бы услышать об этом подробнее, не в экстремистских ли случайно? И потом, именно попустительство некоторых учителей порой и толкает молодежь к бунту. — *Авт.*). Есть еще одна огромная проблема, касающаяся национальной школы. Часто мы говорим, что в наших школах ведется обучение на родном языке. Это верно. Это достижение революции, и национальный язык становится языком обучения для каждой республики. Но одновременно следует учесть, что обучение, допустим, на грузинском языке еще вовсе не означает, что эта наша школа и есть национальная грузинская школа. Если учесть, что все остальное содержание обучения есть не что иное, как перевод с русского на грузинский (А что, в советской школе подобный перевод избыточен был или он представлял какой-то особенный вред для учеников? — *Авт.*). Возьмем такую проблему, как обучение истории в школе. Какую историю изучают наши дети? Применительно к Грузии в основном нами изучается история СССР (А разве для Грузинской ССР это не нормально, разве советская Грузия в первую голову должна изучать какую-то другую историю? — *Авт.*). А что эта история означает? Наши грузинские дети больше знают о событиях в России, о том, что произошло с древних времен до современности, чем о событиях, о явлениях в самой Грузии (Но ведь роль и значение в мировой истории самой Грузии достаточно мала, а значит, изучать ее в первую голову в ущерб всей истории СССР, конечно же, будет не совсем разумным делом, так как в результате такой программы обучения ученик не будет знать главного в должной мере, то есть он станет скорее невежественным человеком, чем в случае, когда он будет основательно знать главное — историю больших и главных исторических величин, которые и создавали, что называется, попутно историю и самой Грузии. — *Авт.*). А вот история Грузии еле втискивается в учебные планы (Так изучайте ее на здоровье факультативно. — *Авт.*), было даже запрещено выделить больше часов на этот предмет (И это справедливо, так как вся учебная нагрузка имеет все-таки физические пределы. — *Авт.*). Мне думается, каждая республика имеет свою огромную культуру (Но это вряд ли, ведь все действительно огромное в рассуждениях насчет своих размеров никогда не нуждается. — *Авт.*), огромное прошлое. Это есть достояние и нашего Союза. Потому

именно на этих началах (на националистических или местечковых началах, что ли? — *Авт.*) должны строиться не только история, не только литература, но и, может быть, все остальные предметы (то есть и геометрия, и алгебра, и многое другое должны, что ли, стать грузинскими? — *Авт.*). Однотипность школы губит нашу школу (Ой ли, с каких это пор такое несчастье-то „случимши“? — *Авт.*): однотипная программа, однотипный учебник (А что, программы, учебники могут быть в школе „многотипными“? — *Авт.*), однотипная подготовка учителя (Но ведь это школа! — *Авт.*) — все однотипное, и получаем в конце концов человека, который тоже, как форма, выкован в духе однотипного мышления (Но ведь вас-то лично в однотипной школе почему-то не смогли выковать так! — *Авт.*). А сейчас, когда дается свобода, нас удивляет, что человек проявляет себя, может быть, уже в не совсем сдержанных формах (Вот именно совсем даже удивляет, что подобное происходит, а значит, как раз однотипность из советских школ уже давно была устранена, что, собственно, и привело к бузе самих вчерашних школьников на улицах и площадях многих советских городов. — *Авт.*). Национальные чувства — самые тонкие струны в человеке (А может быть, они есть и самые низменные качества природы. — *Авт.*), самые тонкие, дотрагиваться до них надо крайне осторожно (А что, они могут порваться, что ли? — *Авт.*). Я знаю, что сейчас мое выступление слушают в Тбилиси, а там происходят разные события (разгул национального тщеславия. — *Авт.*). Поэтому хочу, чтобы в Тбилиси тоже знали, о чем я сейчас говорю вам. Статья в газете, на которую ссылался генерал Родионов, была написана во время военного комендантского часа (А откуда вдруг такая информированность? — *Авт.*). Прошу вас, пожалуйста, не считайте, что именно так происходили события, как это изложено в газете (А у вас, что ли, монополия на правду, товарищ директор? — *Авт.*). Создана комиссия. Она, именно она, определит полностью всю картину, все, что там происходило. Одновременно хотел бы сказать следующее. При нынешних условиях, мужественных, я бы сказал, условиях перестройки, выявилось много сложных проблем во взаимоотношениях. И наверное, вы будете согласны со мной, если я скажу, что наш Союз в дальнейшем должен держаться не на основе силы, а на основе духовной общности, дружбы (А в чем была сия общность-то, почему мы вдруг должны были дружить друг с другом? Да ведь

только потому, что мы тогда все советскими были, мы все, так или иначе, хотели справедливого устройства всей нашей общесоюзной жизни. — *Авт.*) И вот если эта дружба в какой-то степени будет ущемлена (А что такое „ущемление дружбы“, не есть ли это лишь лукавство говорящего сие странное слово? — *Авт.*), между нами могут возникнуть очень большие осложнения (опять пугает. — *Авт.*), а это не приведет к лучшему». А вот речь еще одного скрытого врага советской власти из числа националистически настроенных лиц. Айтматов Ч., писатель, председатель правления Союза писателей Киргизской ССР, главный редактор журнала «Иностранная литература»: «Наши демократические чаяния после десятков лет народного безмолвования, после десятков лет абстрактного коммунизма (А кто его, любопытно, инициировал к жизни, не такие ли случайно деятели, как этот речистый писатель? После чего они же его и заклеили ловко всеми недобрыми словами. — *Авт.*), после тяжкого духовного порабощения (И кто же эти духовные поработители, интересно бы знать, не русские ли люди? — *Авт.*), после идеологического и экономического тоталитаризма (То есть попытка построения справедливого общества — это лишь идеологический и экономический тоталитаризм? — *Авт.*), самообмана и лжи (Интересно, а кто кому и почему лгал? — *Авт.*) наконец-то находят цивилизованное законотворческое воплощение. Пусть это только начало, но уже трудно переоценить значение данного феномена не только для судеб Отечества, но и в целом для всего мира (Да уж, действительно «посеяли» нечто, что еще потрясет все человечество, аж до самого его основания. — *Авт.*). Ибо мы часть человеческого материка, и от нашего выздоровления (А может быть, все-таки заболевания вполне открытым бесстыдством? — *Авт.*), от того, насколько верно сможем найти пути выхода из тяжелейшего экономического кризиса, насколько мы будем поглощены конструктивными действиями по устройству правового государства и обеспечению свободы личности, насколько мы будем преуспевать в налаживании межнациональных отношений, насколько гармонично мы сможем интегрироваться в живой, взаимодействующей структуре мирового сообщества (Уж это ли случайно не о том речь, чтобы демократическим князькам родом из СССР войти в мировой истеблишмент? Так ведь это напрасно, господа, зря стараетесь, все равно вас туда не пустят, как говорится, „рылом не вышли“. — *Авт.*), насколько мы сможем

развивать в себе понимание приоритета общечеловеческих ценностей, избавляясь от варварского учения о мировой революции (Интересно, а не плод ли сего учения и весь нынешний облик мира? Если это не так, то наш писатель совсем уж невежа будет. — *Авт.*), насколько мы будем менее догматичны (то есть всеядны, что ли? — *Авт.*), менее агрессивны в наших суждениях (Ну это вряд ли, хотя бы по части социализма! — *Авт.*) и идейных противостояниях с другими мирами, настолько облегчим мы участь современного человечества (Блажен, кто верует. — *Авт.*) и, разумеется, свою (Видимо, речь о чем-то сугубо личном. — *Авт.*). Повсюду в окружающих нас странах люди сейчас прикованы к телевизорам, переживают и таят в сердцах надежды на лучшее. Так оно должно быть. Мы — великая многонациональная держава (пока еще. — *Авт.*), от нас должны исходить позитивные импульсы, позитивный опыт, даже когда мы занимаемся сугубо внутренними делами (В том-то и фокус, что дела сии есть дела первой в мире страны социализма, а значит, они не такие уж и внутренние. — *Авт.*), даже когда речь идет о поразивших нас социальных бедствиях... Переход от принудительного, по сути дела, труда (Интересно, и кто же эти принужденного дела мастера будут, опять, что ли, русские люди? — *Авт.*), от наследия казарменного социализма, категорически исключавшего самостоятельную инициативу человека, его предприимчивость и конкурентоспособность, как классово нетерпимое, неприемлемое противодействие уравнительной, унифицированной, обезличенной политики, иным быть и не может. Оно, это наследие, породило самое страшное зло (опять пугает. — *Авт.*). Имя ему — всеобщая отчужденность, тотальная отчужденность всех от вся (Погодите, вы еще увидите ее в подлинной «рыночной красе». — *Авт.*): правительства от народа, народа от правительства. До самого последнего времени народ был отстранен от живой политики (а от мертвой нет, что ли? — *Авт.*), и вот на наших глазах происходит ломка, массовый прорыв (Ну такой уж массовый, ведь в телевизоре все одни и те же нескромные лица? — *Авт.*) к осмыслению своего положения в обществе самим народом. И поэтому, на мой взгляд, настало время осмыслить пути возрождения. Как изжить в целом в обществе и в каждом из нас насаждавшуюся годами психологию отчужденности и этакого холопского отношения — ухватить побольше, а поработать поменьше (Так ведь сие направление мысли и пошло с

самого, как говорится, верха, а значит, и вопросы-то эти к кому, прежде всего, адресуются? — *Авт.*)?.. Первое, вынужденное, но неизбежное — надо взять на Западе большие кредиты (Так вот она, привычка пожить за чужой счет, ведь рассчитываться за большие кредиты будут другие. — *Авт.*) и утолить дефицит. Понимаю: долги, кабала. Но у нас огромные возможности (А это откуда вдруг? — *Авт.*) — расплатимся, со временем рассчитаемся. Братъ, пока не поздно (А что будет в противном случае? — *Авт.*), — это первейшая пожарная мера. Далее, вчера мы слушали выступление и обращение по вопросам сельского хозяйства. То был вселенский плач по деревне. Плакать хочется, тем более тому, кто сам вырос на крестьянской ниве. Помогать крестьянству всем миром (А это как? — *Авт.*). Я предлагаю по аналогии с возможностью альтернативного выбора при прохождении военной службы в европейских странах, когда молодой человек, исходя из своих моральных соображений, обязуется воинский срок отслужить, отработать на тяжелых участках, например, в онкологической больнице в качестве медсанитара, — если бы было и у нас разрешено нечто похожее: желающим призывникам отрабатывать свой армейский срок на селе (Ну, голова, ничего более и не скажешь! — *Авт.*). Тем более что поголовный призыв в армию — тоже не лучшее наше украшение (А вместо всеобщей воинской повинности, что вы, товарищ депутат, предлагаете любезному Отечеству своему, неужели наемную армию? — *Авт.*)... Вслед за экономикой вторая наиострейшая проблема — это наши национальные взаимоотношения. Хорошо, что создана комиссия по Тбилиси — в любом случае должна быть выработана законная гарантия защиты народа нашей страны от насилия. В целом я разделяю идею полноценного социалистического суверенитета союзных республик, без этого статус федеративности превращается в фикцию (Интересно, а зачем подчеркивать суверенность среди социалистических республик, что это может дать для совершенствования или развития самих социалистических отношений? — *Авт.*). Однако совершенствование суверенитета, на мой взгляд, следует вести методично, продуманно, последовательно, путем законоположений, а не эмоций, и не спешить одним заходом поставить точки над „и“. Слишком дорого то, что есть, и слишком ответственно то, чего мы хотим (А чего вы хотите, не выхода ли из состава СССР? — *Авт.*). Проблемы национальных языков наиболее близки мне, и я хочу на них

также коротко остановиться. Речь идет о концепции государственных языков в республиках и о том, чтобы придать этому процессу законное основание. Правильно, надо обдумать общую модель. Считаю, что федеративность государства должна интегрировать и федеративность языков страны в том смысле, что языки коренных народов союзных республик должны функционировать в качестве государственных (Хотите двугосударственность установить, товарищ депутат? — *Авт.*). Опять же и в этом деле должны соблюдаться, как мне представляется, разумная последовательность, разумная, убедительная согласованность (А как же с неизбежной приоритетностью одного из языков тогда быть? — *Авт.*). Короче говоря, национальным языкам республик, длительное время игнорируемым на местах, должен быть предоставлен режим наибольшего лингвистического благоприятствования, с тем, чтобы, возродясь, они заняли свое законное место (Любопытно, а какое же именно место им предлагается занять? — *Авт.*). Вопрос этот весьма сложный, в частности в Средней Азии. Многим нашим согражданам, не привыкшим в официальной среде к присутствию языка коренных народов, это кажется противопоставлением русскому языку. Давайте разберемся в этом (Давайте, если не шутите! — *Авт.*). Гений русского языка сполна послужил всем нам, и впредь я не представляю себе жизнь вне этого нашего общего духовного богатства (Так что ж тогда вас не устраивает? — *Авт.*). Русский язык в этом смысле незыблем и универсален. Ему ничто не грозит в пределах всей страны. Но он, в силу своей исторической распространности, не должен вытеснять другие, рядом существующие языки коренных народов. В этой связи необходимо осознать, что каждый народ до тех пор народ, пока он владеет собственным языком (Так кто ж его запрещает? — *Авт.*), и в этом — его культурная суверенность (А это еще что за такая „культурная суверенность“? — *Авт.*). И как только по тем или иным причинам он лишается возможности применять и культивировать свой язык, он перестает быть тем, кем он был и должен быть (Так может быть, это и хорошо будет, зачем же народу опираться в главном на нечто вполне отсталое в мировой шкале ценностей? — *Авт.*). Отсюда вытекает задача гармонизации языков, главным образом на основе концепции двуязычия с преимуществом в режиме наибольшего благоприятствования для языков коренных народов, наделенных государственным правом (Так может лучше это право отменить, и

дело с концом? — *Авт.*). Пока что не все мы готовы к восприятию этой истины (Какой именно? — *Авт.*). Надо идти на компромисс, на диалог, на взаимоуважение (Но кому именно надо-то? — *Авт.*), и все должно решаться здесь (Это где именно? — *Авт.*) на взаимовыгодной и взаимоуважающей основе (А такое разве возможно вообще? — *Авт.*). Вот такой восточный «мудрость» получился, а что делать, ведь Киргизия это вам совсем не Европа будет! А какой объективный результат вытекает из подобных сладких поучений? Лишь кончина СССР, и ничего более. Как ни поворачивай, а лишь один срам выходит. И где эта Киргизия сегодня со своим языком оказалась? Но вернемся на съезд, где атака враждебных СССР сил продолжается и уже принимает совсем очевидные черты заранее спланированного заговора. Для этого достаточно воспринять внимательно речь депутата Петерса Я. Я., писателя, председателя правления Союза писателей Латвийской ССР: «Каждому школьнику, который проходил грамматику, ясно, что суверенитет — это практически синоним понятия „независимость“ (На самом деле речь идет лишь о верховенстве, но никак не об отсутствии зависимости. — *Авт.*). Так почему же мы так боимся этого слова? Почему Россия боится стать независимой от всесоюзного диктата (А видимо, потому, что она понимала тогда свою зависимость от него как совсем не чуждую ей самой, или она во многом, как ни странно, доверялась ему. — *Авт.*)? Почему официальная Латвия этого боится (Да, видимо, по той же причине, что и Россия. — *Авт.*)? (А неофициальная уже ничего и никого не боится). Почему мы друг друга стали официально бояться? Почему мы боимся того, что сами записали в Конституцию, цитирую статью 80: „Союзная республика имеет право вступать в отношения с иностранными государствами, заключать с ними договоры и обмениваться дипломатическими и консульскими представителями, участвовать в деятельности международных организаций“? Непривычно? Признаемся, что пока — да. Но я думаю, что недалеко то время, когда в действие будет приведена и 81 статья Конституции СССР, которая гласит: „Суверенные права союзных республик охраняются Союзом ССР“. Я убежден, что Союз ССР не должен стесняться приступить к защите суверенности, то есть независимости союзных республик (Какое передергивание смысла статьи Конституции, ведь даже сама предлагаемая депутатом от Латвии защита отсутствия зависимости республик не выдерживает ника-

кой критики, так как подобная мера очевидно не имеет внятного смысла; другое дело внешняя защита республик для гарантирования их права к верховенству на своей территории, которое при этом нисколько не отменяет их же разумной воли на свободное делегирование союзному Центру особых полномочий и прав, в том числе и на их собственной территории. — *Авт.*) Ведь что такое Союз ССР? Это — мы с вами, каждая из 15 конституционно, но, к сожалению, пока только декларативно независимых государств (Опять передергивание, так как союза независимых государств как понятия нет и быть-то не может, так как смысл слова „независимость“ прямо препятствует возникновению союза как отмены смысла независимости. — *Авт.*) Только подлинная независимость этих государств с некоторыми ограничениями независимости (Бред, ведь ограничение независимости — это ее же категорическое прекращение. — *Авт.*), как это наблюдается во всех федеративных союзах (В каких именно? — *Авт.*), могут нас в этот исторический момент вывести из политического, экономического, экологического, национального кризиса, из тупика нравственного упадка (а умственного? — *Авт.*). Национальный потенциал каждого народа (Интересно, а что это такое „национальный потенциал народа“, не есть ли это всего лишь потенциал национализма? — *Авт.*) может дать решающий толчок общему экономическому возрождению (Интересно, а с какой это стати? — *Авт.*), ибо национальное самосознание, национальная государственность — это прежде всего священные чувства сыновей и дочерей к своей матери, к матери-Родине, к народу, который является твоей семьей (Но ведь всякая семья соглашается добровольно на несение внешних обязательств во имя блага самой себя, которые она же совсем свободно несет перед специальными социальными институтами; поэтому для маленькой, но очень гордой Латвии нет ни малейшей возможности не делегировать некие важнейшие полномочия неким внешним силам. — *Авт.*) Но семья имеет право определить порядок в своем доме, а также место в нем для своих дорогих родственников, причем родственников вовсе не по национальному признаку (Интересно, а по какому же иному? — *Авт.*). В семье прибалтов этот признак никогда не доминировал. В наших жилах течет и русская, и белорусская, и немецкая, и еврейская, и польская, и шведская, и финская кровь. Единственное, чего мы хотим, — это не стать квартирантами в своем собственном доме

(Непонятно, чего же хотели тогда прибалты на самом деле? Видимо, они страстно хотели осуществить приватизацию своего жилья, только совсем не ясно было тогда, в какой именно «приватизационной конторе» намеревались они это сделать. — *Авт.*). Если центр сильный, он должен сильно нас защищать от произвола, в противном случае он лишь сильно показывает свою слабость (Как и вы, товарищ депутат, в данном случае очень сильно показываете свою умственную слабость, так как совсем не понимаете функцию центра, который на самом деле лишь удерживает какие-либо внешние силы от поползновения в сторону защищаемых им составляющих целое частей, а также вырабатывает генеральную линию поведения для них же в плане общего и частного развития; другое дело, что центр под началом Горбачева со товарищи, конечно же, уклонялся всячески под фальшивым предлогом „нового мышления“ и „перестройки“ от выполнения подобной сложной функции. — *Авт.*). Новый Верховный Совет СССР должен на правовых принципах обосновать размещение армии в союзных республиках (То есть латвийский представитель вознамерился быть надзирателем над центром в части его касающихся задач, но ведь подобное намерение само по себе и разрушает функцию центра или делает ее избыточной. — *Авт.*). Если пока еще не созрела возможность до минимума сократить численность армейских подразделений и военно-морских баз в Латвии, Литве, Эстонии или в целях разоружения вообще распрощаться с ними, то ситуацию может улучшить только гласный договор между Министерством обороны СССР, с одной стороны, и Советом министров союзной республики — с другой стороны. Этот договор должен гласно предусматривать, какого рода войска, в каких местах, в каком количестве и на какое время дислоцируются в республике (Во молодец, писатель, а с позиции республики как некой части задачи обширного целого вполне также ясны и понимаются ею вполне адекватно? Или если рука скажет, например, голове, что ее интересы совсем не совпадают с интересами последней, и будет считать себя при этом очень независимой и очень правой, то сие явление мы будем что ли умным почитать? — *Авт.*). Соответственно следует внести новые статьи в Конституцию СССР и конституции союзных республик об отношениях армии и верховной власти каждой союзной республики (Опять какое-то помрачение сознание наблюдается, ведь такое можно придумать либо в кош-

марном сне, либо в надежде, что в аудитории сплошные идиоты собрались. Почему? Да потому, что в пределах конкретного государства устанавливать законодательные барьеры для перемещения собственных вооруженных сил могут лишь умственно неполноценные лица или, конечно же, законченные подлецы. — *Авт.*) Дополнительно следует разработать официальный устав по хозяйственному, экологическому и культурному поведению армейских подразделений, учреждений, ведомств, солдат и офицеров. Считаю, что военные должны сдавать минимум знаний по истории и традициям, укладу жизни народа, среди которого по договору они будут определенное время находиться (Да, прямо-таки райские кущи налицо; впрочем, а латышам не следовало ли изучить, в свою очередь, основательно русскую культуру и традиции и, прежде всего, хорошо русский язык? Да, никто не имел права нарушать какие-либо положения общесоюзного законодательства, но отделять себя так демонстративно или подчеркнуто могли лишь совсем чужие люди, которые только терпели пришлых военнослужащих. — *Авт.*) Договор должен гарантировать запрет демонстрировать силу для психологического устрашения граждан. В противном случае среди военнослужащих развивается психология гражданина военного округа, а не страны (Интересно получается, а граждане известной страны обязаны будут соблюдать общесоюзное законодательство или могут этого спокойно и не делать? — *Авт.*) Товарищи депутаты! В итоге Февральской и Октябрьской революции 1917 года Латвия, Литва и Эстония приобрели национальную государственность (Ага, революция интеллигентными прибалтами все-таки не рассматривается как нечто незаконное, видимо потому, что она им очень выгодна была, но тогда и последующие ее плоды признать также придется; иначе двойной стандарт образуется, а значит, и обижаться на такой же встречный подход к себе самим уже совсем не приходится. — *Авт.*) В 1940 году Сталин и его эмиссары Вышинский, Деканозов и Жданов, палачи народов, в том числе и русского народа, нам обещали социалистическое счастье (Но ведь ваш народ все-таки им поверил! — *Авт.*) Оказалось, что это был примитивный и грубый сталинско-гитлеровский сговор о распределении сфер влияния (Ну уж не такой и примитивный, раз поверили в возможность „социалистического счастья“. — *Авт.*) Мы все прекрасно понимаем, что вернуться в 1939 год и начать жизнь снова невозможно,

но то, что социализм должен стать синонимом самоопределения наций и независимости государств, это мы тоже понимаем (А может быть, опять зря так думаете? — *Авт.*). Характерно, что в день открытия съезда народных депутатов 25 мая газета „Правда“ опубликовала тезисы, подготовленные комиссией ученых СССР и Польской Народной Республики, в которых говорится: „В процессе принятия и реализации решений, в том числе по договору от 28 сентября, Советским правительством были допущены серьезные нарушения международно-правовых норм. Прежде всего отметим, что договор от 28 сентября, закреплявший крайний восточный рубеж продвижения вермахта обязательством, принятым Германией на государственном уровне, назывался не только договором о „границе“, но и о „дружбе“, что давало основание говорить о „дружеских“ отношениях СССР с фашистской Германией, фактически обеляло фашизм, деформировало классовые установки в общественном и индивидуальном сознании, имело тяжелые последствия как для Польши, так и для СССР; договор попирает ленинские принципы и наносил удар международному рабочему движению (Ну вот, опять в голове из Прибалтики, видимо, сильно „штурмит“. Почему? Да потому, что, во-первых, в те грозные годы все европейское законодательство имело этические проблемы в отношениях с Германией Гитлера, а во-вторых, заботой о соблюдении в международных делах чистоты классовых установок не отличался даже вождь мирового пролетариата, взять хотя бы его поведение на момент заключения Брестского мира с совсем даже классово чуждой революционной России кайзеровской Германией. — *Авт.*). Товарищи! Без обещания, что высшие законодатели СССР поручат правительству СССР принять все необходимые меры по денонсированию незаконного международного правового документа 1939 года, наши делегации возвращаться в Ригу, Вильнюс и Таллин просто не имеют права, ибо речь идет о манкуртизме, о явлении, которое так точно определил Чингиз Айтматов. Напоминаю, манкурт — это человек, лишенный памяти и поэтому готовый выстрелить в свою родную мать и убить ее, ибо он ее не узнает (Ну вот, в самую пору уже скорую психиатрическую помощь вызывать. Почему вдруг? Да потому, что ежели из Прибалтики под видом депутатов на съезд прибыли убийцы собственных матерей, которые к тому их совсем не узнают, так как памяти о том и не имеют вовсе, то ожидать от них чего-то здравого и без-

опасного для других, конечно, никак не приходится; а если говорить серьезно, то денонсировать договоры с уже осужденным международным судом гитлеровским режимом, конечно же, никто не сможет хотя бы по причине отсутствия самого гитлеровского режима. — *Авт.*) Весь мир сегодня смотрит, не выстрелит ли латыш в свою мать Латвию, не выстрелит ли литовец в свою мать Литву и эстонец — в свою мать Эстонию, отказываясь в условиях давления от своей подлинной истории (Странное настроение у говорящего, ведь это уже обвинение всему миру в бездействии. — *Авт.*) Весь мир будет смотреть и на созданную нами комиссию, которая призвана восстановить историческую память народов, но не во имя славных завоеваний России, а во имя сохранения жизни и прав национального самоопределения трех миролюбивых народов у берегов Балтийского моря (Интересно выходит, ведь именно Россия, Советская Россия впервые в истории предоставила в 1917 году государственность трем славным и миролюбивым народам у берегов Балтийского моря, представители которых вдруг, видимо, в приступе острой неблагодарности обвиняют ее же за этот шаг, считая своего соседа ужасным тираном; они даже не могутобразить, что именно СССР уже во второй раз именно в 1939 году спас их государственность от ее полной ликвидации, что именно Россия объективно продолжает быть гарантом ее сохранения и впредь. Почему? Да хотя бы потому, что, возможно, еще предстанит новая мировая война, в которой опять же так нелюбимая прибалтами Россия, вероятно, опять спасет сии ну очень свободлюбивые народы от их же полного уничтожения. — *Авт.*) Я обращаюсь к товарищам Горбачеву, Яковлеву и Шеварднадзе с просьбой именно сейчас, во время возрождения облика нам всем так нужного нового общества, лично включиться в разрешение этого узла истории (То есть дать „зеленый свет“ на выход стран Прибалтики из состава СССР? — *Авт.*) И в заключение — хотя здесь и не съезд коммунистов — о партии. Да, партия победила на выборах, но партия и потерпела поражение. Характерно, что народными депутатами в абсолютном большинстве стали те коммунисты, которые свою судьбу связали именно с народным и гражданским движениями за демократию, а также с идеей национального возрождения (То есть если коммунист, скажем, из некой личной корысти становится сторонником голосования истины и сторонником национального обособления, то он уже совсем хороший коммунист

получается? Но в таком случае он уже и не коммунист, собственно, выходит, так как оказывается корыстным человеком. — *Авт.*) Почему был избран почти без альтернативной кандидатуры Президентом Союза Советских Социалистических Республик Михаил Сергеевич Горбачев? Очевидно, секрет очень прост — лидер коммунистов Советского Союза решительно встал на сторону народа (А какого именно народа? — *Авт.*), занял позицию демократических преобразований (Каких именно? — *Авт.*) и старается превратить партию в борца за интересы народов (А что есть такое интересы народов? — *Авт.*), сделать деятельность партии составной частью народного движения (То есть партия должна стать в роли подчиненной у некоего народного движения? — *Авт.*). Очевидно, это единственный путь для коммунистов (видимо, для коммунистов-перерожденцев или просто предателей. — *Авт.*), если они хотят претендовать на роль прогрессивной (то есть правильной, что ли? — *Авт.*) политической силы. Об этом свидетельствует и феномен непослушного коммуниста, Бориса Николаевича Ельцина, которому мы все-таки нашли место в Верховном Совете (Вот так, оказывается, что Ельцина как именно непослушного коммуниста некие силы специально и внедрили в Верховный Совет; только вот с какой конкретно целью почему-то так никому и не сообщили. — *Авт.*). Но разве беспартийные кандидаты на этих выборах проиграли (А что, народные выборы — это разве игра? — *Авт.*)? Если сегодня среди самых уважаемых и подлинных народных депутатов мы видим совесть русской интеллигенции — Андрея Дмитриевича Сахарова, разве имеем мы право говорить о проигрыше беспартийных? Так кто же в конце концов победил (Ясное дело — победила любимая демократия и, конечно же, несравненная госпожа свобода. — *Авт.*)? Я беру смелость на себя взять ответственность утверждать, что первый раз после унижительных десятилетий все-таки победил народ, демократия и желание начать создание ассоциации независимых правовых государств (Ну, слава богу, а то мы уже и не знали что и думать; впрочем, ассоциация независимых государств — это, видимо, и есть полный распад СССР? — *Авт.*)». А вот рассказ о деятельности врагов социализма из уст одного его защитника. Щербаков В. П., председатель Московского городского совета профсоюзов: «Советские люди гордятся величайшими завоеваниями Октября, равенством и братством всех народов. Нужно беречь и крепить этот

союз. И сегодня особенно больно, что потенциальные возможности социализма не используются. Все труднее становится объяснить, почему, несмотря на принятые решения, осуществляемые мероприятия по социальной переориентации экономики, жизненный уровень трудящихся снижается. Кое-кто пытается спекулировать на этих трудностях, обосновывать свои политические притязания, как, скажем, лидеры Демократического союза, открыто призывая к гражданскому неповиновению властям, к демонстрациям, стачкам. Они заявляют: „Когда магазины будут пусты, когда встанут заводы — власть сама падет“. Сейчас одной из причин кризисных явлений в экономике называют быстрое увеличение заработной платы, опережающее рост производительности труда. Понятно, что это явление ненормальное, тревожное, но искать в этом корень экономических неурядиц, разбалансированности рынка, товарного дефицита по меньшей мере ошибочно. Истинная причина в том, что основное звено экономической реформы — хозрасчет — не заработал (Интересно, а почему Горбачев и компания не озаботились всерьез этим положением дел? Не понимали значения политики внедрения в экономику страны известных принципов, не умели решать подобную задачу или сознательно тормозили сам этот процесс? Последнее подозрение, как говорится, „по плодам их“ представляется наиболее близким к реальности. — *Авт.*)... Ошибочно мнение, что Москва живет за счет других регионов. Могу сказать, что столица ежегодно перечисляет в госбюджет 16 млрд рублей прибыли, а собственный бюджет составляет 4 млрд 200 млн. Сегодня во многих государственных предприятиях искусственно ограничивается рост зарплаты. В то же время доходы в кооперативном секторе не ограничены ничем. Почему аналогичные санкции не применяются к кооператорам? Или здесь столь важный для государственных предприятий закон не действует (Видимо, опять высшая власть прикрыла очи свои от сего странного хода вещей; но для чего? — *Авт.*)? Всем известна нашумевшая история кооператива „Техника“. Ничего не производя, играя в основном на дефиците и ценах, там получают зарплату, порой в сотни раз превышающую зарплату академиков и ученых, государственных и политических деятелей (Разве подобные сверхдоходы можно было величать честным словом „зарплата“? Разве уже тогда не было понятно, что кооперативная форма хозяйствования была сознательно введена, как говорится, сверху лишь для

присвоения некоторыми частными лицами огромных материальных ресурсов страны, которая в ту пору еще производила порядка 1/5 части мирового вала, главным образом всевозможного сырья? — *Авт.*) Я не против высоких зарплаток, но так или иначе оплата труда должна соответствовать его затратам. Развитие кооперации — дело, бесспорно, необходимое, но плохо, когда это развитие проходит бесконтрольно, при прямом попустительстве со стороны Минфина, не без ведома которого кооператоры ныне столь успешно превращают безналичные средства государственных предприятий в наличность. В прошлом году кооператоры Москвы изъяли из банков Москвы 311 млн рублей, а внесли 12. За пять месяцев этого года взяли уже 976 млн, а внесли 38. Если аппетиты не умерить, то за год они выберут только по Москве свыше четырех миллиардов рублей. Кстати, месячная зарплата всей трудовой Москвы миллиард сто миллионов рублей, и напоминаю: годовой бюджет городского хозяйства Москвы — 4,2 млрд рублей (Ну разве это не разгул еще невиданной в истории развитых стран организованной преступности, прикрываемый властью? — *Авт.*). Меня беспокоит не только сам этот факт, а то, почему молчат финансисты, экономисты, почему они не кричат „караул“ (Да ведь они молчат, так как понимают, что сие экономическое настроение есть настроение самого Горбачева и компании. — *Авт.*). Рабочий класс прямо спрашивает: кому это выгодно? Кто этому потворствует (Прямо как малые дети или, наоборот, всего лишь дурачками что ли прикидываются? — *Авт.*). Как писала газета „Правда“, в дележке доходов того же кооператива „Техника“ участвовали восемь сотрудников института Министерства юстиции СССР, в том числе близкая родственница заместителя Генерального прокурора СССР О. Сороки. Не в этом ли ответ, почему кооперативы находятся под такой плотной юридической защитой (Да не в этом, во всяком случае, в первую очередь речь идет о смене всего политического строя, вот где разгадка, вот где подлинный ответ. — *Авт.*)? Денег, которые кооператоры изъяли из банков, хватило бы на то, чтобы увеличить минимальный размер пенсий 20 миллионам малоимущих пенсионеров или уже сейчас установить всем трудящимся страны 24-дневный оплачиваемый отпуск. А мы по крохам, по копейкам ищем средства, чтобы помочь малообеспеченным семьям, инвалидам, пенсионерам. При этом еще предпринимаются попытки к сокращению ассигнований на социальные нуж-

ды. Если не приостановить перекачку средств от предприятий к кооперативам, наступит финансовая катастрофа (Ну, слава богу, догадались наконец для чего все это и затеяно было! — *Авт.*). Уже появилось расхожее выражение, что наивысшей производительности труда мы достигли при печатании денег. А что кооперативы дали рабочему классу? В массе своей они занялись посреднической деятельностью, скупают фондовое сырье, материалы, товары народного потребления. Это усугубляет товарный дефицит, опустошает полки магазинов, усиливает коррупцию, взяточничество, спекуляцию, рост организованной преступности. Люди спрашивают, когда этому будет поставлен заслон (Может быть, отчасти и только при открытом установлении сугубо капиталистических отношений. — *Авт.*). В этой связи не могу не разделить тревогу группы народных депутатов от профсоюзов по поводу обострившейся ситуации с преступностью в стране, высказанную в их запросе правительству. Ведь для роста преступности сейчас создана благодатная экономическая база (А то! Уж не думаете ли вы, уважаемый, что „перестройку“ затеяли слабоумные граждане во имя народа? — *Авт.*). Сегодня все острее звучит вопрос, почему мы не достигли тех темпов перестройки, на которые рассчитывали (Вот наивные, темпы подлинной „перестройки“ как раз в полном порядке — вполне расчетные, другое дело, что задачи ее на самом деле по отношению к социализму только разрушительные. — *Авт.*). Конечно, невозможно предвидеть всей глубины проблем, но многое были обязаны предусмотреть, решать более энергично. И здесь уместно спросить не только правительство, но и нашу экономическую науку: куда они нас привели? За огромными речами в адрес управления, аппарата мы как-то забыли, что достаточно ясной экономической модели будущего не выработано (А это и есть первый признак преступного или вполне разрушительного замысла. — *Авт.*). Новые экономические методы, еще не начав действовать, подвергаются резкой критике, в том числе и с этой трибуны, признаются несовершенными (Иначе говоря, противники социализма делают все возможное для того, чтобы он развалился как бы стихийно или якобы из-за своей порочной природы. — *Авт.*). Практиков запутали в экспериментах. Неужели ничего более подходящего, чем чисто рыночные отношения, передача государственных предприятий в частные руки, создание свободного рынка рабочей силы, за что выступают некоторые известные ученые,

наша экономическая наука не может предложить (А действительно, почему вдруг так? Или наука оказалась не совсем что ли наукою? — *Авт.*)? Подобные предложения есть у представителей московской группы делегатов, хотя это 25–30 человек из 195 депутатов Москвы (Зато очень активных и сплоченных в неприятии социализма. — *Авт.*). Хотелось бы обратить на это ваше внимание, так как не все предложения, мнения этой группы могут представлять мнения всех депутатов столицы (А каково же было мнение большей части? К сожалению, сие так и осталось непроясненным. — *Авт.*).

Но, может быть, в 1989 году для действенной защиты социализма уже не было ни малейшей возможности и поэтому путь измены ему был единственной дорогой для всякого активного гражданина СССР? Попробуем на примере выступления уже известного депутата Щербакова В. П. доказать обратное или доказать, что такая возможность все-таки была и ее некоторые депутаты, как могли, пытались проводить в жизнь, впрочем, уклоняясь при этом от прямого обвинения Горбачева М. С. и компании в измене. Отсутствие последнего акта (публичного и доказательного обвинения в измене социализму Генерального секретаря ЦК КПСС), конечно же, лишало их усилия всякой перспективы. Но все-таки процитируем некоторые положения выступления означенного депутата: «Все, что сейчас предлагают экономисты, не ново, декларативно заимствовано из опыта капитализма, а где же законы развития социалистической экономики? К сожалению, мы сегодня не имеем научно обоснованной экономической концепции перестройки (Так ведь не для того она затевалась, чтобы ее излагать подробно и публично. — *Авт.*). Многие перестройку понимают на свой лад, кому как выгодно, а здесь разночтений быть не должно (это правильно. — *Авт.*). Ученые-экономисты должны объединить свои усилия в разработке экономической концепции перестройки, а не шарахаться из стороны в сторону (Так ведь они на это были совсем не способны. Почему? Да, видимо, потому, что подлинной экономической науки так и не возникло вовсе. — *Авт.*). Семь раз отмерь — один раз отрежь. Эта народная мудрость должна стать принципом работы экономистов (Так ведь экономическая наука — это и не наука, собственно. Почему? Да хотя бы потому, что ее основание — психология, а у самой психологии в „загашнике“ только некие устойчивые во времени комбинации ранее случав-

шихся житейских ситуаций. — *Авт.*) Нужны конкретные меры оздоровления экономики. Помимо разумного сокращения расходов на оборону, содержание аппарата, капитальное строительство, самая первая, главная задача — финансовое оздоровление. Необходимо срочно провести денежную реформу, которая не затронет интересов честного труженика, но исключит из обращения средства, нажитые несправедливым путем (кстати, нечто подобное впоследствии и было сделано, только с большим опозданием. — *Авт.*), быстрее ввести прогрессивный налог на доходы, поставить в равные условия государственные предприятия и кооперативы, предоставив им возможность открытого соревнования (Если бы это планировалось изначально, то уже давно было бы сделано, но все дело в том, что сие никак не входило в истинные планы реформаторов социализма. — *Авт.*). Надо немедленно запретить госпредприятиям рассчитывать с кооперативами из фондов развития производства, социального развития, средств капремонта, какие бы аргументы при этом ни приводились. Расчеты с ними должны производиться только из фонда материального поощрения. Это повысит ответственность хозяйственников перед трудовыми коллективами за каждый потраченный рубль (К сожалению, и это не входило в планы врагов социализма. — *Авт.*). Рынок не может быть насыщен высококачественными товарами, если из всех основных фондов по стране на долю легкой промышленности приходится всего 3,7 процента. Необходимо перераспределить средства государственного бюджета, существенно, не на процент, а в несколько раз изменить соотношение капитальных вложений в пользу развития отраслей группы „Б“ (Опять дельные мысли, да только в случае честного отношения к делу, чего тогда уже и не было вовсе. — *Авт.*). Не призывать (Так ведь и вы, товарищ, оказались не свободными от этого. — *Авт.*), что мы делали из года в год, а ввести такой экономический механизм, который бы заинтересовал предприятия машиностроительные, оборонные и других отраслей промышленности, иметь госзаказ на выпуск товаров для народа в объемах не ниже годового фонда заработной платы. Иначе так и будет Карачаровский механический завод на рубль зарплаты выпускать товаров народного потребления всего на 5 копеек, завод имени Серго Орджоникидзе — на 6 копеек, завод имени Владимира Ильича — на 35 копеек и так далее. Неужели руководителям Госплана, Минфина не ясно, что, пока не будет прямой

связи между этими понятиями, зависимости зарплаты хозяйственников от увеличения объемов выпуска товаров народного потребления, мы из этого заколдованного круга никогда не выйдем (Да, видимо, было не ясно и более того, совсем не хотелось им этой ясности, так как иная ясность — ясность предательства со стороны Горбачева М. С. и компании дела социалистического строительства стала для них вполне очевидной. — *Авт.*)). А вот еще попытка депутата Щербакова В. П. обратить внимание руководства КПСС на явный отход от принципа социальной справедливости, который, впрочем, и осуществили исподволь в последние годы советской власти тайные враги социализма, «просочившись» во властные структуры СССР: «Я поддерживаю предложение Михаила Сергеевича о создании специальной комиссии Верховного Совета, которая провела бы ревизию всех льгот и привилегий, рассмотрела проблемы справедливого распределения общественных фондов потребления. Нельзя не видеть, что постепенно они превратились в средства перераспределения благ в пользу более обеспеченных групп населения. Поступления из этих фондов у рабочих и служащих в среднем на члена семьи с доходом до 50 рублей почти в три раза ниже, чем в обеспеченных семьях. Мы слишком много говорим о бедственном положении нашего здравоохранения, о социальной справедливости в пользовании различными благами. Надо задаться вопросами: почему одни, пользуясь положением и властью, имеют возможность ежегодно лечиться в санатории, другие, если взять нормативы по путевкам, ждут эту возможность годами? Одних кормят в больницах на рубль пятьдесят, других — на три. Думаю, что мы должны принять решение о перераспределении общественных фондов потребления в пользу малоимущих (Наивные люди, они думали, что перестройку затеяли в пользу малоимущих, тогда как ее изначально спланировали лишь в пользу тотальной передачи всех общественных фондов в нечистые руки ее же организаторов. — *Авт.*). В ходе съезда неоднократно поднимался вопрос о решительном улучшении пенсионного обеспечения. Эта аксиома не требует доказательств. Одним из первых законов, который нужно принимать, должен быть Закон о пенсиях. На это нужны средства. Я считаю, что те десять миллиардов, которые высвобождаются в результате сокращения расходов на вооружение, нужно целенаправленно отдать пенсионерам (Сейчас, „держите карманы шире“, как будто

бы все для этого только и затевалось, ну прямо как дети малые. — *Авт.*) Государство обязано (Какое именно, неужели „перестроечное“? Так ведь этого никогда не будет! — *Авт.*) расплатиться с людьми, которые отдали весь свой труд на благо Родины (Поздно спохватились, товарищ! теперь Родина пойдет с молотка! — *Авт.*). Предлагаю поручить Верховному Совету разобраться наконец, каков у нас прожиточный минимум, и обнародовать эти данные (Ну вот еще, делать что ли нечего! — *Авт.*). Нам в целом следует пересмотреть всю систему социально-правовой защищенности трудящихся (Не волнуйтесь, граждане, очень даже пересмотрят, только вряд ли это вас обрадует. — *Авт.*). Существующая система не защищает от инфляции, роста цен (как будто этого у нас нет). Необходимо ввести индекс стоимости жизни и при его изменении корректировать зарплату, стипендии, пособия, пенсии. Считаю абсурдными и экономически вредными ограничения на выплату пенсии и заработной платы работающим пенсионерам. У нас не хватает рабочих рук, тысячи предприятий работают в одну смену (Хорошо хоть так-то, погодите, скоро они совсем закроются. — *Авт.*), а мы исключаем из общественного производства миллионы высококвалифицированных рабочих и специалистов, врачей, учителей (Во-во, именно так, а зачем они, собственно, перестройщикам или реставраторам очень большого капитала? — *Авт.*). И уж совсем вопиюще несправедливыми выглядят ограничения для инвалидов (А это вы зря так, ведь сие хитрое дело было специально организовано для последующей массовой поддержки идей „перестройки“. — *Авт.*). Ведь мало того, что они не всегда могут подыскать себе работу, так общая сумма заработка и пенсии для них ограничена законом. Пора уже снять эти ограничения (Снимут, скоро совсем снимут, только, как говорится, „вместе с головой“. — *Авт.*), инвалидам и без того живется не сладко (А почему им должно жить сладко, они богачи, что ли? — *Авт.*). Съезд должен принять такие решения, которые дали бы возможность каждому человеку почувствовать, что социальная справедливость восстанавливается (Да, было бы, конечно, неплохо сие, но, как говорится, у них тогда были совсем другие планы. — *Авт.*)).

С другой стороны, враг социализма как некоего «общего дела» или, если хотите, общечеловеческого дела нанес очередной и весьма чувствительный удар. Он оказался таковым, прежде всего, по причине его системности или из-за его масштаба, а значит, он но-

сил уже тогда отчетливо стратегический характер. В роли его исполнителя на этот раз вполне осознанно выступил депутат Халлик К. С., ведущий научный сотрудник Института философии, социологии и права Академии наук Эстонской ССР: «В анализе национальной политики мы открываем много горьких истин, к восприятию которых многие психологически не готовы. Но тем не менее необходимо попытаться разобраться в причинах нынешних национальных напряжений (Или, наоборот, вызвать еще к тому дополнительные, так как именно *национальный вопрос и есть главный в борьбе с социализмом.* — *Авт.*). Только это позволит определить место национально-демократических движений в перестройке (Да, без этого операция „перестройка“, конечно же, не достигла бы своих стратегических целей. — *Авт.*). Первое. Главная причина наших сегодняшних национальных противоречий в том, что не удалась ленинская попытка федеративного устройства Союза (Да, но она не удалась бы в любом случае, так как в основе своей была утопична. — *Авт.*). Сталин воссоздал империю, не брезгуя и средствами имперской внешней политики (и не мог поступить иначе. — *Авт.*). Создано унитарное государство в федеративной оболочке, без местного самоуправления, где окраины во всем подчинены центру (не во всем, но в главном — бесспорно. — *Авт.*). Эта реальность и ничто другое объясняет и национальную несправедливость, и, как реакцию на нее, постоянное воспроизводство центробежных стремлений (Неправда, сии стремления возникали по причине неверной кадровой политики, которая выражалась как в неудачной подготовке кадров, так и в неверном их употреблении. — *Авт.*). Как же действовать теперь в условиях демократизации? В настораживающем сочетании нам припомнили здесь о приоритете державы (А вы как думали, все сводится только к местечковому бытию? — *Авт.*). Но я думаю, всем уже очевидно, что невозможно сохранить целостность государства методами, которыми она сохранялась раньше (Да, неадекватными методами ничего путного не добьешься, но и методами „сговора национальных местечек“ тем более ничего дельного не получишь. — *Авт.*). Эти методы (А какие именно? Ежели это будут уже известные имитационные методы, то тогда, конечно, они непременно приведут страны к распаду. — *Авт.*) будут встречать все большее сопротивление со стороны всех народов. У нас нет иного выхода, как в реальности восстановить право наций на са-

моопределение и придать Союзу и содержание и форму союза равноправных суверенных государств, обеспечить широкое национально-территориальное и национально-культурное самоуправление народам, не имеющим своей государственности (Во-во, а зачем сие им нужно-то, ведь увлечение всем местечковым есть увлечение всем локальным, а значит, есть увлечение лишь сужающее горизонты всякого человеческого бытия. — *Авт.*). Именно право на самоопределение, а не дарованные сильным центром остатки прав, должно стать источником суверенитета республик, а договор — источником федерального права (То-то потом «мудрый» Горбачев будет делать неудачно ставку на проект нового союзного договора, который уже даже теоретически тогда был несостоятелен. Почему? Да потому, что не было в нем объективно никакой надобности; иначе говоря, либо добровольно отдаем часть прав общему центру во имя обретения совершенно невиданных доселе общих качеств, либо живем скучно сами по себе. — *Авт.*). Иными словами, нам предстоит конституционная реформа Союза, чтобы обеспечить возврат к ленинским идеям федерализма (ну, это вряд ли. — *Авт.*). В этой связи пару слов об обратной стороне так называемой „русской медали“, о которой уже говорили депутаты Олейник и Белов. Усеченная структура русской национальной государственности и управление Россией не как страной, а как конгломератом областей приводит к размыванию национального самосознания, подменяя его общесоветской идентичностью (А вот это уже попытка вызвать к жизни русский шовинизм. Почему? А потому, что русский человек по природе собственного языка не является существом, живущим только проблемами „собственного носа“, ему очень важно иметь общие с соседними народами смыслы бытия, поэтому его искусственное „погружение“ сугубо в личные проблемы всегда порождало рецидивы шовинизма. — *Авт.*). В современных условиях это тормозит национальное возрождение, и, как результат, борьбу других республик против бюрократического централизма многие в России воспринимают как борьбу с Россией (Так ведь это с сущностной точки зрения так и есть! Другими словами, национальное возвеличение — выпячивание национальных территорий, конечно же, приводит русских в состояние огорчения, так как в этом стремлении всегда угадывается покушение на „общее дело“. — *Авт.*). Создание всех политических институтов России сделает ненуж-

ным и большинство союзных ведомств и организаций (что впоследствии и произошло. — *Авт.*). Их заменяют прямые взаимовыгодные и равноправные связи между республиками (а это как раз что-то не очень получилось. — *Авт.*). И может, тогда нам удастся подсчитать, сколько же в этой стране „русских“ наций: одна или пятнадцать, с учетом числа союзных республик или 35 с учетом автономий (А это уже замах на ликвидацию и самой России. — *Авт.*)? Эта неясность — источник напряженных национальных отношений в республиках. Кстати, вчерашняя „Советская Эстония“ отразила ту реальную поддержку, которую имеют некоторые товарищи, претендуя на полное представительство всего неэстонского, или так называемого русскоязычного населения республики (Ага, сообразили, что ежели дать этому населению равные с коренным населением политические права, то „местечковой“ Эстонии и не быть вовсе. — *Авт.*). Конституционная реформа Союза призвана не только решить национальный вопрос, но изменить облик социализма в сторону славного самоуправляющегося демократического общества (На деле же разговор о реформе нужен был лишь для ликвидации самого Союза, и ни более того. — *Авт.*). В этом нуждаются в равной мере все: большие и малые нации. Второе. В последнее время мы перестаем считать себя самыми умными и дальновидными и начинаем присматриваться к мировому опыту, хотя пока избирательно (А хотелось бы что ли перейти к полному его заимствованию? Так ведь это и невозможно в принципе. — *Авт.*). Мировой опыт же показывает, что путь современной цивилизации — это путь международной интеграции, но не путь централизации и подчинения (Ну это как сказать. Европа, например, пошла как раз путем объединения и делегирования некоторых собственных прав единому центру. — *Авт.*). Интегрироваться же могут свободные народы, интересы которых как суверенных субъектов исторического действия согласуются и не подчиняются (Так в жизни не бывает, ведь согласования вне добровольного подчинения некоторому ограничению и не существует вовсе. — *Авт.*). Та централизация и подчинение центру, которые сложились в нашей стране, находятся в глубоком противоречии с объективной тенденцией интеграционных процессов, лежащих в плоскости национальных структур (Вновь неумение думать налицо. Почему? А потому, что интеграция бывает лишь разумной либо неразумной, тогда как ее объективные свойства везде и всег-

да одинаковы и никакой такой „плоскости национальных структур“ и не существует вовсе. — *Авт.*) Россия, тем более Москва, не может считаться центром даже славянских языков, не говоря уже о тюркских, балтийских или финно-угорских (Да, Россия — это центр русского языка, в нем и через него она находит весь смысл собственного бытия; другое дело, что сам русский язык — это еще и язык общечеловеческого дела. — *Авт.*) В современном мире, как мы видим, не уменьшается роль церкви и религии. В этом отношении с традиционным центром государства совпадает лишь центр Русской православной церкви. Для исповедующих ислам эти центры находятся за пределами государства, как и для католиков и некоторых других христиан (А здесь все верно; другое дело, что не все церкви и не во всем хороши будут, а значит, придется и выбирать, придется и отказываться от ложных верований. — *Авт.*) Культурная система латышей и эстонцев, например, тяготеет к культуре скандинавских народов и Балтийского бассейна. Ближний родственник языковой ареал эстонцев находится, как известно, в Финляндии. Я хочу этим сказать, что уникальность и неповторимость наших народов — это не только плод их внутреннего саморазвития, но и результат богатства и многовариантности межнациональных взаимодействий (Да кто же с этим спорит; другое дело, что кто-то из взаимодействующих названных выше народов доминирует, а кто-то нет. — *Авт.*) Открываясь миру, претендуя на то, чтобы наше государство заняло подобающее место в развитии мирового хозяйства, охране окружающей среды, развитии общечеловеческой культуры, мы должны этим правом наделить и все нации сообразно их историко-культурным особенностям (Да, но если мы открываемся миру прежде всего как нечто целое, то это одно качество, а ежели мы станем идти в мир во имя истовой идеи национального самовыражения по одиночке, то это уже будет совсем другое и совсем иной результат. — *Авт.*) Реальностью мирового опыта является неравномерность социально-экономического развития народов и стран. В политическом лексиконе это явление обозначается понятием „север — юг“ и „запад — восток“. В нашем государстве эти полярности тоже представлены, как, впрочем, имеются и институты США и Канады, стран Азии и Африки, но нет института Средней Азии и народностей Советского Севера и Востока. Эта проблема никогда серьезно не осмысливалась, хотя Ленин и сохранившие его по-

черк решения X партсъезда нацеливали национальную политику на тщательный учет этих реалий (Ежели стремиться к подобному, то непременно получишь, как говорится, „несварение желудка“. Почему? Да хотя бы потому, что сие невозможно в принципе; а как же тогда быть? А тогда следует строго ориентироваться на нечто действительно общее и действительно перспективное, отбросив остальное как суетное и вредное. — *Авт.*). Поскольку тема национальных отношений пришла в перестройку позже других, мы еще не готовы анализировать их в общепринятых терминах и понятиях политики (А чего тогда говорить попусту? Лучше идите, как говорится, и „учите уроки“. — *Авт.*). Чаше, чем в применении к другим явлениям, мы пользуемся здесь понятиями-метафорами и понятиями-заклинаниями, такими как „общий дом“, „нерушимая дружба“, „сильный центр“ и „сильные республики“. Кстати, о сильном центре: что это у нас — шестнадцатая республика появилась? Если она появилась, то тайком, без того, чтобы за нее проголосовали все остальные пятнадцать (Вот интересно, а зачем сие рассуждение оратору надо? уж не за тем ли случайно, чтобы покончить со всем наличным „общим домом“, как говорится, разом или под разговор о понятии центра, как якобы незаконного образования, просто ликвидировать его и делом с концом? — *Авт.*). И я хочу свою скромную лепту в эти понятия и в это творчество внести и развить предложенное депутатом Соколовым понятие „общего одеяла“. Не нужна особая прозорливость, чтобы увидеть, что „общее одеяло“ сшито из лоскутков разной прочности, и под ним давно уже гуляют сквозняки. Может, все же будет лучше, если у каждого будет свое одеяло: пуховая перина на севере и легкий плед на юге (Но разве понятия общих целей жизни и „общее одеяло“ возможно сравнивать, не кривя при этом душою, тем более, что в трудные времена лучше быть под общим одеялом, чем совсем без него? — *Авт.*)? И третий аспект. Что нужно сделать, чтобы национальные ресурсы были направлены на углубление перестройки и обновление социализма (а действительно, что же? — *Авт.*)? Это те меры, которые позволят восстановить жизнеспособность общества (А до этого оно, что ли совсем нежизнеспособно было? — *Авт.*). Во-первых, это преодоление разрушительных последствий так называемой классовой борьбы против крестьянства и интеллигенции (Любопытно, а что сия борьба разве не привела к определенным экономическим успехам в той же Эстонии? —

Авт.) Именно крестьянство всегда было хранителем народных истоков культуры, уравновешенных и заботливых отношений с природой (А разве советская власть уничтожила в Эстонии крестьянские хозяйства? — *Авт.*). Отчуждению народа от своего прошлого, от природной среды нужно поставить заслон (Интересно, получается, разве советская власть виновата, что в национальном прошлом было много неприглядного? А кроме того, разве частная собственность на природные уголья не отчуждает труженика от них, если он лишь наемный работник? — *Авт.*). И это могут сделать лишь народы, а не население, хотя и имеющее этнические особенности (А вот для чего оно все затевалось, оказывается, это было сделано только для того, чтобы этническое население СССР под прикрытием национальной личины противопоставить советской власти? — *Авт.*). Второе. Засилие монополий в национальных республиках и краях привело к тому, что нарушена социальная целостность ряда наций (Ага, ради комфортного существования отдельных частей задачами целого можно было спокойно и пренебречь? Впрочем, видимо, целое и вообще воспринималось тогда как нечто чуждое. — *Авт.*). Часть из них в результате монопольного хозяйства осталась в положении социального слоя, занятого в сельском хозяйстве или в других подсобных отраслях (Во дает, оказывается сельское хозяйство — это подсобная отрасль; и потом, иного социального приоритета в ряде республик и отродясь никогда не было, так с чего это вдруг в них возникнут, например, передовые промышленные производства. — *Авт.*). Безудержное экстенсивное развитие промышленности поставило под угрозу и внутреннюю сбалансированность структуры эстонской нации (Ну вас, эстонцев, не поймешь, то ли сельскохозяйственный крен у вас в республике налицо, то ли промышленный; а вот насчет „внутренней сбалансированности структуры эстонской нации“ возможно заметить, что заметный приток рабочих рук из других районов СССР вам явно пришелся не по нутру; но почему вдруг так-то, а видимо потому, что милое вашему сердцу эстонское местечко перестало во многом быть таковым или приняло характер очень значительной, но уже интернациональной территории. — *Авт.*). Она превращается в народ с неполной социальной структурой (Под последним замечанием, видимо, и скрывается главная причина для недовольства элиты эстонского населения, которая, скорее всего, стала утрачивать господствующее положение в соб-

ственном местечке, что ее же сильно уязвило. — *Авт.*) Чтобы остановить этот процесс, необходим крутой поворот в концепции экономического развития регионов и республик, учет национальных последствий всех экономических мер (Вот-вот, если не мы будем командовать в местечке, то ничего и не надо в нем делать, пускай так, как было раньше все и остается — это и есть подлинная причина необычной активности на съезде всех национальных представителей, в данном случае Эстонии. — *Авт.*) Кстати, в этом национальный смысл нашей концепции республиканского хозрасчета (Ну что ж, славно выходит, только, конечно же, убого на самом деле смотрится. — *Авт.*) Особо следует сказать о малых народах Севера и Востока. Они веками приспособивались к суровым, но в то же время хрупким и легко ранимым природным условиям, сотворили уникальную и бережную культуру взаимодействия человека и природы, сохранили для нынешних поколений, для страны жизнеспособную природную среду (А разве в их силах было что-то всерьез изменить? — *Авт.*) Наше государство в благодарность за это повторило один из величайших позоров европейской цивилизации, которая уничтожила американских индейцев (Во дает, да ведь без советской власти просто уже и говорить-то было бы не о чем, так как сии малые народы давно сгнули бы под давлением той же милой сердцу эстонца природной среды. — *Авт.*) Мы повторили это в преддверии XXI века в стране, которая называет себя социалистической (Опять врете, товарищ! Да, конечно, ваши единомышленники, ухватив важные посты в социалистическом государстве, перестали думать и делать положенное дело как следует или честно, а теперь свою неспособность пытаются списать на неэффективность социализма. — *Авт.*) Пока еще не все потеряно, государство должно искупить свою вину (Да не государство, а ваши единомышленники при важных государственных постах! — *Авт.*) перед малыми народностями Севера и не только Севера. В Совете национальностей следует создать специальный орган по охране малых народностей (а больших, не надо что ли? ну местечковый бред, да и только. — *Авт.*), выработать государственную программу, поднять общественность для того, чтобы возродить нормальную трудовую жизнь, а через нее и человеческое, и национальное достоинство малых народностей (Так ведь для этого, собственно, социализм и затевался; впрочем, внутри социалистической идеи никогда не ставился во главу

угла национальный интерес как ключевой, который в самой своей сути всегда страдал себялюбием и никогда не видел человечество как нечто целое. — *Авт.*) Я имею в качестве документов к материалам съезда предложить Обращение от малых народностей, принятое на международной встрече писателей финно-угорских народов, а также от курдского народа, от крымских татар, от гагаузов и некоторых других. Далее, я полагаю, что культурная политика должна повернуться к восстановлению культурного многообразия нашей страны (А может быть, в истовом поклонении национальным культурным ценностям есть нечто болезненное, ведь возведение всякой культуры на олимп общественной жизни не превращает ли ее в служанку чего-то, хоть и приятного, но все равно явно искусственного и в сути своей принадлежащего лишь понятию мнимого добра? — *Авт.*) Это сложная задача, ибо целостность культурных систем многих народов нарушена. В ряде случаев это произошло из-за вытеснения национальных языков из науки, политики, высшего, а то и среднего образования (Так ведь не всякий язык способен к тому будет, ведь не случайно же во всех международных делах нет даже и следа от эстонского языка, и ничего, никто не ропщет от сей «досадной» недостачи! — *Авт.*) Языки даже некоторых многомиллионных народов постепенно превращаются в деревенский говор, которого стыдятся в городах (Ну что делать, ведь все когда-нибудь отмирает; или малоспособное к производству новых общих смыслов со временем становится и совсем никому ненужным. — *Авт.*) Мировой и наш опыт показывает, что утрата народных и национальных истоков культуры делает ее беззащитной перед натиском коммерческой культуры, приводит к росту бездуховности и подрыву нравственных устоев человеческого общежития (Да, конечно, приводит, но ведь если хорошенько подумать, именно всякая национальная культура и становится духовным источником всякой же коммерческой; иначе говоря, не бывает коммерческой культуры на пустом месте, она возникает лишь как некое низменное утрирование национальной. — *Авт.*) Есть все основания заключить, что нынешнее состояние национальных отношений в стране объяснимо не частными ошибками и отдельными просчетами, хотя и их тоже много. Оно порождено всей системой административно-государственного социализма (Вот оно на самом деле как! То есть, ежели социализм с ними, с отношениями то бишь, нянчился, нянчился, то он

же еще к тому и виноват, что нянчился мало и совсем даже нянчился неправильно? Вот бы вам, товарищ, посмотреть в сторону США, вот бы где вы, вероятно, нашли себе полную национальную отраду! — *Авт.*) Попытки устранить из жизни общества нации как исторические субъекты оказались разрушительными не только для них, но и для общества в целом (А может быть, все как раз и наоборот, то есть именно попытки возвеличить отдельные нации как избыточно ценные исторические субъекты и родили известные общественные невзгоды позднего СССР? — *Авт.*). Борясь с национальным, общество растратило огромную социальную энергию. Для восстановления жизнеспособности нашего общества национальная политика должна быть в корне изменена. Если этого не произойдет, то будут сохранены в значительной мере структуры административного правления, следовательно — и антиперестроечная база в центре и на местах (Вот так, оказывается, перестройка — это лишь слом структуры административного правления! А мы, наивные, думали о ней совсем другое, что это, например, новые, и вдохновляющие весь советский народ как нечто целое, цели и задачи. — *Авт.*). В основу обновленной национальной политики должны лечь международные пакты о правах наций. Во всем мире цитируют слова Михаила Сергеевича о том, что каждая нация должна иметь право на свой собственный исторический выбор (Конечно, враги социализма увидели в подобных речах возможность для его ослабления и даже полного уничтожения. Почему? А потому, что иной или не советский социализм возможен лишь как национал-социализм! — *Авт.*). Наше государство тоже своеобразная организация объединенных наций, которое может развиваться как цивилизованное общество лишь при правовых и политических гарантиях национальных прав и свобод (как раз этого никогда не было и никогда не будет! — *Авт.*). И в заключение я хочу еще раз присоединиться к вчерашнему заявлению о призыве к поиску мирных политических и демократических форм решения всех национальных противоречий, которые за долгие годы сложились в нашей стране (Да, сему как бы благому пожеланию в рамках одного государства никогда не суждено сбыться, так как оно своей сутью противоречит самому факту существования единой страны. — *Авт.*)». Вот таким образом известный национальный вопрос и стал *камнем преткновения* на пути *исторического* социализма. Другими словами, очередная не-

доценка значимости сего вопроса, его сложности и живучести и погубила СССР, еще вчера, казалось, могучую мировую державу. Ныне же в современной трехцветной России на повестке дня всясьма, как говорится, остро стоит проблема становления, казалось бы, еще вчера естественного как дыхание патриотизма. Но что так и почему вдруг? Да и зачем он нам сегодня, в дни бурного глобального вещественного процветания?

Патриотизм и Россия

Любовь к Отечеству, к России, несмотря ни на что, остается одним из самых важных смыслов русского бытия. В нем русское сознание ищет и находит себе и опору и радость. Но что такого особенного в России, что русскому человеку в ней? Неужели эта земля, как говорится, медом намазана? Так ведь нет такого и в помине. Наоборот, в ней всякому жить ой как непросто, а порой и весьма даже тошно бывает. Почему? Да потому, что исстари русский русскому, как говорится, проблема. Другими словами, уж очень много досадного в отношениях сих бывает, нет в них совсем никакой деликатности. Странно и опять же досадно. Но не признать сего наблюдения справедливым никак нельзя. Почему вдруг русский человек столь требователен и одновременно груб к себе же подобным бывает? Какое такое побуждение в нем в такие минуты побеждает и, главное, почему? Кроме того, почему он так не щепетилен, не педантичен в поведении своем? Ответ может быть один: он совсем не дорожит приятными удобствами самой жизни, хотя и не отказывается пользоваться ими. Но что тогда ему дорого? А например, собственные чувства, переживания и даже какое-то упоение от погружения в них. Иначе говоря, он чрезвычайно любит свои переживания насчет собственной жизни, причем он умеет и любит распространять ее родимую мысленно далеко за частные пределы. То есть он легко отождествляет себя, скажем, с руководителем страны и судит о нем часто совсем по-своему. В нем есть какая-то невероятная смелость к рассуждению обо всем на свете. В такие минуты русский человек видит себя почти хозяином всего сущего. С другой стороны, порой его беспомощность в социальном смысле поражает также неотразимо, как и его же умение становится центром мира. Другими словами, русский человек в очевиднейших ситуациях, скажем, измены

его руководителей, делает вид, что он совсем бессилён что-либо предпринять в ответ на постыдное поведение своих начальников, а значит, легко становится покорным заложником всемогущих «обстоятельств» самой жизни. Вот у такого-то странного субъекта истории порой и возникает острая потребность в особом объекте поклонения и любви, которая вполне и удовлетворяется через чувство патриотизма. В России патриотизм есть чувство прирожденное, в нем есть нечто мистическое или не от мира сего. Что же именно? А то, например, что русский патриотизм — это часто совсем не разумный патриотизм или это патриотизм что ли мстительный, по принципу «пускай мне же хуже будет». Иначе говоря, в нем угадывается некая сакральность или совсем не житейская истина, уходящая в далекое будущее, в котором только все и объясниться сможет. Поэтому русский патриотизм — это и здешний феномен и одновременно нечто совсем потустороннее будет. Другими словами, в России патриотизм есть ее же неперемный атрибут, который, с одной стороны, требует к себе особого внимания и попечения, с другой — он сам себя сохраняет и воспроизводит с течением времени. Если говорить о названном попечении, то следует сказать, что сие занятие, конечно же, потребует ярких и убедительных рассказов как о великом прошлом, так и подобном настоящем нашего Отечества. Если же в настоящем ничего такого не видно, тогда патриотизм сакральный уже сам вызовет в известном настоящем как бы из небытия некие великие и потрясающие события, которым уже никто противиться не сможет. Но тогда, если власть в России сама ничего действительно великого не сделает, то ее к тому, видимо, совсем скоро понудит вполне уже логика самой истории державы российской. Альтернативы сему нет и не будет, пока стоит земля Русская!

От патриотизма к национальной идее как идее вненациональной...

Патриотизм исходным смыслом своим восходит к Римской империи. Именно тогда он как понятие и зародился, тогда же он и вошел в историю всех последующих империй, вошел как особо патетическая любовь к своему отечеству, непременно имеющему величественную и превосходящую иные историю и не менее достойное настоящее. В России патриотизм зарождается в годы правления Петра I, невидан-

ного ранее новатора. Именно тогда статус нашей страны и получает вполне отчетливые имперские черты. Окончательно само понятие патриотизма в России утверждается уже в годы правления Екатерины II. Последний и самый невиданный доселе в мировой истории расцвет патриотизма происходит уже в годы Советской России, а точнее — в годы существования СССР. В эти же годы вызревают и предпосылки для его же невиданного ранее по масштабу падения по причине невиданной ранее волны националистических тенденций, окончательно возобладавших в нашем Отечестве после снятия им собственным военным могуществом очевидных внешних военных угроз. Но все же, что конкретно составляет существо самого патриотизма? Он, конечно же, имеет в себе, если хотите, черты религиозного культа, который выражается в непременно величественной архитектуре общественных построек (дворцов, зданий, проспектов, парков), в небывалой роскоши убранств, оформляющих опять же многие места общественного присутствия; в многочисленных произведениях культуры, воспевающих подвиги подлинных героев и титанические труды великих государственных мужей, больших ученых. Другими словами, содержание общественного бытия в период подъема патриотизма непременно свидетельствует в пользу торжества идеи обретения страной большого смысла для своего существования. Никогда и нигде патриотизм не опирался в первую очередь на материальное богатство, на желание своего господства в мире, наоборот, в нем всегда доминировали, так или иначе, идеи общего блага. Поэтому подлинный патриотизм — это своего рода сплав всех лучших свойств человеческой природы, выражающий себя в подъеме братских чувств, в ощущении общей причастности к великим и праведным свершениям, предпосылаемых всему будущему человечеству. В нем всегда угадываются все лучшие мечты, чаяния и стремления многих поколений, когда-то живших на Земле людей. В связи с этим патриотизм без приоритета общего блага, конечно же, нет и быть не может. В противном случае возможен лишь националистический угар, разгул шовинизма и беснование скучающих от нарастающего ощущения бессмысленности своего существования толп праздных людей. Ныне в России после ее падения в безудержное стяжание всевозможных материальных благ, доставшихся ей по наследству от канувшего в прошлое СССР, наблюдается острая нехватка смысла общественного бытия. Оперативное невосполнение сего дефицита, конечно же, по-

губит ее в самые сжатые исторические сроки, так как метастазы фантастической коррупции пронизали собою буквально все ее государственное тело, превратили его в монстра, готового поглотить все и вся. Что же может остановить сие безумное поведение когда-то могучей страны? Неужели нам быть свидетелями ее окончательной гибели? Но шанс на спасение все-таки еще имеется. Он как раз и связан с патриотической идеей, с воцарением ее в умах наших сограждан. Сам же патриотизм без осознания существования национальной идеи, конечно же, не возникнет, так как он есть чувство производное, а не причинное. Тогда как сама суть национальной идеи, наоборот, способна вызвать к жизни собою и патриотизм. Но в чем уже ее существо? Как обрести ее ни в чем не твердым умам, ведь процессы подлинной жизни ныне практически повсеместно заменены их имитацией? Да, серьезно отвечать на сей исторический вызов ой как не просто будет! Придется преодолевать всевозможные наслоения и иллюзии, которые буквально превратили само подобное изыскание уже в нечто карикатурное и даже постыдное. Во-первых, национальной идеи вне ответа на вопрос о смысле человеческой жизни, конечно же, нет и быть-то даже не может. Во-вторых, сам смысл человеческого бытия вне служения общественному благу и вовсе немислим. В-третьих, существо самого названного выше блага опять же вне образа человека праведного и не возникнет вовсе. Поэтому-то искомая национальная идея своим смыслом непременно должна покоиться на идее приоритета общественного жертвенного служения, которое, в свою очередь, должно видеть перед собой образ человека праведного. Только такая цель способна будет сообщать упоение самим упомянутым до того служением. Иначе говоря, служение сие не может быть не воодушевляющим или оно невозможно как рутинное дело. Но что может объять и вполне снять естественные в таком случае трудности? Вера, вера в чистоту помыслов, как ни странно, наличной земной власти, вера в ее мудрость и мужество в претворении в жизнь национальной идеи. Помилуйте, но как же сие возможно в современной России? Да, с обывательской точки зрения подобное верование представляется исключительно утопией или чем-то совсем немислимым. Но если взглянуть на это трудное дело уже с позиции верующего в Бога человека, то тогда запредельное вдруг становится не таким уж недосыгаемым. Почему? Да хотя бы потому, что для Бога-то невозможного и нет ничего, а значит, и управу на власть земную Он найти

всегда сможет. Поэтому названная выше вера как самый могучий народный наказ и сможет стать самым востребованным и властью земной. Другое дело, что саму веру сию еще надо будет обрести. И здесь много смогут послужить влиятельные и авторитетные в народе люди, которые сначала и сами должны будут внять сему соображению как самому важному и самому насущному. И еще. Следует изначально твердо уяснить, что сие дело только внешне выглядит делом национальным. Тогда как оно в сути своей вненационально будет. Почему? Да потому, что нет особой национальной праведности, нет национального всечеловеческого блага, а значит, думать, что работа сия станет угрозой для других, скажем, не русских народов и вовсе не стоит. И потом, уж таковы свойства русского языка, что он не мыслит себя совсем без всего человечества. И все же, все же, почему так и не дается существо национальной идеи нынешнему поколению русских людей? Казалось бы, русские люди теперь, против кем-то клятых времен СССР, в явном численном большинстве в родном Отечестве, ан нет, не выходит ровным счетом ничегошеньки! Впрочем, вспомним былое. Что у нас ранее было? При царе Россия имела «Православие, самодержавие, народность», при большевиках — надежду на построение коммунизма. Кроме этого, русские когда-то шли в бой «За веру, царя и Отечество», при большевиках — «За Родину! За Сталина!» (или еще как-то). Ныне, если придется вдруг воевать, россияне, видимо, пойдут на брань просто «За Россию!» С другой стороны, сама национальная идея ведь должна содержать в себе настолько емкие смыслы, что через них возможно даже будет уяснить само назначение России в мире сем. Поэтому задача сия, конечно, не для бизнесмена, и даже не для бизнесвуменши будет. Но и остальным не придется сильно задирать нос и думать, что уж им-то Бог сию тайну откроет. Не откроет, во всяком случае, без большого или даже огромного желания познать ее. То есть сие знание обывателю ведь без надобности. А сегодня в России других почти и нет уже вовсе. Но не будем печалиться и попробуем в свою очередь все-таки открыть эту тайну. Во-первых, спросим самих себя, а что есть такое «национальная идея» как понятие? С сущностной точки зрения это выходит как *народно-государственное осязаемое явление, вызывающее мысленное изображение*. Чуть иначе это будет означать «относящееся к совокупности индивидов, связанных сознанием своего единства посредством общности происхождения, языка, религии, быта, нра-

вов, обычаев, исторического прошлого, осязаемое явление, вызывающее мысленное изображение». Не хило вышло, а? Другими словами, национальная идея России — это большая или объемлющая и неоспоримая мысль всех ее сограждан, воспринимающих друг друга без оговорок равными и родными существами. В ней не может содержаться смыслов, которые бы отталкивали людей друг от друга или проводили между ними разделительную линию. Наоборот, эти смыслы должны соединять всех в одно целое. Что это такое может быть? Любовь к Родине или к Отечеству? Пожалуй что так. Но этого явно мало, и в этом нет характерного или нет отличия от других народов, которые тоже обыкновенно патриоты своих стран. Кроме того, национальная идея есть идея *строго немеркантильная*. Иначе говоря, она свободна от тленного и преходящего сама по себе или в ней нет того, что может быть в дефиците. В ней могут сосредотачиваться только образы, уходящие смыслом своим в область вечного или незблемого бытия. Но разве возможно познать и понять сие, проживая на Земле? С одной стороны, это, конечно, похоже на утопию, а с другой — совсем даже нет. Почему? Да потому, что без этого жизнь на Земле уж больно пресна была бы, а раз она все-таки таковою не является, то и неземное на Земле вполне стяжать можно! По крайней мере, в какой-то его части. Трудно? Да, трудно, но и выбора-то особенного у нас и нет совсем. Почему же? Да потому, что будущее без *национального развития* нам полностью заказано, а значит, придется-таки познавать национальную идею, так как лишь с ее помощью справимся и с национальным развитием тоже. То есть общенациональный смысл — это ключ и к национальному развитию самой России. Но чем возможно увлечь человеческую душу основательно или необратимо? Богатством? Вряд ли. Вечной жизнью на Земле? Тоже не получается. Ощущением своего родства со всем миром? Ощущением своей нужности или значимости? Пожалуй что так. Но что конкретно может объединять столь разных в части личного развития людей? Язык? Да, но и в нем есть специфика или имеются заметные отличия. Другими словами, сам язык и есть характеристика человеческого развития. То есть хорошо знающий и хорошо (правильно) употребляющий слова родной речи — это и есть вполне развитый человек. Поэтому язык, конечно, подходит в качестве искомого общенационального смысла. Впрочем, знатоков самого русского языка в России ныне долго искать надо. Конечно, специалистов много, но они поче-

му-то не очень-то востребованы как государством, так и обществом. Видимо, их авторитет *весьма низок*, а значит, и глубина их познания остается под вопросом. Или мало знать язык по форме, его следовало бы знать по его сути, чего, скорее всего, пока не случилось. Вы спросите, а где доказательства? Пожалуйста. Спросите любого знатока, что означает русское слово «добро»? Они, вероятно, начнут мямлить вам о некой материальной помощи бедным людям, скажут еще, возможно, о взаимопомощи и взаимовыручке. Но ведь добро на самом деле не «делают», его приносят как, впрочем, и зло. Иначе говоря, добро нельзя оторвать от личности, с ним непосредственно связанной. Или добро только там, где имеется честный человек, тогда как все другие люди неспособны будут к нему *принципиально*. Но и честность — это непросто. Почему? Потому, что она не может быть избирательной, она лишь *тотальна*. То есть честный человек сродни человеку праведному или непорочному. И потом, добро там и тогда, где происходит необратимый сдвиг к лучшим качествам человека. Вот и выходит, что наши знатоки языка, скорее всего, исстари сохраняют лишь его невостребованность русскими людьми в главных его же смыслах. Поэтому язык, конечно же, смог бы стать центром средоточия смысла национальной идеи. Теперь, если русский язык ныне плохо понимаем и плохо применяем, то, может быть, и национальной идее в России нынче и не быть вовсе? Что ж, может быть это и так. Но каковы все-таки ее вероятные смысловые контуры? Возможно, что национальная идея России как-то связана с чувством избавления русской души от тоски по чему-то так до сих пор и несбывшемуся, по чему-то даже невероятному. Вот и выходит, что национальная идея сродни чему-то мистическому, а точнее, *всеобщему духовному идеалу*. Другими словами, национальная идея прямо указывает на некий смысл — смысл роли России внутри человечества. Каков он? С одной стороны, это известные попытки русских людей жить в ладу со всеми в мире, с другой — желание устройства собственной жизни по-божески. Поэтому столь трудное назначение России — это непрерывное воспроизводство попыток изыскания образа действительно славного или праведного человеческого житья. То есть *национальная идея России — это непрерывный поиск и непрекращающееся воплощение образа подлинно честной, а значит, и подлинно праведной жизни народа России*. Вот так. Поэтому, завершая думку сию, и почнем дерзновение к святому. И помогай нам Бог!

«Вернувшись» на съезд, обнаруживаем вполне странное, а именно: известный и весьма авторитетный русский писатель Распутин В. Г. с высокой трибуны подобно слабоонервному интеллигенту вдруг говорит такое: «Наша молодежь бессмысленно гибла в Афганистане, столь же бессмысленно она калечится в необъявленной войне против нравственности (Разве не ясно ныне, что Афганистан — это мировая проблема, а значит, смысл участия нашей молодежи в ее решении все же был, другое дело, что следовало бы поступать там, что ли умнее, а главное, честнее; а насчет проблемы растления молодежи писателю следовало бы обратиться, прежде всего, к творческому цеху, к писателям, сценаристам, режиссерам и даже к артистам, готовым ради денег и славы участвовать в любом аморальном представлении. — *Авт.*). Призывов стать лучше в таких случаях недостаточно, нам необходим закон, который бы закрепил и взял под охрану нравственность и запрещал пропаганду зла, насилия и пороков (Но тогда следовало бы сначала определить юридически, что есть зло, тогда как такое вряд ли кто способен был тогда сделать исчерпывающе. — *Авт.*). Когда-нибудь мы пожалеем, что пренебрегли столь важной наукой в это переломное время, как социальная психология (Вот и панацея от всего нехорошего нашлась; ну разве серьезный писатель будет говорить такое? — *Авт.*). Знание этой науки, позволяющей учитывать настроение людей, способно принести самые неожиданные и удивительные результаты (Так и хочется в ответ сказать сему нравственному авторитету: „свежо предание, да верится с трудом“. — *Авт.*). У нас в обществе вместе со здоровой создается в последнее время активность, из которой изымается гражданское патриотическое содержание и которая переводится в русло нигилизма и высокомерных притязаний (Опять слышится что-то „мутное“, казалось бы, скажи просто: многие мои сограждане перестали любить Отечество свое, и спроси вослед сему: что так и почему сия нелюбовь стала вдруг модной? — *Авт.*). Неправое, как известно, всегда активнее и организованнее (Ну откуда он взял, что такое поучение есть истина? Писатель будто бы во сне выговаривает слова, совсем не вникая в их подлинный смысл. — *Авт.*)... Мы, россияне, с уважением и пониманием относимся к национальным чувствам и проблемам всех без исключения народов и народностей нашей страны. Но мы хотим, чтобы понимали и нас. Шовинизм и слепая гордыня русских — это выдумки тех, кто играет на ваших национальных

чувствах, уважаемые братья (Ну, во-первых, и шовинизм, и гордыня у русских все-таки имеют место быть, а во-вторых, само словосочетание „уважаемые братья“ звучит, конечно же, фальшиво, ведь братья на то и братья, что в добавлении „уважаемые“ никак не нуждаются. — *Авт.*). Но играет, надо сказать, очень умело. Русофобия распространилась в Прибалтике, Грузии, проникает она и в другие республики, в одни меньше, в другие больше, но заметна почти повсюду. Антисоветские лозунги соединяются с антирусскими. Эмиссары из Литвы и Эстонии едут с ними, создавая единый фронт, в Грузию. Оттуда местные агитаторы направляются в Армению и Азербайджан. Это не борьба с бюрократическим механизмом, это нечто иное. Здесь, на съезде, хорошо заметна активность прибалтийских депутатов, парламентским путем добивающихся внесения в Конституцию поправок, которые позволили бы им распрощаться с этой страной. Не мне давать в таких случаях советы. Вы, разумеется, согласно закону и совести, распорядитесь сами своей судьбой. Но, по русской привычке бросаться на помощь, я размышляю: а может быть, России выйти из состава Союза, если во всех своих бедах вы обвиняете ее и если ее слаборазвитость и неуклюжесть отягощают ваши прогрессивные устремления? Может, так лучше (А вот и шовинизм, и русская гордыня, вывернутые наизнанку, и проявились вполне; неужели писателю непонятно, что подыгрывать националистам всех мастей может только безумный или предатель? — *Авт.*)? Это, кстати, помогло бы и нам решить многие проблемы, как настоящие, так и будущие (Опять какая-то близорукая и наивная позиция налицо; ну не может писатель понять, что не в национальном вопросе сокрыта подлинная проблема СССР, а в том, что от целей стоящих он предательски отвернулся, стал служить много мелочному и суетному. — *Авт.*). Кое-какие ресурсы природные и человеческие у нас еще остались, руки не отсохли (Ну это, как говорится, лишь пока. — *Авт.*). Без боязни оказаться в националистах мы могли бы тогда произносить слово „русский“, говорить о национальном сознании (Ну это вряд ли, ведь в России есть еще и автономные национальные республики. — *Авт.*). Отменилось бы, глядишь, массовое растрение душ молодежи (опять мимо, снова не о том мечтаем. — *Авт.*). Создали бы, наконец, свою Академию наук, которая радела бы российским интересам, занялись нравственностью. Помогли народу собраться в единое духовное тело (Мечты, мечты, где ваша сладость? Опять

пустые хлопоты или снова трагичное непонимание основ подлинной жизни. Почему? Да хотя бы потому, что ежели „духовное тело“ народу будем собирать, то тогда уж точно надо готовиться к совсем худому. — *Авт.*). Поверьте, надоело быть козлом отпущения и сносить издевательства и плевки (Опять гордыня, снова нежелание задуматься о причине подобного отношения к себе. — *Авт.*). Нам говорят: это ваш крест. Однако крест этот становится все больше неподъемен (Так что же тогда возмущаться и протестовать, ежели силенок-то не хватает, а тем более — зачем поучать еще и других? — *Авт.*). Мы очень благодарны Борису Олейнику, Иону Друцэ и другим делегатам из республик, кто сказал здесь добрые слова о русском языке и России. Им это позволяется, нам — не прощается (А вы, товарищ писатель, подумайте, почему не прощается, может быть, вас отводят через то от еще большего греха — греха гордыни, с одной стороны, а с другой — сохраняют в вас подлинно русское как общечеловеческое? — *Авт.*). Нет возможности сейчас подробно объяснять, да вы это и сами должны знать, что не Россия виновата в ваших бедах, а тот общий гнет административно-промышленной машины, который оказался для всех для нас пострашней монгольского ига и который и Россию тоже унизил и разграбил так, что она едва дышит (Ну прямо речи подпевалы эстонских врагов социализма! Неужели известному русскому человеку было не понять, что сама помянутая выше „административно-промышленная машина“ в СССР вовсе не с Луны упала, что она плоть от плоти народная? Другое дело, что совладать с нею после Сталина уже было совсем некому; как говорится, ума, образования не хватило. — *Авт.*). Нет нужды в подробных разъяснениях, но мы просили бы вас: жить нам вместе или не жить, но не ведите по отношению к нам себя высокомерно, не держите зла на того, кто его, право же, не заслужил (А как знать, может, и заслужил. Почему? А потому, что перестал соответствовать взятым ранее на себя обязательствам, что струсил и дезертировал, что спрятался от решения ключевых задач построения коммунистического общества, подменив их поиском „частного счастья.“ — *Авт.*). А лучше всего вместе было бы нам поправлять положение. Для этого сейчас, кажется, есть все возможности (Странные речи, ведь уже очевидно, что дело идет к драматической развязке, что вопрос лишь в том, как она и с какими жертвами случится. — *Авт.*)».

Но не все готовы были отступать и сдаваться на милость националистов, впрочем, не до конца смело и честно. Например, депутат Яровой В. И., директор производственного объединения «Государственный союзный завод „Двигатель“ им. В. И. Ленина», г. Таллин: «Уважаемые товарищи депутаты! Уважаемый президиум! Напутствуя нас на съезд, избиратели вручили нам мандат доверия и одновременно возложили ответственность за выработку программы действий по выходу из той сложной экономической и политической ситуации, в которой оказалась наша страна в результате длительного периода застоя (На деле лишь периода предательства стратегических целей коммунизма, состоявших в воспитании *морального человека*. — *Авт.*). Многие выступающие предлагали свои модели выхода из этой ситуации, причем каждый депутат строил свою модель в соответствии со своим видением концепции перестройки (Во-во, „у каждого — своя правда“. — *Авт.*). Одни видят выход из сложившегося положения в радикальной экономической реформе, другие видят корень зла в существующем бюрократическом аппарате. Третьи во главу угла ставят суверенитет республик. Все это важные, злободневные вопросы, которые требуют решения. Но я не был бы до конца честным и принципиальным, если бы от имени своих избирателей не заострил внимание депутатов на положении в нашем общем доме — Союзе Советских Социалистических Республик, на необходимости уберечь его от возможного раскола на отдельные, обособленные национальные государства. Тогда реализация любых предлагаемых моделей будет невозможна. Меня могут спросить: существует ли такая опасность? Не драматизирую ли я ситуацию? Нет, товарищи. Смею вас заверить, что так думают мои избиратели — трудящиеся крупных объединений и предприятий, входящих в Объединенный совет трудовых коллективов Эстонии, председателем президиума которого я избран. Давайте посмотрим, как стремительно падает давление на политическом барометре страны. Появляются все новые регионы, обстановка в которых накалена и нестабильна. То тут, то там вспыхивают конфликты, в основном на национальной почве. Все громче и стройнее звучит хор голосов, выдвигающих центру ультимативное требование по пересмотру государственного устройства страны, союзного договора, Конституции СССР и других законодательных актов, регулирующих отношения между республиками и Союзом ССР. Даже на нашем съезде

представитель Литвы пытался организовать демарш при обсуждении вопроса о выборах Верховного Совета СССР. Используя перестройку как щит, путая демократию с демагогией, все более неприкрыто и дерзко действуют многочисленные группировки и организации экстремистского толка. Объединившись под знаменами национально-освободительного движения, они, по существу беспрепятственно, ведут массированную обработку коренного населения, стремясь посеять недоверие людей к существующему строю, к партии, правительству, внушить неприязнь к иноязычному населению. А от кого или от чего они хотят освободиться? От диктата центральных ведомств и отраслевых министерств? Или от части собственного народа, говорящего на другом языке? Принимаемые республиканские законодательные акты и ход событий говорят в пользу последнего. Не довольствуясь успехами в своей республике, новоявленные миссионеры ведут активную пропаганду своих взглядов и устремлений во многих регионах страны. Ведут ее здесь, на съезде, ведут в гостинице, ведут на улицах города Москвы. Мощное давление оказывается на партийные и государственные органы, Верховный Совет республики, что заставляет последних идти на уступки даже там, где необходимо проявить твердость. В свою очередь, постоянная уступчивость руководящего эшелона, потеря инициативы привели к тому, что перестройка в Эстонии превратилась в улицу с односторонним движением, где не оказалось места большинству неэстонской части населения, которая не поддерживает культ приоритета наций. Все более противоправный характер стала носить законотворческая деятельность. Первый раз республика нарушила Конституцию СССР в части статьи 74 еще 16 ноября прошлого года, когда сессия Верховного Совета Эстонской ССР приняла известные поправки к Конституции и Декларацию о суверенитете (Интересно получается, а что же тогда в помянутом выше ноябре не была выражена демонстрациями протеста воля неэстонского населения мятежной республики; может быть, тогда бы и союзная власть откликнулась более активными и строгими мерами? — *Авт.*). Президиум Верховного Совета Союза ССР признал их недействующими, дав тем самым отрицательную оценку подобным действиям. Было бы логичным, если бы руководство республики настояло на отмене антиконституционных статей, но этого не произошло. Решение Президиума было лишь принято к сведению. Возник

правовой конфликт между союзной республикой и союзным государством, не разрешенный по сей день (Но тогда, по-взрослому говоря, следовало бы ставить на съезде вопрос о недееспособности руководителя союзного государства, а не разводить попусту жалобы. — *Авт.*). Более того, 18 мая с. г. этот конфликт был усугублен, когда на сессии Верховного Совета Эстонии приняли Закон об основах хозрасчета Эстонской ССР, базирующийся на вышеназванных поправках и продвинувшийся еще дальше по пути отрицания Конституции Советского Союза и блокирующий на территории республики действие союзного КЗОТа, Закона СССР о госпредприятии и ряда других законодательных актов. Создалась парадоксальная ситуация, когда мы, граждане Советского Союза, не знаем, по каким законам живем (Так почему же вы молчали и не требовали замены всесоюзного популиста на дееспособного руководителя страны? — *Авт.*). Можно ли в таких условиях серьезно говорить о стремлении к правовому государству, что постоянно декларируется, когда правительству республики надо принять то или иное решение (Почему же вы, товарищ депутат, со своими избирателями не выходили уже тогда на демонстрации протеста против названной вами же обманной политики, чего вы так боялись? — *Авт.*). Можем ли мы всерьез верить в заверения руководства о социалистическом характере проводимых преобразований, о стремлении к развитию и укреплению социалистической федерации, если на глазах происходит обратное: рвутся связи творческих союзов, общественных организаций и добровольных обществ Эстонии со своими центральными органами, возникают альтернативные структуры (Опять непонятно, неужели надо было ждать и думать, что враг социализма вдруг одумается сам собою и перестанет-таки безобразничать; складывается даже впечатление, что сие говорилось тогда лишь для видимости отпора нечестивцам, а вовсе не взаправду. — *Авт.*)? В республике прекратила существование пионерская организация, на грани роспуска комсомол, упорно муссируется вопрос об автономизации Компартии Эстонии. А посмотрите, как быстро перестроились средства массовой информации. Среди населения с завидным размахом ведется пропаганда и восхваление мелкобуржуазных ценностей, одновременно у людей воспитывается презрение (Презрение не воспитывается, оно насаждается или прививается. — *Авт.*) ко всему советскому. Примеры, разжигающие антисоветские, антирусские

настроения, можно привести. Вот вам для примера публикация Херберга Вайну от 30 мая, буквально во время работы съезда, в газете Таллинского горкома партии „Вечерний Таллинн“. Цитирую: „Если Сталин (его национальность не имеет значения) заменил ленинский план федерации унитарной русской центральной властью и если русский народ позволил ему сделать и провозгласить себя во всем Советском Союзе уникальным и великим, то это значит, что в глазах малых народов ответственность за искаженную сталинскую национальную политику ложится не только на сталинский режим и режим стагнаций, но и на русскую нацию. Это может не нравиться, но это факт. И если на нас, коммунистов, как на членов правящей партии, ложится ответственность за преступления сталинщины и топтание на месте в застойный период, независимо от того, какова была наша личная роль, то русские коммунисты несут двойную ответственность за искаженную сталинскую национальную политику“ (Странное ощущение от процитированного высказывания Херберга Вайну. Почему? Да, видимо, потому, что он в целом был прав; другое дело, что исходная ленинская линия на самоопределение наций была очевидно ошибочной, ведь она самой своей сутью прямо разжигала мелкобуржуазную стихию и была изначально непримиримым противником всякого социалистического строительства. — *Авт.*). Подобных статей за полтора года можно найти сколько угодно. Постоянно проводится мысль о том, что вступление Эстонии в Советский Союз — это акт насилия, оккупация, принесшая горе эстонскому народу, который сегодня мог бы жить лучше, чем соседняя Финляндия. Вот почему некоторые идеологи Народного фронта так упорно добиваются у Москвы признания как утративших силу с момента подписания пакта Молотова — Риббентропа от 23 августа 1939 года и секретных протоколов к нему. Нет, не ради восстановления исторической правды проявляется такая настойчивость, а с целью возврата республике состояния 1939 года. И если раньше об этом говорилось шепотом, в уютных кафе, в тишине творческих мастерских, то теперь заявляется громогласно, так, чтобы услышал весь мир. 14 мая сего года так называемая Балтийская ассамблея, состоявшаяся в Таллине с участием руководителей Народных фронтов Литвы, Латвии, Эстонии, окончательно развеяла миф об истинных целях этих движений. И хотя в одной из резолюций, обращенных к Михаилу Сергеевичу Горбачеву, ему

даются заверения в приверженности курсу перестройки, выражается поддержка советскому руководителю, но главная мысль заложена в другом документе. Цитирую: „Балтийская ассамблея выражает стремление своих наций к государственному суверенитету в нейтральной и демилитаризованной Балтоскандии“ (Так ведь обращаться с этим к депутатам без проекта соответствующего и принципиального решения бессмысленно будет; неужели сие тогда неясно было? Видимо, опять старое: чуть что действительно серьезное, так сразу и в кусты, что ли? — *Авт.*). Товарищи, для чего я это все говорю (а и действительно, для чего же? — *Авт.*)? Прежде всего для того, чтобы каждый из присутствующих в зале депутатов ощутил реальную угрозу нашей федерации, понял, что в лице тех, кто мечтает о возврате к временам буржуазной республики, мы имеем серьезную, хорошо организованную силу, которая способна на крайние шаги для достижения своих целей (Ну что же, ощутили и даже поняли, а дальше-то что, товарищ дорогой? Ты, наверное, по-простецки думал, что сокрушительную резолюцию за тебя другие депутаты съезда формулировать должны были? — *Авт.*). Кстати отмечу, что среди нас присутствуют около 60 народных депутатов, которые участвовали в работе Балтийской ассамблеи и голосовали за ее решения (Ну вот, только на политический донос и способны! Грустно сие. — *Авт.*). О том, как развиваются события в Прибалтике, хорошо известно в Центральном Комитете КПСС и в Президиуме Верховного Совета (Ну и что из этого, ведь по сути своей это же обвинение в саботаже, впрочем, трусливо неназванное своим именем. — *Авт.*). Однако многочисленные обращения трудовых коллективов, первичных партийных организаций, отдельных граждан, выражающих тревогу и озабоченность будущим Эстонии, остаются без внимания (Тем более следовало бы немедленно заявить недоверие главе перестройки, очевидно направлявшего тогда всю страну к ее же гибели. — *Авт.*). Создается впечатление, что спасение утопающих предоставлено самим утопающим (Неверный образ, так как налицо очевидно согласованные по факту бездействия, с одной стороны, Горбачева М. С. и его ближайших сателлитов, с другой — планомерного наступления всех националистов СССР, направленные прямо на уничтожение СССР. — *Авт.*). Можно ли считать правильной такую позицию, помня печальный опыт Сумгаита, Нагорного Карабаха, а теперь Тбилиси и Ферганы (Ну не надо только прикиды-

ваться простачком, товарищ депутат, ведь вполне очевидное не требует перепроверки, а значит, надо было все-таки набраться смелости и назвать изменников Родины из числа руководителей СССР по именам, в противном случае все сказанное вами с трибуны съезда напоминает лишь речи еще социально незрелого человека, которого еще следует водить по жизни за руку. — *Авт.*)? Ввиду ограниченности времени выступления я не имею возможности изложить все факты, материалы и документы, подтверждающие обоснованность нашей тревоги за судьбу Советского государства. Поэтому я передаю материалы в президиум и одновременно вношу следующие предложения съезду. Первое. Уже на этом съезде разработать и принять Декларацию об основных принципах и этапах укрепления советской социалистической федерации, для чего образовать специальную комиссию из числа депутатов, представляющие все союзные и автономные республики, края и области и включающую ведущих советских ученых, специалистов в области государства и права (Опять все на чужие и специально выделенные для того плечи перекладывать будем? Ну, прямо-таки барство какое-то! Или, может быть, это полная неуверенность в собственной же политической позиции? — *Авт.*). Второе. Поручить Верховному Совету Союза ССР разработать и вынести на всенародное обсуждение проект Закона СССР о федерации одновременно с текстом изменений и дополнений к Конституции — Основному Закону. В законопроекте считаю целесообразным предусмотреть положение, способствующее выравниванию условий, прав и реальных возможностей республик, включая РСФСР, обеспечивающих динамичное, всестороннее развитие регионов пропорционально их экономическому потенциалу и численности населения. Четко зафиксировать правовой статус национальных меньшинств, проживающих не в своих национально-территориальных образованиях (Эх, мил человек, да поздно сие затевать-то. Почему? А потому, что все тобою же вышесказанное свидетельствует о том; то есть враг, образно говоря, уже занес топор над всем Отечеством нашим, а мы писать закон собрались о недопустимости в нем же условий, способствующих возможности для разбоя по национальному признаку. — *Авт.*). Третье. Ускорить разработку законопроектов СССР по гражданству, вопросам разграничения полномочий Союза ССР и союзных республик, краев и областей, свободного развития и равноправного ис-

пользования языков народов СССР. Новому составу Верховного Совета обеспечить опережающую разработку правовых актов общесоюзного значения, дающих возможность обсуждения и согласования их со всеми союзными, автономными республиками, краями, областями еще на стадии проработки (Все это пустое. Почему? Да потому, что раз сам разговор пошел в этом направлении, то, как ни крути, все равно пришлось бы советским республикам расстаться; в этом смысле операция „перестройка“ была, конечно же, предрешена, так как советская власть изначально не озаботилась серьезно воспитанием подлинно советских отношений, которые только и могли бы противостоять возникновению широких националистических настроений как настроений сугубо буржуазных. — *Авт.*)... Я считаю и своим долгом, и по требованию моих избирателей восстановить справедливость в связи с одним из выступлений депутатов группы от Эстонии. Это было 27 мая, когда я пытался выйти на эту трибуну. Тогда прозвучала голословная, бездоказательная критика в адрес академика Густава Наана и газеты „Правда“. По этому поводу в наш адрес хлынул поток обращений наших избирателей, возмущенных этим выступлением и содержащимся в нем тезисом о конфронтации как норме отношений. Да, это отчасти правда. У нас действительно нет прямых столкновений, нет погромов, нет беженцев, нет танков, бронетранспортеров и черных беретов. Но есть реальное противостояние, есть растущая отчужденность, недоверие между двумя большими группами населения. У нас созданы забастовочные комитеты, которые требуют выхода из состава Советского Союза. И все чаще раздаются у нас голоса о создании административно-территориальной единицы на северо-востоке Эстонии, где компактно проживает большинство неэстонской части населения. Неужели мы должны к этому стремиться (А вы как думали? Если боялись решать вопрос принципиально, то только на это и могли уповать! — *Авт.*)? И это другая сторона правды, о которой выступающий умолчал. Впрочем, он умолчал и о том, как на самом деле сочетается конфронтация с уважением к Густаву Наану, человеку, одному из немногих, позволившему себе представить научно-обоснованную позицию по демографической ситуации, опровергающую измышления по поводу гибели эстонской нации. Не найдя аргументов для опровержения Наана, местная печать как по команде начала настоящую травлю академика, создавая вокруг него ореол врага эстон-

ской нации. Реакция не замедлила последовать. На академика буквально обрушились многочисленные телефонные звонки, письма, угрозы и оскорбления. Поэтому я с этой трибуны высказываю несогласие с выступлением одного из наших депутатов и выступаю в защиту эстонца академика Густава Наана (Вот истинный человек, как говорится, „с большой буквы“, не испугался поставить собственную судьбу в защиту правды. — *Авт.*)... Товарищи депутаты! Я вышел на трибуну с одной лишь только целью. Она заключалась в том, что к голосу моих избирателей, голосу большинства трудящихся, голосу большинства рабочего класса, который работает на предприятиях, входящих в Объединенный совет трудовых коллективов, в республике не прислушиваются, не хотели, чтобы сегодня голос моих избирателей прозвучал с этой трибуны (Неужели это так важно было тогда, когда погибельный для Советского Союза процесс уже шел, как говорится, полным ходом. — *Авт.*). Владимир Ильич Ленин писал, что необходимо издание общегосударственного закона, в силу которого любое мероприятие, дающее в чем бы то ни было привилегии одной из наций, нарушающее равноправие наций или права национального меньшинства, объявляется незаконным и недействительным, любой гражданин государства вправе требовать отмены такого мероприятия как противоконституционного и уголовного наказания тех, кто стал проводить его в жизнь (Мило, конечно, но и только сие будет. Почему? Да хотя бы потому, что отдаст подобное предложение неким утопизмом; иначе говоря, никто не сможет и не будет контролировать эти „национальные“ весы всерьез. — *Авт.*). Сегодня, стремясь устранить перекосы в национальной политике, которые были допущены в периоды сталинизма и застоя по отношению к союзным республикам, мы сразу, даже раньше положенного, допустили перекосы в межнациональных отношениях внутри самой республики, внутри региона, так как не учли изменившуюся демографическую ситуацию, структуру населения. А здесь уже не один человек, а десятки тысяч избирателей, более ста тысяч, которые работают на предприятиях, входят в СТК. А если взять их семьи — то сотни тысяч. А с этим, наверное, уже надо считаться (На самом деле, все и всегда решает качество, а не количество; поэтому если эти названные выше сотни тысяч граждан были бы активны и последовательны до конца, то тогда и результат сего поведения, например, для судьбы СССР, возможно, смог

бы сказаться и в пользу его сохранения. — *Авт.*)... Обращение ветеранов Вооруженных Сил Советского Союза города Таллина к съезду народных депутатов: „Уважаемые народные депутаты! Трудно передать бесправное, бедственное и унижительное положение, в котором находятся в Эстонской ССР сотни семей уволенных в запас ветеранов Вооруженных Сил. Нас годами не обеспечивают жильем, лишают права прописки по избранному месту жительства вопреки существующим союзным и республиканским законодательным актам. Наши обращения во все инстанции местных органов власти с требованием соблюдения законности в обеспечении нас жильем оказались безрезультатными. Вынуждены отметить, что не дали результатов и жалобы, направленные в Президиум Верховного Совета СССР 4 января и 18 апреля 1989 года и в Прокуратуру Союза ССР 28 марта 1989 года. Они возвращены в республиканские органы. По нашему мнению, такой способ решения проблем только способствует республиканским органам власти игнорировать союзные законодательные акты, укоренившиеся в практике Эстонской ССР, равно как права и нужды ветеранов Вооруженных Сил. В этих условиях ветераны Вооруженных Сил, посвятившие жизнь делу защиты Родины, оказались на склоне лет без угла и крыши над головой, без социальных прав и защиты. Мы считаем, что не заслуживаем такого отношения к себе. Ветераны Вооруженных Сил всецело поддерживают перестройку, проводимую КПСС и советским народом, и в силу своих возможностей принимают участие в процессах обновления общества. В то же время мы убеждены — чем чаще будут допускаться нарушения действующих законов, тем труднее и с большими потерями будет идти наше общество по пути перестройки... По поручению Общего собрания ветеранов города Таллина от 27 мая председатель Совета ветеранов капитан первого ранга Рацис и секретарь капитан Феливович“ (Ну вот, перед нами еще одно печальное свидетельство интеллектуальной беспомощности и известной духовной незрелости многих и многих советских людей позднего СССР, отлившихся в позорный исторический феномен измены делу многих и многих поколений людей всей Земли, посвятивших свою жизнь священной борьбе за установление разумного, справедливого и честного строя жизни. — *Авт.*)».

Теперь вновь посмотрим на действия противной стороны. В данном случае они уже носят глубоко продуманный характер, бук-

важно заставляющий всякого русского говорить начистоту или по высшему — духовному счету. Впрочем, как говорится, ближе к тексту. Депутат Прунскене К. Д. П., ректор Института повышения квалификации специалистов народного хозяйства при Совете Министров Литовской ССР: «Многолетняя практика частичных экономических реформ убедительно доказала их несостоятельность в условиях сверхцентрализованного управления хозяйством великой державы, какой стал Союз. Оздоровление этого гигантского экономического организма, его выведение из застоя или даже преодоление спада становятся невыполнимыми при старых методах дистанционного управления из отдаленного великодержавного центра, каким бы сильным и даже мудрым он ни был (Вот интересно, а что же такое вдруг случилось, что уже стало никак невыполнимо, неужели „луна упала на землю“? С другой стороны, разве чье-либо неумение управлять должно обязательно означать, что в том повинна сама вверенная ему лично система? Может быть, все дело в том, что перед нею ее же существенные противники стали нарочно ставить неразумные цели и задачи? — *Авт.*). В прибалтийской концепции экономической реформы заложен принцип локализации решения проблем, перенос его на тот уровень, где происходят хозяйственные и социальные процессы, где имеется реальная информация и эти процессы осуществляют заинтересованные люди (Вот оно — главное: „заинтересованные люди“, вот где весь расчет; но в чем же сии энергичные люди были заинтересованы? Они, видимо, изначально были заинтересованы стать господами; желали стать владельцами больших материальных ресурсов, наличных средств производства; страстно хотели стать работодателями и подчинить себе лично других людей в качестве наемной рабочей силы. — *Авт.*). Экономическую самостоятельность республик мы рассматриваем как первоначальное и необходимое условие для перестройки управления экономикой, как отдельных республик, так и Союза в целом (Иначе говоря, они хотели обрести самостоятельность материальную, предоставив Союзу статус координационного или диспетчерского центра — центра информационных услуг. — *Авт.*). Необходимость этого определяется целым рядом обстоятельств. Первое. Децентрализация и демократизация экономики может происходить только во всех ее разрезах, это невозможно осуществить выборочно, то есть стремиться к самостоятельности предприятий и оставлять бес-

правными республики в целом, их местные Советы. Иначе теряется и смысл призыва — всю власть Советам (Молодец, барышня! Как она ловко выпячивает частное под лозунгом целого; другими словами, ей мало предоставляемой экономической самостоятельности субъектам хозяйственной деятельности, ей нужны также и все политические возможности для осуществления всех чаяний людей ее круга, людей с очевидным душком материальной наживы и культом вседозволенности. — *Авт.*). Второе. Так называемое единство народно-хозяйственного комплекса, осуществляемого по воле центра и через него — результаты эти всем известны, — необходимо заменить прямыми связями между республиками, и прежде всего их предприятиями (Опять то же самое: даешь свободу от подчинения кому бы то ни было, и все тут! — *Авт.*). Ничто так не объединяет народы и их хозяйства, как рынок (То есть вместо осознанного планирования и развития самих основ жизни человека даешь стихию рынка, которая сама все и управит? — *Авт.*). Третье. Развитие экономики любой республики и региона должно учитывать принцип регионализма, то есть столетние традиции хозяйственного мышления и мотивации действий конкретного народа, характер его взаимодействия со специфической социальной и природной средой (То есть ничего нового нам не надо, мы намерены действовать по милой нам же старинке; иначе говоря, пошли все вон из нашей республики. — *Авт.*). Игнорирование этого, попытка изыскивать и принимать унифицированные решения в центре приносят всем народам Союза огромный, ничем не возмещаемый ущерб, вырывают естественные корни развития и участия в международном разделении труда со своим собственным, неповторимым вкладом (Опять старое: ах, оставьте нас в покое, мы ведь уникальны, а значит, ваши центральные замашки нас очень ранят. — *Авт.*). Не это ли привело и к отмиранию Арала, и многим другим экологическим катастрофам (Да, это так, особенно, если сие творили люди, занявшие ответственные государственные посты, как говорится, не по праву, ну, например, как М. С. Горбачев. — *Авт.*). Четвертое. Перестройка может быть осуществима только заинтересованным человеком, а не просто рабочей силой предприятия или ведомства (снова использование слабости людей к лести, опять расчет на корысть. — *Авт.*). В производственных коллективах эта заинтересованность односторонняя, она не охватывает экологическую, социально-демографиче-

скую, культурную, национальную стороны жизни, которые могут и должны регулироваться в рамках социально обозримой территориальной общности (Опять попытка выделиться и обособиться, а зачем? А затем, чтобы добиться-таки вождельенной местечковости, в которой легко будет править по-своему и, конечно, главным образом в пользу „лучших“ людей нации; и потом, говорим о широте подхода для себя, а союзному центру в том же легко отказываем. — *Авт.*). Таковыми являются небольшие республики, способные стать хозяином своей жизни и ответственно направить развитие экономики в пользу человека, народа республики и Союза в целом (Во как, оказывается, сие выделение и обособление еще и общей радостью сможет стать? — *Авт.*). Пятое. Перестройка идет неравномерно как по отдельным республикам, так и по регионам. Неодинакова и готовность перейти на самоуправление. Эта неравномерность естественна, и ее нельзя не признать. Мы это ощущаем и на съезде (Да, действительно, не все были готовы тогда к предательству, кто-то еще оставался верным идеалам справедливости и честности. — *Авт.*). Искусственное сдерживание процессов социально-политической активности и хозяйственной предприимчивости ведет к недоиспользованию внутреннего потенциала республик и регионов и ничего не дает, кроме ущерба, как для каждого, так и для всего Союза (Какая трепетная забота о каждом, и даже обо всем Союзе в целом; на самом деле опять „сладенькая“ конфетка для маскировки вполне хищного устремления к ликвидации СССР в интересах жажды личной поживы от его остатков. — *Авт.*). Единым шагом можно идти только в сторону пропасти, а выпутываться из рутины застоя возможно, лишь развязав инициативу (Вот молодец женщина! Все знает, даже то, что единым шагом люди ходят только в пропасть; зато уже насчет выпутывания и развязывания вполне себе дока будет, прямо мудрый змей какой-то! — *Авт.*). Шестое. Право республик на самостоятельное ведение хозяйства естественно, как и право народа или человека на существование и самоопределение (Да вы, госпожа Прунскене, видно уже давно самоопределились; ваши цели ясны и понятны; поэтому не надо только делать это напористо еще и за других. — *Авт.*). Фактическое отсутствие прав в сфере экономики, да и не только в ней, вопрос о возвращении этих прав есть, по нашему мнению, самый больной и неотложный вопрос (Снова то же, ну не может не давить и не требовать сия барышня совсем,

ведь ничего иного для нее и не существует вовсе. — *Авт.*) Если даже и не затрагивать тех специфических обстоятельств, которые связаны со сделками Сталина и Гитлера по отношению к Прибалтике (А как насчет заплатить за освобождение Прибалтики от гитлеровской оккупации? Не слабо станет тогда, ведь рынок на то и рынок, что за все следует платить, и платить строго по цене продавца предоставленной услуги? — *Авт.*) Если обходить эти права, то и сама демократизация, идея о правовом государстве и Союзе становятся спекулятивными (А разве это не так? Разве сии лозунги не есть чистая спекуляция? — *Авт.*) И наконец, для привлечения людей к вложению своего труда и средств в индивидуальное крестьянское хозяйство — даже в малоперспективную в Прибалтике аренду, приобретение акций, другим формам демонаполизации экономики требуются защищенность прав людей и предприятий, гарантии и доверие по отношению к законам (То есть только частная собственность на землю и средства производства годна в данном случае будет? — *Авт.*) Восстановить потерянное доверие к законам и власти на уровне республик намного легче, чем в масштабах Союза (Значит, вы, госпожа Прунскене, только там, где легче всего? — *Авт.*) Сегодня литовский крестьянин уже готов поверить своим депутатам, но доверится ли он голосованию съезда (Иначе говоря, лично вы, госпожа Прунскене, с трудящимися Литвы уже обо всем договорились, а об остальном вам печься и не резон вовсе выходит? — *Авт.*) Это большой вопрос (Другими словами, переговоры уже в сущности закончились? — *Авт.*) Пока и мы не сможем его убеждать не кривя душой, ибо то, что само собой понятно для большинства людей Прибалтики, еще непонятно или неприемлемо для многих депутатов съезда из других республик (Ага, не все, далеко не все решились тогда также легко как депутаты из Прибалтики пуститься в погоню за прелестями капиталистической жизни. — *Авт.*) Но может ли быть неправильным или нерационально эмоциональным весь литовский, эстонский или любой другой народ (А германский, когда он радостно бросился почти весь в объятия Гитлера? — *Авт.*)? И кто может взять на себя миссию оценки этого (Да всякий вполне образованный человек, способный честно и ответственно думать о целом во имя блага его? И потом, если это невозможно в принципе, то о чем вы тут сами, мадам, рассуждаете? — *Авт.*)? Коротко о самом содержании экономической самостоятельности, изложен-

ной в представленном съезде проекте закона, который уже вручен депутатам. Замечу: закон разработан на основе целостной концепции. Если применять или изымать лишь отдельные части, то механизм просто не будет работать (А если сама исходная концепция ущербна будет, то что тогда следует делать? — *Авт.*). По проекту к ведению республик отнесено принятие законодательных актов по регулированию экономики республики; владению, использованию и распоряжению государственной собственностью республики, а это означает децентрализацию самой государственной собственности (Очень хорошо, но ведь сие есть план выхода республики из состава Союза, не так ли? — *Авт.*). Республика становится полноправным хозяином своей земли, недр, леса и прочих ресурсов, созданных не только за годы Советской власти, и тем самым они наконец приобретают заинтересованного хозяина (Во как, литовцы жили, оказывается, без заинтересованного хозяина, а теперь вдруг счастье им какое великое привалило — хозяин заинтересованный сильно в литовском добре нашелся! — *Авт.*). Органы государственной власти республик осуществляют государственное регулирование всех сфер, включая денежно-кредитную и финансовую систему, формирование госбюджета республики и местных бюджетов, внешнеэкономическую деятельность, определение основ оплаты труда, пенсий, стипендий, порядка ценообразования, принципов хозяйственной деятельности предприятий, равных для всех секторов, включая кооперативный, пороки которого порождены как раз самой экономикой и отсутствием нормального рынка (Что ж, рынок это, конечно, привлекательно, только где гарантия, что, например, Литву на нем ждали совсем уж радужные перспективы? — *Авт.*). Один из аргументов со стороны центра и других противников идеи самостоятельной республики состоит в опасении, что региональные различия могут усиливаться. Мне кажется, что лучше жить по-разному хорошо, чем всем одинаково плохо (Это если по-разному хорошо, а если все-таки нет? Другими словами, может ведь вполне стать, что кто-то начнет „жировать“, а кто-то и концы с концами не сможет сводить. — *Авт.*). Уравниловку мы уже испытали, она сдерживает не только более развитых, но и содействует продолжению расслабленности отстающих (Да, если человек предоставлен сам себе, если с ним нет подлинной мировоззренческой работы со стороны власти, он вполне может превращаться в нечто печальное, в том

числе и для самого себя же; но это вовсе не означает, что только конкуренция, только ужас банкротства или безработицы должен руководить людьми. — *Авт.*) Многие депутаты из Прибалтики, мягко говоря, удивлены неоднократными высказываниями товарища Рыжкова, вызывающими недружелюбие по отношению к нам со стороны других республик. Нам якобы были созданы более выгодные условия, и мы, пользуясь дешевым сырьем, присваиваем конечный продукт, имеем большую выгоду (Но ведь в случае „развода“ или выхода из Союза Литва очевидно получает большую выгоду из того, так как удельный вес остающихся там и построенных при участии других республик СССР производственные мощности, инфраструктура дают ей таки известное преимущество. — *Авт.*) По недостоверным ценовым оценкам, Литве „приговаривается“ минусовое сальдо межреспубликанского товарного обмена. Стало быть, мы становимся иждивенцами (в какой-то части такое вполне могло и быть. — *Авт.*) Я не могу поверить, что премьер-министру не известно реальное положение дел о том, кто в конечном счете присваивает значительную прибыль промышленности (Это, конечно, справедливое замечание, но ведь у других республик в пользу центра тогда также были огромные изъятия получаемых ими средств, как говорится, „на мировую революцию“, а значит, премьер-министр все-таки вряд ли ошибался. — *Авт.*) Ведь около 95 процентов отчислений от прибыли предприятий союзного подчинения аккумулируется центром. Крайне невыгодные цены на сельскохозяйственную продукцию, почти половина которой в обязательном порядке поставляется Литвой в союзные фонды. Разве не парадоксально, что рост поставок в союзный фонд ведет к увеличению долгов республик союзной казне, которые уже приближаются к миллиардной величине (Конечно, сие не может не удручать, но разве это уже и приговор всему социалистическому способу хозяйствования, ведь умысел на подобные действия центра докладчиком никак не рассмотрен и не понят? — *Авт.*)? Производили бы меньше, долгов бы не было (Опять на поверку одна лишь местечковая философия „в сухом осадке“ выходит; изначально обвинительный уклон, так как ценности социализма и вовсе не интересуют представителя Литвы. — *Авт.*) Ведь не нами, а самим центром, кабинетным способом устанавливаются цены, госзаказы, лимиты и прочие инструменты экономического властвования (Опять „песня“ о злоде-

ях из центра, коих оттуда ничем не выбить, а значит, имеется лишь одна возможность борьбы с ними — возможность ликвидации уже самого центра. — *Авт.*) Если, скажем, Литва из-за необоснованных цен недоплачивает Узбекистану или Таджикистану за хлопков, то при экономической самостоятельности соглашения будут приниматься по взаимовыгодным ценам. И к никакой замкнутости хозяйства, которой так опасаются некоторые руководители, это не может привести, а лишь к корректировке нерациональных, порою уродливых, центром навязанных структур и связей. Интеграция, наконец, приобретет естественную основу (Да, глупо спорить с очевидным преимуществом предлагаемого, но ведь это вновь одна лишь „местечковость“ образуется, так как ничего кроме национально-корпоративной корысти и не видно из этого во все, тогда как подлинная реальность имеет еще и иные — глобальные задачи, уклонение от участия в решении которых все равно рано или поздно, так или иначе, приведет частную точку зрения на хозяйствование к краху; иначе говоря, не понимать ту истину, что человек шире своего желудка и запросов собственного брэнного тела может лишь простак, либо намеренно маскирующийся под него враг человеческий; а кроме того, так любезный литовцам капитализм — это еще и масса паразитов-посредников. — *Авт.*) Мы отдаем себе отчет в том, что в условиях дефицита потребуется определенное время для создания действенного межреспубликанского рынка, при котором отпадет необходимость прямого вторжения государства в торговые сделки между предприятиями. В нашей концепции предусмотрено на переходный период поддержание сложившихся межреспубликанских связей. Их намечено осуществлять через взаимовыгодные соглашения и договоры между отдельными республиками, а также ими и союзным аппаратом, представляя при этом часть особых интересов производителей и потребителей в виде сводного заказа и предложения республик для эквивалентного обмена. При переходе всех республик и регионов на самоуправление значительно ускорится и процесс становления самостоятельных, самофинансирующихся предприятий, взаимодействующих на рынке Союза (Было гладко на бумаге, да забыли про овраги, то есть если бы кроме задач самого межреспубликанского рынка на свете ничего более и не было, то тогда, может быть, из предлагаемого что-нибудь и получилось бы; но в части социального развития, в части социального обеспечения из-

вестный рынок никак не способен будет помочь, а значит, идея рынка ради блага рынка явно „хромала“ и не могла стать реальностью, а значит, могла лишь выступить в роли „тарана“ — разрушителя социализма. — *Авт.*) Хозяйственная самостоятельность республики никак не сочетается ни с действующим, ни с предлагаемым Совмином СССР принципом формирования госбюджета Союза (Ну вот, вам же говорят, что затея сия объективно ведет лишь к кончине СССР. — *Авт.*). Взаимоотношения должны быть построены так: бюджет республики — бюджет Союза, ибо Союз объединяет не хозяйственные предприятия, а суверенные республики (Вот-вот, захотят — и Союзу не быть, вы этого добиваетесь, госпожа Прунскене? — *Авт.*). Они вправе знать и совместно определять, какой бюджет требуется, как мы его формируем, сколько и на что тратим, в том числе и на холостой ход бюрократического аппарата ведомств, сверхнужды Вооруженных Сил, освоение космоса и прочее (То есть будем диктовать из „местечка“ центру, как и что ему делать во имя целого? — *Авт.*). Бедствие людей обязывает нас стать разумно бережливыми и решать вопросы бюджета — как Союза, так и республик — по воле людей (Ну, во-первых, трудности это еще не бедствия, а во-вторых, разумная бережливость на самом деле не есть ли замаскированная алчность неких „народных“ представителей, которые спят и видят себя хозяевами новой жизни? — *Авт.*). Народ моей республики, как и многие другие народы, способен к творческому созиданию, трудолюбив и нацелен на лучшую жизнь (Да, видимо, это так, только вот что есть „лучшая жизнь“? Богатство или все-таки развитие в человеке человеческого? — *Авт.*). Он не хочет присваивать чужого труда, жить на подачках из центра (То есть он совсем не нуждается ни в каком центре, так что ли? — *Авт.*). Да и откуда центр это берет? Мы настаиваем на всеобщности принципа: лучше работая, иметь право и лучше (то есть богаче? — *Авт.*) жить. Это не исключительное, а всеобщее право каждого народа. Непризнание этого по отношению к людям Литвы или любой другой республики — это отступление от самого святого, что есть у человека и у народа, — права на свободное самоопределение (Интересно, а что же тогда есть несвободное самоопределение? И потом, выходит так, что для людей из Литвы святое — это лишь „свободное самоопределение“; но разве это хорошо будет, разве торжество „самости“ не есть величайший грех всякого челове-

ка? — *Авт.*) Мы посмели высказать инициативу преобразования Союза из надреспубликанского, республикуправляющего сильно-го центра, в содружество суверенных республик с ими формируемым, их интересы представляющим межреспубликанским аппаратом (Так ведь нигде и никогда „хвост кобылой не управляет“, а значит, голова или центр, как главенствующее начало, все равно неминуем; и никакое тело, само по себе, не сможет формулировать голове что и как ей думать; да, конечно, голова обречена учитывать насущные потребности всех членов организма, но все равно не они будут учить ее думать. — *Авт.*). Это относится и к экономическим взаимоотношениям в Союзе. Мудрость и демократизирующая, перестроечная сила центра может оцениваться по тому, сможет ли он сам перешагнуть через эгоистические интересы самосохранения и содействовать процессу демократизации или же намерен продолжать по традиции решать за большие и малые народы их судьбы и даже мелкие хозяйственные дела (Что ж, если так, то, конечно, следует подчеркнуть, что ответственный центр никоим образом не устранился от решения насущных задач управления; другое дело, что он не станет и потакать, например, вредным привычкам, станет понуждать находящиеся в его власти члены к созидательной совместной работе во имя ценностей человеческого развития. — *Авт.*). С этим связан смысл и так называемой прибалтийской проблемы, которая даже по ходу съезда неизбежно переходит во всеобщую проблему построения Союза и его перспективы. Пока ни в докладе товарища Рыжкова, ни в действиях правительства мы не видим сдвигов в сторону конструктивных решений вопроса о признании экономической самостоятельности, а говорится об увеличении лишь некоторых прав республик, народ которых выразил в этом отношении свою твердую волю (Интересно: где, когда и с помощью чего сие было вполне твердо установлено? — *Авт.*). Развязку проблемы нельзя откладывать даже до осени (но почему же? — *Авт.*). Народ не может долго быть в политическом напряжении (Так вы бы сами и не нагнетали его дополнительно! — *Авт.*), которое накаляется из-за медлительности и помех со стороны центра, действующего под эгидой защиты завоеваний социализма и интернационализма (Интересно получается, если действуешь „под эгидой завоеваний социализма...“ то и плох тогда, что ли? — *Авт.*). Мы заявляем, что хозяйственные модели, разработанные прибалтийскими республиками,

очень близки к высказываниям московских ученых (ну и что из этого? — *Авт.*), и социализма в них куда больше (Ну если только совсем „местечкового“, который на практике, конечно же, приводит лишь к реставрации капитализма. — *Авт.*), чем мы сегодня имеем. Прибалтийские республики готовы взять на себя ответственность — а она в первую очередь требуется именно перед собственным народом, а не великодержавным центром (Ну где уж вам, ведь вы о величии своего „местечка“ и не мечтаете вовсе! — *Авт.*) — и стать, если хотите, экспериментальными („провокативными“ было бы гораздо уместнее. — *Авт.*), поворачивая экономику на естественный здравый путь развития (Не всякое естество человека сохраняет, бывает так, что как бы „умное“ и убивает! — *Авт.*). Другого выхода для нас просто нет, мне кажется, нет его и у центра (Ну если „кажется“, то креститься надо; впрочем, на этот раз ваш план, госпожа Прунскене, к сожалению, вполне удался. — *Авт.*)».

Анализируя изложенное выше, невольно и приходишь к тому печальному выводу, что народные депутаты СССР в целом оказались явно не на высоте своего положения. Почему так? А потому, что они фактически и, видимо, многие помимо собственного желания поддержали в главном горькие идеи пражской Декларации 1944 года, провозглашенной тогда мрачно известным всему миру генералом Андреем Власовым. В ней им были сформулированы тезисы о России без большевиков, о России рыночной, о России капиталистической. В результате работы съезда народных депутатов СССР в 1989 году как раз и возникли ключевые идеи и предложения, смыслом своим вполне совпавших с главными лозунгами генерала Власова. Кстати, флаг нынешней России вполне совпадает с флагом генерала Власова. Поэтому-то и выходит, что съезд 1989 года — это, объективно говоря, съезд *духовных наследников* известного изменника Советской Родины. Таков уж выходит строгий вывод из того, что происходило в Москве в мае — июне 1989 года, в столице первого в мире социалистического государства. Впрочем, кто-то, вероятно, скажет, что полноте, господин писатель, не надо нас агитировать в пользу социализма и коммунизма, мы там уже бывали и ничего путного не нашли! И в самом деле: неужели еще непонятно, что народу нужен внятный материальный достаток, а как он родимый получен, ему это совсем даже безразлично. То есть если народный достаток рождает капита-

лизм, так даешь нам капитализм! Но, во-первых, народ никогда не исчерпывал свою жизнь материальными условиями жизни. Во-вторых, он желает так или иначе себя уважать, а значит, желает быть причастным к чему-то значительному и, если хотите, вечному. Поэтому говорить, что ключевые идеи социализма и коммунизма ему чужды, совсем не приходится. Иначе говоря, не стал бы народ России строить социализм, если бы его душа не нашла в нем нечто родное. С другой стороны, мы ведь все еще помним последние годы советской власти. В это время при откровенном попустительстве сверху стали доминировать тенденции стяжания лишь личного блага явно в противовес заботе об общем, народном благе. Не случайно Андропов Ю. В., став Генеральным секретарем ЦК КПСС, пытался призвать страну к порядку. Впрочем, задолго до Андропова такие выдающиеся советские мыслители, как ученый и писатель Ефремов И. А., публицист Александр Фетисов и многие другие в своих работах задолго до печальной перестройки Горбачева предупреждали власти о подмене лозунгов развития на лозунги одной лишь его имитации. В частности, выставление во главу лозунга оценки труда по его результату, конечно же, вели к отчуждению труженика от самого труда, порождая «цунами» приписок и многочисленных подлогов. Поэтому, возвращаясь к съезду, следует дополнительно сказать еще следующее. Если национализм выступил в роли явного врага СССР, то частнособственнические (иждивенческие) мотивы весьма и весьма поспособствовали ему предварительно. Так, депутат Назаров И. А., первый секретарь Русско-Полянского райкома КПСС, Омская область, п. Русская поляна, фактически подтвердил с трибуны съезда означенное подозрение: «Товарищи! Меня избиратели просили передать также свою обеспокоенность по поводу ухудшения трудовой, общественной дисциплины в стране, сворачивания антиалкогольной политики. У некоторых людей слова „дисциплина“, „порядок“, „организованность“ ассоциируются почему-то со словом „сталинизм“ (И действительно, выходит, что только при Сталине в стране были и дисциплина, и порядок, и организованность. — *Авт.*). Это заблуждение, причем непонятное. Ведь любому цивилизованному обществу присуща организованность, сознательная дисциплина, а иначе недалеко и до анархии. Процесс демократии в стране необратим, но этот процесс должен сопровождаться организованностью и порядком (А если сама наличная

демократия имеет неразумное лицо, то что же тогда с ней делать? — Авт.). Те люди, у которых слово „дисциплина“ вызывает аллергию, видимо, не бывают в трудовых коллективах, не видят разболтанность и безответственность, которые царят во многих местах. И на сегодняшний день расхожим стал лозунг о том, что мы не умеем работать. Нет, мы работать умеем! Но мы уже не хотим хорошо работать (Но ведь это уже форменный саботаж! А против кого или чего? Неужели специально самим себе же во вред? Да, сегодня следует признать, что людей тогда намеренно и последовательно довели до этого края, внушая им ту простую мысль, что социализм изжил сам себя полностью, а значит, должен быть сметен самой историей! — Авт.)). Другими словами, советским людям враги социализма дружно, как по чьей-то команде, стали внушать ту незатейливую мысль, что их, кроме личной выгоды, ничего всерьез не может интересовать, а значит, даешь мотивы для труда лишь во имя себя любимого. Стремительно пришли и стали вдруг доминировать лозунги, что ничего кроме личного счастья для человека нет и быть-то совсем не может. А вместо общественных интересов срочно были предложены интересы строго корпоративные. Иначе говоря, в стране вдруг возобладавала «местечковая» психология. Кто-то, вероятно, скажет, что, мол, это всего лишь естественная реакция на длительное принуждение в пользу общественного, и ничего более. Да, с одной стороны, это так, но с другой — уже и не так выходит. К примеру, вдуваемся в слова депутата Емельянова А. М., заведующего кафедрой экономики сельского хозяйства МГУ имени М. В. Ломоносова: «Самое главное, пожалуй, в том, что мы (Интересно бы знать, а кто эти „мы“, как говорится, поименно? — Авт.) за последние годы, за четыре года перестройки очень мало продвинулись в решении основного вопроса — в формировании политической системы, политического механизма, который по-настоящему делал бы народ хозяином страны (Ага, под разговоры о „хозяине страны“ собрались сами стать ее владельцами? — Авт.). А ясно, что если бы народ был хозяином, то мы (опять они. — Авт.) не оказались бы никогда в нынешнем положении. И сейчас, к сожалению, тенденция такова, что чем дальше идешь от народа снизу кверху, тем больше проявляется гашение демократических принципов. Это, собственно, и понятно. Наша перестройка (инициаторы перестройки, Политбюро об этом заявили давно в своих документах)

является революцией, а любая революция есть коренное изменение власти, есть борьба за власть (Интересно выходит, оказывается, Политбюро, имея изначально всю власть, начало революцию во имя этой самой власти? Нет, не революция это выходит, на самом деле — это контрреволюция сверху получается; во имя чего? Во имя неудержимого личного обогащения ее же инициаторов! — *Авт.*). Но история учит нас, что никогда правящий класс, никогда правящая элита власть добровольно, с энтузиазмом не отдавали (Интересно, а о каком таком классе речь, неужели это речь о рабочем классе, ведь капиталистического класса еще вроде бы и не было, во всяком случае при советской власти? — *Авт.*). И наши (Опять непонятно, а кто именно эти „наши“? — *Авт.*) четыре года перестройки являются наглядным тому подтверждением». Что же еще предложил стране сей странный и лукавый оратор? «Живучесть административно-бюрократической системы и аппарата во многом подпитывается существованием социальных привилегий в распределении материальных и духовных благ... Я предлагаю в резолюции нашего съезда записать категорическое безальтернативное решение о ликвидации этих привилегий как принцип... Сейчас часто подчеркивают, что сама партия является гарантом необратимости перестройки. Позвольте усомниться в этом положении. Партия у нас была всегда, и тем не менее мы подошли к нынешнему состоянию. Строго говоря, не сам народ пришел к нынешней кризисной ситуации. Он пришел, ведомый партией, зачастую вынужденно реализуя ее курс. И с этим мы должны считаться, если мы трезво оцениваем прошлое, извлекаем уроки для настоящего и для будущего. Однопартийная система предполагает и однопартийную ответственность. Мы сделали уже немалые шаги в формировании нового политического механизма. Что надо сделать дополнительно? Первый вопрос. Разграничение функций государственной и партийной власти, отсюда — совмещение должностей... И если сейчас нам необходимо временно такое совмещение (а я понимаю, почему, потому что власть передать от партии народу — процесс очень тяжелый, длительный), то мы не должны это временное совмещение выдавать за принцип социализма. Мы должны зафиксировать это в документах съезда и каждый раз возвращаться к решению данного вопроса... Но что касается совмещения партийной и государственной власти на нижестоящих звеньях, то нам надо твердо закрепить в решениях съезда недопусти-

мость такого совмещения, иначе будет еще больше непредвиденная монополизация власти... Избиратели ставят проблему: что вы, депутаты, можете сделать? Почти все вы коммунисты, ЦК примет решение, и вы должны будете голосовать по Уставу партии, и вся наша воля народная погаснет. Почти на всех встречах повторяется такой вопрос. Я думаю, это идет от прежних представлений, когда партия безраздельно держала власть. А народ, по сути, был лишен ее. Но теперь положение резко меняется в связи с переходом власти Советам. Народ выше партии. Наш съезд выше съезда партии. Верховный Совет выше Центрального Комитета партии, Конституция выше Устава партии. Партия функционирует в рамках Конституции, разработанной представителями народа. И это определяет наши приоритеты. Прежде всего каждый из нас депутат, а потом уже член партии. Такое соотношение партийных и народных органов должно найти отражение в Конституции СССР, Уставе партии, в документах нашего съезда». Вот такие речи, вот такой наказ! Что здесь привлекает внимание прежде всего? Последовательность в проведении антипартийной линии. Все годится, все хорошо, что ослабляет роль и значение коммунистической партии, что представляет ее чужеродной по отношению к народу. А вы говорите, все случилось стихийно. Как бы не так! Наоборот, все делалось со смыслом, планомерно и как бы во имя народного блага.

И вот наступил черед и конкретных ультимативных действий со стороны главных погубителей СССР. В частности, вполне себе открыто выступил депутат Гудайтис Р. В., писатель, литературный консультант Союза писателей Литовской ССР, г. Вильнюс: «Предложение не создавать Комитет конституционного надзора вами, уважаемые депутаты, будет, наверное, встречено как обструкция или попытка затормозить заранее намеченный сценарий окончания съезда. И все же, выражая волю своих избирателей и граждан Литвы, скажу: поспешно создаваемый комитет непременно станет инструментом давления на национальное возрождение союзных республик, прессом над их суверенитетом. Не успокоит нас и высокая юридическая квалификация председателя и членов комитета, в том числе авторитетного, уважаемого нами литовского специалиста Стачекаса, при апологетике центризма унитарного государства, сохраняющего важнейшие особенности сталинской имперской модели. Успокойте нас и скажите, что Комитет консти-

туционного надзора СССР не станет „правовым“ гарантом тем силам, которые хотят обуздать национальные проблемы железной перчаткой. Успокойте нас и скажите, что Комитет не выступит против создания новых демократических конституций в республиках, не будет оспаривать права наций на свою землю и, главное, на их самоопределение. Никакая внешняя сила не вправе вмешиваться в конституционное положение той или иной республики, никакая инстанция не может поставить себя выше интересов народа моей Литвы, тем более приостанавливать действия законов суверенной республики, в частности, недавно принятые поправки к Конституции Литовской ССР (кстати, принятые, как говорится, незаконно или против положений Конституции СССР. — *Авт.*). Для пробы мы могли бы предложить поправку к 125-й статье Конституции СССР: „Комитет конституционного надзора избирается из числа специалистов права в составе 15 председателей и 15 членов комитета от каждой союзной республики. Руководство осуществляется по принципу строгой очередности. В случае, если ограничивается суверенитет союзной республики, она обладает правом вето (Ну прямо ООН получается, а не союзное государство. — *Авт.*)“.

Пусть это послужит материалом для размышления на будущее, а сегодняшняя формулировка для нас неприемлема (Ну вот, и конец пришел подленькой игры в демократию и перестройку. — *Авт.*). Подавляющее большинство литовской делегации, а также большая группа депутатов от Латвии и Эстонии обращается к съезду со следующим заявлением: „Имея в виду, что: первое — съезд выявил конституционный кризис в виде внутренних противоречий Основного Закона времен застоя и необходимость создания новой Конституции СССР, а не надзора над соблюдением устарелой (Опять уловки: с одной стороны, пространные философские рассуждения о застое, противоречиях и устарелости, с другой — попытка принятия необоснованного юридического решения. — *Авт.*); второе — самого закона о конституционном надзоре в СССР еще нет; третье — полномочия Комитета конституционного надзора СССР, как они представлены в Конституции с соответствующими дополнениями, допускают ущемление этим органом суверенных прав союзных республик (а иначе зачем он тогда и вообще нужен? — *Авт.*); четвертое — население Латвии, Литвы и Эстонии уже прошлой осенью коллективными протестами, собравшими около 4 миллионов подписей, выразило неодобрение

последним недемократическим поправкам и дополнениям к Конституции СССР (А разве сбор сих подписей был законен? — *Авт.*); пятое — и теперь избиратели наказали нас заботу о суверенитете наших республик — считаем выборы Комитета конституционного надзора СССР нецелесообразным и не будем принимать в них участие“ (Во молодцы какие, они, видишь ли, озабочены и считают сие нецелесообразным, и даже не будут участвовать; вот оно подлинное нутро „цивилизованного“ национализма. — *Авт.*)). То есть в данном случае мы видим, что представители Прибалтики попросту перешли к открытой конфронтации с СССР, прикрываясь тезисом В. И. Ленина о самоопределении народов. Сие печальное дело и завершило по существу собой и сам Первый съезд народных депутатов СССР, которые так и не поняли, что сам этот съезд совсем скоро постигнет судьба канувшего в небытие задолго до него Учредительного собрания, которое также в упоении полемикой так и не осознало собственной роли и скорбной участи. И как бы подтверждая сие предположение, в самом конце работы съезда его главные действующие лица Горбачев М. С. и Лукьянов А. И. предприняли шаги по отмене Указа от 8 апреля 1989 года. Горбачев М. С.: «Я прошу товарища Лукьянова сформулировать наше предложение по обсуждаемому вопросу, который исходит от всех депутатов». Лукьянов А. И.: «Товарищи! Мы тщательно изучали в Президиуме Верховного Совета накануне съезда вопрос об Указе от 8 апреля (речь шла об Указе о дополнительных мерах по борьбе с политическим экстремизмом. — *Авт.*). Президиум Верховного Совета считает, что в статье 7 этого Указа можно было бы указать, сказать прямо, что караются по уголовному закону публичные призывы к насильственному свержению общественного и государственного строя, установленного нашей Конституцией. Президиум Верховного Совета, тщательно изучив вопрос о статье 11*, считает возможным предложить съезду отменить эту статью (что и было радостно сделано. — *Авт.*) и одновременно, если потребуется такой состав в будущем (Конечно же потребуется! Другое дело, что потом будет уже поздно. — *Авт.*), он будет рассмотрен при утверждении, — а это, видимо, будет утверждаться съездом (ну это уже вряд ли. — *Авт.*), — Основ уголовного законодательства и Закона о государственных преступлениях. (Аплодисменты.)» Как мы видим, беспечность самого съезда оказалась беспрецедентной. Другими словами, депутаты так и не поняли,

что второму съезду не быть! Что все катастрофическое уже произошло прямо и непосредственно на заседаниях Первого съезда, и теперь остается лишь ждать горьких плодов его или скоропалительной кончины самого СССР. Послужит ли рассказ об этом будущему России? Как знать о том, но надеяться все же надо, если нам дорога наша Родина, если мы не собираемся переменять Отечество свое.

Часть вторая

Строптивая Россия в одеждах Учредительного собрания.

*История попытки мирного устройства
не русской по духу России*

Здравствуй, дорогой читатель! Вновь автор настоящей книги пытается продолжить изыскание подлинной (объективной) истории. И снова дело это он пробует совершать по принципу работы только с достоверными документами. Причем они опять же должны относиться к категории «судьбоносных». Почему и зачем сие? Видимо затем, что только так возможно будет удержаться в русле объективности, а значит, только такой подход, скорее всего, и даст искомый результат. В данном разделе книги будет рассмотрен стенографический отчет первого и единственного дня занятий Всероссийского Учредительного собрания (репринтное воспроизведение издания 1918 года, Киев: Абрис, 1991), состоявшегося 5–6 января 1918 года. Кроме того, автор намерен использовать фрагменты комментария к названному выше тексту кандидата исторических наук В. Ф. Верстюка, опубликованного также в упомянутом выше издании, и 3-томный труд Н. Н. Суханова «Записки о революции», созданный им в 1921 году (М.: Республика, 1992). Но начнем по порядку. Во-первых, почему все-таки Учредительное собрание? В нем, как и в Первом съезде народных депутатов СССР, сошлись ключевые или базовые смыслы всей внецерковной истории России. Другими словами, само Всероссийское Учредительное собрание как самая вожделенная и самая долгожданная

мечта-идея многих поколений светски ориентированных русских людей и явилось, в конце концов, разоблачительным финалом для всех страстных искателей славного бытия человека без Бога. Впрочем, это пока лишь голое уверение автора данной книги, и не более того. Во-вторых, на примере разбора сего важного исторического события автор желает извлечь фундаментальный урок для всего круга своих читателей. Но какой именно урок? А такой, например, чтобы впредь уже никому не повядно было искать блага на путях плохо разбираемых смыслов, которые лишь кажутся многим из нас спасительными и которые все равно неумолимо ведут всех нас, так или иначе, рано или поздно *только* к катастрофе! Иначе говоря, строптивый нрав хорош, может быть, в бою, но совсем плох уже после него, в мирной жизни.

Сначала всего заявленного исследования рассмотрим фрагмент статьи В. Ф. Верстюка «Неудавшийся пролог к демократическому обществу»: «Впервые в России о возможности созыва Учредительного собрания во второй половине XIX в. заговорил теоретик анархизма М. Бакунин, исключительными правами оно наделялось в программах народовольцев. В 1903 году на II съезде РСДРП идея созыва Учредительного собрания была внесена в партийную программу-минимум; в следующем году — в проект эсеровской программы. После Февральской революции лозунг о созыве Учредительного собрания был одобрен в политических кругах общества. Он содержался в манифестах и декларациях всех политических партий. Образованное 2 марта правительство России назвало себя временным по той лишь причине, что видело свою задачу в том, чтобы довести страну до созыва Учредительного собрания. Во всяком случае, так оно заявило. Текст присяги членов правительства гласил: „Клянусь принять все меры для созыва в возможно кратчайший срок, на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования, Учредительного собрания, передать в руки его всю полноту власти, мною совместно с другими членами правительства временно осуществляемой, и преклониться перед выраженной сим собранием народною волею об образе правления и Основных законах Российского государства“». Интересно все-таки знать, а если великое собрание вдруг возжелало бы сохранить в России самодержавную форму правления, то члены Временного правительства «преклонились» бы перед таким решением? Видно, что члены Временного правительства подобной «слав-

ной» клятвой изначально пытались лишь скрыть собственное нечестие, хотели, как говорится, «под шумок» навязать стране свою смутную волю, свое превратное миропонимание. Почему же так? Да потому, что иное дало бы, скорей всего, и внятный (не позорный) результат. Кстати, цитируя статью Верстюка далее, мы можем увидеть и подтверждение выдвинутому до того предположению: «Управляющий делами Временного правительства В. Набоков впоследствии откровенно вспоминал: „Наивные люди могли теоретически представлять себе это собрание и роль его в таком виде: собралось бы оно, выработало бы основной закон, разрешило вопрос о форме правления, назначило бы правительство и облекло его всею полнотою власти для окончания войны, а затем разошлось бы... Это можно себе представить, но кто поверит, что так в самом деле могло случиться? Если бы до Учредит. собрания удержалась какая-нибудь власть, то созыв его был бы несомненно началом анархии“». Но почему вдруг так-то? Почему именно анархии? Видимо, В. Набоков с самого начала знал и глубоко понимал, что участники подобного могучего вече ни до чего основополагающего и вполне устойчивого во времени никогда не смогут договориться между собою. Но почему же вдруг так мрачно? Неужели интеллигенция российская была так слаба и так своенравна? Далее В. Набоков говорит уже такое: «Если бы Вр. правительство чувствовало подлинную, реальную силу, оно могло сразу объявить, что созыв Учредит. собрания произойдет по окончании войны, и это, конечно, по существу было бы единственно правильным решением вопроса, после того как отказ Михаила Александровича сделал необходимой постановку вопроса о форме правления. Но Вр. правительство не чувствовало реальной силы. Ибо с первых же дней его существования началась та борьба, в которой на одной стороне стояли все благоразумные и умеренные, но (увы!) робкие, неорганизованные, привыкшие лишь повиноваться, неспособные властвовать элементы общества, а на другой — организованные *gascality*, со своими тупыми, фанатическими, а порою бесчестными вожаками». Вопрос: а разве на самом деле благоразумные лица позволяют управлять собой «бесчестным вожакам»? Видимо В. Набоков и сам страдал своего рода раздвоением сознания, так как странно полагал возможным управление тупых вожаков благоразумными людьми. Иначе говоря, слабые и покорные личности — это еще не благоразумные лица, тогда как в

сознании Набокова эти смыслы почему-то сошлись в одно. Тогда как вождь мирового пролетариата В. И. Ленин (13 декабря 1917 года газета «Правда» опубликовала ленинские «Тезисы об Учредительном собрании») считал, что «интересы революции стоят выше формальных прав Учредительного собрания». Единственным шансом последнего Ленин считал «безоговорочное заявление... о признании советской власти, советской революции, ее политики... решительное присоединение Учредительного собрания к стану противников кадетско-калединской контрреволюции». Вне этих условий, подчеркивал Ленин, кризис в связи с проведением Учредительного собрания может быть решен только революционным путем, т. е. дал недвусмысленно понять, что в случае выступления Учредительного собрания против советской власти оно будет разогнано. То есть мы видим, что и Ленин наряду с Набоковым также не воспринимал Учредительное собрание как нечто серьезное и фундаментальное, предполагая в нем лишь одну возможность, с одной стороны, для завершения прихода большевиков к власти, с другой — для смуты или для торжества интересов буржуазии. И как бы подтверждая сказанное выше, Н. Н. Суханов говорит в своих записках следующее: «В своем месте я отмечал, что, собственно, не большевистской партии в целом приходилось помалкивать об Учредительном собрании, а просто ее глава, Ленин, помалкивал о нем и не раскрывал карт в пределах большевистской партии. Ленин конспирировал от партии, а партия, не связав концы с концами, принимала Учредительное собрание за чистую монету и распинаясь за него. Так было вначале... Но неужели так могло продолжаться до сих пор (речь об октябре 1917 года. — *Авт.*)? Что же это за азиатское вероломство вождя? Что же это за безграничная невинность партийного „офицерства“? Конечно, и того и другого здесь было в значительной дозе. Но этим дело не исчерпывалось. Дело было в том, что Ленин, дав первоначального пинка Учредительному собранию, а затем решив дипломатически помолчать о нем, скоро пришел к идее использовать его. Задумано — сделано. Учредительное собрание стало прикрывать „власть Советов“. Ленин не только не помалкивал, но кричал вместе с партией. В своем центральном органе он писал о том, „как обеспечить успех Учредительного собрания“. Его ближайшие друзья в официальных выступлениях сделали его исходным пунктом своей политики: „Если власть перейдет к Со-

там, судьба Учредительного собрания будет в надежных руках; если буржуазия сорвет переход власти к Советам, она сорвет и Учредительное собрание“. Так, агитируя, уверяла большевистская партия на столбцах своего „Рабочего пути“ (3 октября)... Но ведь были же на свете люди, которые не могли не помнить о пинке Ленина парламентарной республике и Учредительному собранию? Как же быть с этим теперь, перед началом боевых действий? Очень просто: „Ленин был против Учредительного собрания и за республику Советов“, — утверждают наши противники. Утверждение явно неверное. Никогда Ленин не был „против“ Учредительного собрания. Вместе со всей нашей партией он с первых же месяцев разоблачал Временное правительство за оттяжки Учредительного собрания. Что эти наши обвинения были правильны, доказано теперь жизнью... Вот и все. Так разъяснял „Рабочий путь“. Ну а как же все-таки с новой теорией государственного права? Ведь нельзя же без конца рассчитывать на то, что все готовые идти за большевиками должны быть доверчивы, как младенцы, недалководны, как бараны, невежественны, как папуасы. Ведь надо же было иметь какую-нибудь „теорию“, которая соединяла бы несоединимое, прикрывала тайны дипломатии, замазывала зияющую логическую пустоту. Конечно! И такая теория была создана — отнюдь не с большими трудностями, чем были опровергнуты злостные выдумки о позиции Ленина. „Республика Советов, — гласит эта теория, — отнюдь не исключает Учредительного собрания, как и обратно, республика Учредительного собрания не исключает существования Советов. Если нашей революции не суждено погибнуть, если ей суждено победить, то мы увидим на практике комбинированный тип республики Советов и Учредительного собрания...“ Вот и все. Эта статья в „Рабочем пути“ (4 октября) не подписана скромным автором. Но... о, доблестный Зиновьев! Мне кажется, я за тысячи верст узнаю твою несравненную смелость мысли, твое прославленное мужество при защите трудных позиций!.. Правда, кроме центральной газеты у партии большевиков имелся в те времена еще *проект программы*. В нем нельзя было найти признаков „комбинированного типа“; там была налицо именно советская *рабоче-крестьянская диктатура*, исключаящая буржуазно-парламентарное Учредительное собрание. Но это неважно. Всякий понимает, что одно дело — теоретический документ для самих себя, а другое — практическая идея для

всеобщего употребления. И вероломство пастыря, и невинность овец во всем этом налицо. Но мы видим, что и то и другое вопреки нашему первоначальному впечатлению тут имеет совсем не грубо примитивный, а, напротив, весьма квалифицированный характер. Как видим, речь тут идет не о каком-нибудь сравнительно мелком и приватном обмане, направленном в упор против своих друзей и соратников. И речь идет не о простой ребячьей готовности быть обманутыми. Тут обман имеет массовый всеобщий характер, общегосударственный масштаб. Известно, что массовое убийство в государственном масштабе есть не какое-либо предосудительное действие, а есть доблесть и подвиг. Обман в таких случаях носит название дипломатии, или тактики, или политики. Для субъекта обмана он должен рассматриваться в аспекте — *suī generis* (специфической, своеобразной) — государственной мудрости. А для объектов — в аспекте идейной сплоченности и партийной дисциплины, тоже *suī generis*». Обдумывая последний вполне яркий текст, невольно задаешься вопросом: а мог ли Ленин и его партия быть подлинным союзником меньшевиков, меньшевиков-интернационалистов и правых эсеров? Вот как об этом рассуждает в своих записках тот же Н. Н. Суханов: «Для нас, интернационалистов, вопрос ставился совсем не в этой плоскости. Не в том дело, что нельзя ликвидировать большевиков, ибо это — сам народ, творящий новую жизнь. Дело в том, что пролетариат, солдатчина и крестьянские низы, возглавляемые большевистской партией, находясь по *ту сторону* существующей „государственности“, идут теперь с оружием в руках против всего старого мира, чтобы на свой страх и риск сровнять с землей всю созданную веками государственность и вырвать с корнем тысячелетний буржуазный строй. Силами одной своей партии пролетарского авангарда, окруженного миллионами случайных и ненадежных попутчиков, они хотят создать новое невиданное пролетарское государство и новый невиданный социально-экономический строй. Они хотят сделать это в нашей разоренной, полудикой, мелкобуржуазной, хозяйственно распыленной стране. Они хотят сделать это против организованных мелкобуржуазных элементов, против единого буржуазного фронта, поставив окончательно крест на едином фронте демократии (А возможен ли он в принципе, ведь мелкий буржуа непременно станет стремиться стать крупным, а значит, он обязательно войдет в конфликт с интересами рабоче-крестьян-

ского государства? — *Авт.*) Это роковая ошибка. Это неправильно поставленная задача, это гибельная программа и тактика революции. Новая революция была допустима, восстание было законно, ликвидация существующей власти была необходима. Но все это было так *при условии единого демократического фронта...* Это означало борьбу с оружием в руках *только* против крупного капитала и империализма. Это означало *только* ликвидацию политического и экономического господства буржуазии и помещиков. Это *не означало* окончательного разрушения старого государства буржуазии и помещиков. Это *не означало* окончательного разрушения старого государства и отказа от его наследства. Это *не означало* ликвидации экономических и социальных основ всего старого общества. Это означало правомочное участие мелкобуржуазных, *меньшевистско-эсеровских* групп в строительстве нового государства вместе с пролетариатом и крестьянством. Они все были *безусловно необходимыми* элементами новой государственности, возникающей на развалинах государства эксплуататорского меньшинства. И это было единственно правильной постановкой проблемы в условиях нашей революции (Видимо, сии речи, с которыми был ознакомлен в 1921 году В. И. Ленин, и послужили аргументом в пользу проведения НЭПа. — *Авт.*) Для этого был необходим единый фронт, теснейший союз революционных низов с мелкобуржуазной серединой. Достигнуть его было крайне трудно, если только вообще возможно. Меньшевики и эсеры действительно были опорой реакции и крепко прилепились к кадетам и корниловцам. И они не вмещали, не принимали, не понимали насущных задач революции. Оторвать их от полукорниловщины Зимнего дворца (Временного правительства. — *Авт.*) и толкнуть их к другому лагерю, чтобы туда прилепились эти промежуточные группы, было крайне трудно, если возможно. Но иного выхода не было. Такова была объективная конъюнктура. И в том-то и состояла бы настоящая мудрость пролетарской революционной партии, чтобы всей своей политикой обеспечить единый фронт, притянуть к союзу мелкобуржуазные группы, без которых нельзя было вывести на правильный путь революцию и основать на прочном базисе новое рабоче-крестьянское государство в нашей мелкобуржуазной стране. При правильном понимании задач, при правильной оценке конъюнктуры, при надлежащей мудрости пролетарской партии это трудное дело было возможно. Направив к *этой*

всю политику, можно было обеспечить этот союз — если не убедив в его необходимости, то вынудив его силой. Но руководители большевистской партии были чужды и враждебны всему сказанному. Они *неправильно* ставили основную задачу революции. И они всегда вели не политику союза, а противоположную политику разрыва, раскола и взаимной изоляции (Но ведь иное неизбежно вернет старое государство! Иначе говоря, если революция в России совершалась лишь в пользу расцвета буржуазных порядков, то тогда требования Суханова, конечно, справедливы, в противном случае следовало бы говорить о создании нового, может быть даже праведного человека, общественное доминирование которого вполне решило бы вопросы мелкобуржуазной стихии. — *Авт.*)». А думали ли в свою очередь оппоненты большевиков о собственном грядущем подчинении решениям провозглашенного ими Учредительного собрания? Вот как отвечает на это Суханов: «Керенский, совершенно так же, как и Корнилов, поставил себе целью введение буржуазной диктатуры (хотя, как и Корнилов, он не понимал этого). Две эти „математические точки“ спорили между собой за то, кому быть носителем этой диктатуры. Один представлял биржу, капитал и ренту; другой — то же самое плюс еще в большей степени промежуточные группы: группы мелкого, демократического „промысла“, интеллигенции, „третьего элемента“, наемных верхов отечественной промышленности и торговли. Ни тот ни другой — ни Корнилов, ни Керенский — не могли самостоятельно справиться с делом водворения буржуазной „государственности и порядка“ на место революции. Тот и другой нуждались друг в друге: такова была еще не растраченная сила народных масс. Спорящие стороны были вынуждены к *союзу*, но оставались спорящими сторонами. Каждый стремился использовать другого для своих *собственных* целей, диктуемых интересами своих классов и выражаемых устами их лидеров в Ставке и в Зимнем дворце. Корнилов стремился к чистой диктатуре биржевого капитала и ренты, но должен был принять Керенского как *заложника* демократии. Керенский стремился создать диктатуру блока крупной и мелкой буржуазии, но должен был уплатить тяжелую дань союзнику как *обладателю реальной силы*. И каждый был за то, чтобы у призового столба оказаться фактически и формально хозяином положения. Отсюда все „взаимоотношения“ двух союзников-врагов, иногда странные, нелепые и непонятные. Отсюда все „неяс-

ности“ этого довольно грязного, но не темного дела». Другими словами, не могли противники большевиков искренно стремиться к созыву Учредительного собрания ради него самого как чего-то уж очень самоценного, так как оно фактически не могло гарантировать им удовлетворение всех их интересов и чаяний, а значит, они, как и большевики, были попросту обречены использовать символ Учредительного собрания в качестве особого средства политической борьбы, и только в неблагоприятных для себя лично условиях.

Откроем текст стенографического отчета Всероссийского Учредительного собрания, первого и единственного дня его занятий (5–6 января 1918 года). После вступительного слова старейшего члена Учредительного собрания (в дальнейшем УС) социалиста-революционера Сергея Петровича Швецова на кафедре взошел Свердлов (фракция большевиков, председатель ЦИК). Он сразу же сформулировал перед депутатами УС своего рода ультиматум: «Центральный Комитет (партии большевиков. — *Авт.*) выражает надежду, что Учредительное собрание, поскольку оно правильно выражает интересы народа, присоединится к декларации, которую я буду иметь честь сейчас огласить от имени ЦИК.

1) Россия объявляется Республикой Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов. Вся власть в центре и на местах принадлежит этим Советам.

2) Советская Российская Республика учреждается на основе свободного союза свободных наций, как федерация советских национальных республик.

Ставя своей основной задачей уничтожение всякой эксплуатации человека человеком, полное устранение деления общества на классы, беспощадное подавление эксплуататоров, установление социалистической организации общества и победу социализма во всех странах, Учредительное собрание постановляет далее:

1) В осуществление социализации земли частная собственность на землю отменяется и весь земельный фонд объявляется общенародным достоянием и передается трудящимся без всякого выкупа, на началах уравнительного землепользования. Все леса, недра и

воды общегосударственного значения, а равно и весь живой и мертвый инвентарь, все поместья и с.-хоз. предприятия объявляются национальным достоянием.

2) Подтверждается советский закон о рабочем контроле и о Высшем Совете Народного Хозяйства в целях обеспечения власти трудящихся над эксплуататорами как первый шаг к полному переходу фабрик, заводов, рудников, железных дорог и прочих средств производства и транспорта в собственность советской Рабоче-Крестьянской Республики.

3) Подтверждается переход всех банков в собственность рабоче-крестьянского государства как одно из условий освобождения трудящихся масс из-под ига капитала.

4) В целях уничтожения паразитических слоев общества и организации хозяйства вводится всеобщая трудовая повинность.

5) В интересах обеспечения всей полноты власти за трудящимися массами и устранения всякой возможности восстановления власти эксплуататоров, декретируется вооружение трудящихся, образование социалистической красной армии рабочих и крестьян и полное разоружение имущих классов.

Выражая непреклонную решимость вырвать человечество из когтей финансового капитала и империализма, заливших землю кровью в настоящей, преступнейшей из всех войн, Учредительное собрание всецело присоединяется к проводимой советской властью политике разрыва тайных договоров, организации самого широкого братания с рабочими и крестьянами воюющих ныне между собой армий и достижения, во что бы то ни стало, революционными мерами демократического мира между народами без аннексий и контрибуций, на основе свободного самоопределения наций.

В тех же целях Учредительное собрание настаивает на полном разрыве с варварской политикой буржуазной цивилизации, строившей благосостояние эксплуататоров, в немногих избранных нациях, на порабощении сотен миллионов трудящегося населения в Азии, в колониях вообще и в малых странах.

Учредительное собрание приветствует политику Совета Народных Комиссаров, провозгласившего полную независимость Финляндии, начавшего вывод войск из Персии, объявившего свободу самоопределения Армении.

Как первый удар международному банковому и финансовому капиталу Учредительное собрание рассматривает советский закон об аннулировании (уничтожении) займов, заключенных правительствами царя, помещиков и буржуазии, выражая уверенность, что советская власть пойдет твердо по этому пути вплоть до полной победы международного рабочего восстания против ига капитала.

Будучи выбрано на основе партийных списков, составленных до Октябрьской революции, когда народ еще не мог всей массой восстать против эксплуататоров, не знал всей силы их сопротивления при отстаивании ими своих классовых привилегий, не взялся еще практически за создание социалистического общества, Учредительное собрание считало бы в корне неправильным, даже с формальной точки зрения, противопоставить себя советской власти.

По существу Учредительное собрание полагает, что теперь, в момент решительной борьбы народа с его эксплуататорами, эксплуататорам не может быть места ни в одном из органов власти. Власть должна принадлежать целиком и исключительно трудящимся массам и их полномочному представительству — Советам Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов.

Поддерживая советскую власть и декреты Совета Народных Комиссаров, Учредительное собрание признает, что его задачи исчерпываются общей разработкой коренных оснований социалистического переустройства общества.

Вместе с тем, стремясь создать действительно свободный и добровольный, а следовательно, тем более полный и прочный союз трудящихся классов всех наций России, Учредительное собрание ограничивается установлением коренных начал федерации советских республик России, предоставляя рабочим и крестьянам каждой нации принять самостоятельно решение на своем собственном полномочном советском съезде: желают ли они и на каких основаниях участвовать в федеральном правительстве и в остальных федеральных советских учреждениях...»

Как мы видим, большевики, вычеркнув интеллигенцию из понятия трудящихся масс, автоматически вычеркнули и всех своих оппонентов по классу интеллектуальной деятельности, продемонстрировав тем самым всему миру свой строптивный нрав. Иначе говоря, они свели всю правду жизни лишь к собственному

восприятию ее. Впрочем, ранее в России абсолютно господствовала иная интеллигентская точка зрения, что раз люди не равны от рождения, то не надо и хлопотать о слабых, понимая их сугубо в качестве неудачников, которые должны лишь покорно сносить несправедливое к себе отношение со стороны ловких и удачливых по причине их таковой способности и соответствующего ей праву сильного. Кроме этого, мы видим еще, что большевики изначально признавали национальную специфику народов России как исключительно внеклассовую особенность. Сие странное обособление от действия теории классов национального вопроса не могло тогда и не может сегодня не удивлять. Почему? А потому, что по умолчанию уже тогда большевиками предполагалось все-таки разное отношение разных народов России к предполагаемому социальному переустройству российской жизни. Тогда как сама суть классового учения должна бы была противиться сему. Заключая оценку речи Свердлова, следует, видимо, отметить, что большевики, выражая истовое милосердие к трудящимся массам, тут же отказывали в нем всей буржуазии и, конечно, всем ее представителям во власти. В результате они, как говорится, одним махом создавали себе непримиримых противников, с одной стороны, с другой — совершенно лишали себя и поддержки со стороны развитой и талантливой части имущего класса. И еще. Большевики так и не заметили, как сами же взвалили на свои плечи фантастический груз ответственности за всех и за все, не понимая ясно несоразмерность ее своим возможностям. А что же противная сторона? Чем она ответила отчаянным переустроителям всей человеческой жизни? В концентрированном виде большевикам ответил Церетели (Социал-демократическая фракция, объединенная): «Граждане, я думаю, тот, кто берется осуществлять конечные идеалы социализма и имеет силу для их осуществления, не должен бояться слов, сказанных с трибуны, завоеванной народом не только для представителей одной партии, но и для представителей всех партий, существующих в России... В свое время, когда мы были ответственной силой, вершившей политику страны, быть может, мы ошибались, быть может, наши шаги были чем-то худшим, чем ошибка. Быть может! но мы в то время, когда делали политику, умели бесстрашно на каждый запрос отвечать и обосновывать свои действия... В настоящий момент я не буду занимать времени Учредительного собрания защитой той политики,

которая была. Правильно или неправильно, она уже раскритикована вами с помощью оружия. Но если вы, граждане, низвергли силою строй, не удовлетворявший, по вашему мнению, нужды народа, то поймите, что нельзя через два месяца после того, как вы стали хозяевами положения, пробавляться только тем, чтобы весь свой политический капитал черпать из критики отошедшего строя... Если мы вас сажали в тюрьму, то воистину, граждане, не стоит на этом теперь останавливаться, ибо ведь сторицей воздали вы за это. Но я только напоминаю — одного мы не боялись, мы не боялись вашей критики, и мы давали говорить вам, даже когда вы были в ничтожном меньшинстве. Граждане, для того, чтобы обосновать преимущества социализма перед буржуазным строем, стоит ли доказывать недостатки тех или других деятелей, стоявших на почве буржуазного строя? Самая совершенная форма буржуазного строя для социалиста, конечно, не может идти в сравнение с социализмом. Не так ставился вопрос среди социалистов до последнего времени, и это понимали даже те, кто в настоящую минуту практически якобы осуществляют социализм. Вопрос ставился: возможен ли, осуществим ли в данных условиях социалистический строй, который всеми социалистами, конечно, признается желательным. Вот я внимательно вслушивался в доводы, которые отсюда раздавались, которые говорили о том, что Учр. собрание, избранное всем народом, должно сейчас без оговорок санкционировать те опыты, которые делаются Советом Народных Комиссаров. Ни одного аргумента не слышал я в доказательство того, что эти опыты дадут те результаты, на которые они рассчитаны, ни одного слова от представителей руководящих партий не слышали мы здесь, какие результаты даны в жизни начатым опытом. Здесь говорили: мы отняли производство из рук буржуазии. А справляетесь ли вы с его организацией?.. Здесь меня прерывают — „саботаж“. Я предупреждаю вас, граждане, если вы взялись за осуществление социалистического строя, то свидетельство о бедности выдадите вы себе, если неудачу социалистического опыта взвалите на саботаж буржуазии... Во время коалиции (период правления Временного правительства. — *Авт.*) это слово — „саботаж“ — имело смысл, вы укоряли буржуазию, что она не исполняет обещаний укрепления демократического строя... Тогда ваши упреки были принципиально правильны. Но я говорю, упрекать буржуазию, что она не помогает вам уничто-

жать буржуазию и утверждать строй, ее отрицающий... Граждане, ведь каждый из вас имеет возможность выйти на эту трибуну и ответить членораздельной речью. Вот я не слышал, если взято производство из рук буржуазии, то организовано ли оно руками социалистов? Здесь говорят: нам отчета давать не будут... Я хотел бы выяснить одно: прежде всего, к несчастью, отчеты об этом не даются нигде — ни в тех органах, которые совет народных комиссаров признает полномочными их критиковать, ни в каком-либо другом публичном собрании. Что сделано, раз уничтожена частная собственность на средства производства, чтобы они были организованы в общественной форме? Таких отчетов мы не слышали. Но я хочу устранить и другое недоразумение. Здесь говорили: „Вам отчетов мы давать не будем“. Позвольте мне сказать, что не только с моей точки зрения и не только с точки зрения огромного большинства народов России, избравших это Учр. собрание как полновластный орган, но и с точки зрения тех партий, которые гордо заявляют об отсутствии необходимости отчитываться перед Учр. собранием, это Учр. собрание является органом верховной народной воли, ибо если это не так... то чем объяснить ваше предложение Учр. собранию санкционировать то, что здесь было предложено?... Здесь говорят: не бороться против. Мы слышали другое предложение, но быть может „не бороться против“ — вероятно, и формулировка будет такого рода — не то, что Учр. собрание принимает то-то и то-то, а просто Учр. собрание... Присоединяется, но тогда зачем вам и верховному органу народной воли, бесспорно признанному всем народом, присоединение кучки саботажников... И не в том дело, какой вопрос они ставят. Но если это так, если русский народ и народы, населяющие Россию, имеют уже иную совершенную организацию народной воли, то во имя чего, во имя каких импульсов было создано здесь Учредительное собрание, избранное в момент господства Совета Народных Комиссаров и созданное в момент, когда они говорят об утверждении навеки своего господства? Здесь не все прямо говорится, не все до конца, ибо только в огромном большинстве народа, здесь представленном, но и в том меньшинстве, которое сидит здесь, есть большое внутреннее сомнение в том, всенародно ли санкционированы их действия, их программа. Если бы этого не было, уже по одному тому, граждане, вы должны были бы устранить Совет Народных Комиссаров, потому что

в его действиях были бы заметны следы явной ненормальности: не признавая Учредительного собрания как органа народной власти, нельзя ему предлагать декретов, чтобы перед лицом всего народа Собрание, считающее себя полновластным органом народной воли, избираемое им под этим лозунгом, санкционировало бы их». Вот так. И действительно, зачем большевикам было советоваться с этой никчемной «Учредилкой», что она могла тогда дать народу России, ежели еще совсем в недавнем прошлом ее депутаты — основные оппоненты большевистской власти — ровно ничего так и не сделали для России? С другой стороны, может быть, они и не сделали, зато и дров не наломали, так как все-таки терпеливо искали выход, объективно устроивший бы тогда большинство народа. А так, что же: «мочить несогласных в сортире»? Далее в своей речи в адрес большевиков Церетели вновь заостряет: «Граждане, сто первый раз говорю вам, пусть Керенский хуже вас, но это не доказывает, что вы лучше Учредительного собрания. Вы не с Керенским, не с Церетели ведете борьбу в настоящую минуту, вы ведете борьбу с организованной общенародной волей (Ну это, конечно, вряд ли так было, ведь значительная часть народа тогда фактически безоговорочно поддерживала большевиков. — *Авт.*)». Как мы видим, перед нами опять следы строптивной России, которая лишь рядится в нечто корректное и благородное. Почему? Да хотя бы потому, что она обвиняет победителя революционной брани в том, что он все-таки выполнил главное условие всей революции и созвал-таки Учредительное собрание, впрочем, волю которого совсем не желал принимать во внимание. Но ведь желанного некоторыми депутатами согласия среди революционных борцов и быть-то не могло. Почему? Да потому, что цели у них были слишком разные: прагматичные — у одних и совсем уж пионерские (прорывные в небывалое доселе бытие) — у других. Кстати, об этом очень ясно сказал уже упоминавшийся ранее Я. М. Свердлов: «Как в свое время Французская буржуазная революция в период великой революции 89 года провозгласила декларацию прав человека и гражданина, декларацию прав на свободную эксплуатацию людей, лишенных орудий и средств производства, так и наша российская социалистическая революция должна точно также выставить свою собственную декларацию...» Поэтому стремление первых к личной выгоде класса собственников никак не могло сочетаться со стремлением вторых

как раз к отмене самого этого класса, причем как крупных, так и мелких его представителей. Другими словами, даже в теоретическом отношении многолетний спор сей тогда не имел никакого удовлетворительного исхода. Видимо, вполне наглядным подтверждением последнего тезиса служат следующие слова депутата Церетели: «Когда мне говорят, что социализм лучше буржуазного строя... Здесь говорили о том, как плохи были Керенский и Церетели, и как эгоистична буржуазия в качестве единственного аргумента — чтобы водрузить знамя социализма. Это говорили люди, которые могут делать в настоящий момент роковые опыты с социализмом, со всей страной. Поэтому я считал особенно необходимым ясно и категорически заявить, в силу каких соображений в настоящий момент для всего народа в Учредительном собрании мы видим единственный путь спасения революции. Революция в России одна — она началась в февральские дни, она переживает в настоящий момент смертельный кризис. На ее плечи взваливается ноша, которая может ее раздавить. На наших глазах совершается это, и ярким выражением этого является разрушение демократического единства (которого никогда не было, была лишь ненависть к самодержавию. — *Авт.*), которое одно только и могло спасти Россию, разделение демократической России на два непримиримых (а вот это верно. — *Авт.*) лагеря. Здесь с торжеством говорили, что мы давно разорвали. Мы давно стоим по две стороны баррикады... Часть демократии, представленная вами, и другая, огромная часть, представленная здесь. Ведь это вы должны понимать, что с того момента, как вы вступили на путь диктатуры меньшинства, линия гражданской войны прошла через сердце демократии... и единства в рядах этой демократии нет, ибо вы его не хотите (И что самое интересное, ведь это была самая что ни на есть сущая правда! Ну не хотели большевики как-либо разделять меньшевистские либо эсеровские идеи! — *Авт.*)». Кстати, тот же Церетели в бытность свою министром внутренних дел Временного правительства по адресу большевиков говорил следующее (взято из записок Н. Н. Суханова): «То, что произошло (речь о попытке проведения большевиками демонстрации 10 июня 1917 года. — *Авт.*), — кричит Церетели с надувшейся жилой поперек лба, — является не чем иным, как заговором против революции, заговором для низвержения правительства и захвата власти большевиками, которые знают, что иным путем эта власть

никогда им не достанется. Заговор был обезврежен (демонстрация была запрещена. — *Авт.*) в тот момент, когда мы его раскрыли. Но завтра он может повториться. Говорят, что контрреволюция подняла голову. Это неверно. Контрреволюция не подняла голову, а поникла головой. Контрреволюция может к нам проникнуть только через одну дверь: через большевиков. То, что делают теперь большевики, — это уже не идейная пропаганда, это заговор. Оружие критики сменяется критикой оружия. Пусть же обвинят нас большевики, теперь мы перейдем к другим мерам борьбы. У тех революционеров, которые не умеют достойно держать в своих руках оружие, надо это оружие отнять. Большевиков надо обезоружить. Нельзя оставить в их руках те слишком большие технические средства, какие они до сих пор имели. Заговоров мы не допустим...» То есть мы видим, что Церетели еще ранее видел в большевиках главных врагов революции и совсем не мыслил их своими союзниками по демократическому лагерю. Но тогда его речь в рамках УС есть речь лукавая? Проверим сие, продолжая цитировать его выступление на УС: «Граждане, вы говорили о том, что буржуазия грозила Учредительному собранию, и что же — накануне Учредительного собрания, произведя переворот, не видели ли вы разве, что буржуазия не может вырвать из рук всей демократии это могучее завоевание народа? И разве не почувствовали все, что единственный путь, которым она это могучее завоевание могла бы вырвать, могла бы помешать российской революции всенародным бесспорным путем и располагая всеми силами демократии, закрепить завоевания революции, помешать этому она могла в том случае, если бы ряды демократии были разделены и обескровлены междоусобием в среде самой демократии (Так ведь сии ряды никогда и не существовали! — *Авт.*)? И мы знаем — это высказывалось открыто с самого начала революции, — самые косные сторонники цензовой буржуазии, самые проникательные в их среде с точки зрения своих классовых интересов так именно спекулировали, так именно и ставили вопрос и с самого начала примирялись даже с властью крайнего максималистского крыла демократии, примирялись со всеми невзгодами, которые им этот период власти сулил, примирялись, рассчитывая на то, что последствием этого будет та междоусобная гражданская война демократии, которая руками одной части разрушит завоевания всей демократии и выдаст ее связанной по рукам и но-

гам буржуазии». Красиво, ничего более и не скажешь. Выходит, что только демократия есть панацея от всех напастей. Но так ли это, возможна ли она, в самом деле? Вот как видит выход Церетели: «Я знаю — не только пропаганда, не только агитация, но и более глубокие причины вызвали те стихийные (так уж и стихийные. — *Авт.*) максималистские стремления, которые в своем конечном итоге, не приведя к победе, приведут к полному крушению демократии. Но вот сегодня, в этом общенародном собрании, ввиду того, что соотношение сил, которое еще существует, дает еще возможность усилиями всех сознательных элементов демократии, всех политических партий, еще не утративших руководства над массами, этот период начавшейся и грозящей продлиться до окончательного крушения революции анархии, этот период завершил тем способом, который объединил бы все силы демократии... Соглашательство в настоящий момент может быть только в рядах демократии...» Вот так выход. Неужели Церетели и сам верил в реальность своего предложения? Вряд ли. Но тогда к чему он на самом деле стремился? Вот текст декларативного обращения Церетели и его единомышленников ко всему Учредительному собранию: «Вступая в Учредительное собрание, на созыв которого... в течение десятилетий во главе всей демократии боролись все сознательные рабочие России, расплачивавшиеся долгими годами тюрьмы, ссылки, каторги и изгнания и гибнувшие на царских виселицах, социал-демократическая фракция, как представительница передовой части пролетариата, считает необходимым сделать следующее заявление: Учредительное собрание, избранное на основе наиболее совершенного по демократизму избирательного права и потому наиболее полно отражающее волю народа, открывается не в тех условиях, которых добивался российский пролетариат, не как бесспорный для всей демократии властный организатор революции, определяющий грядущие судьбы страны. Его полномочия оспариваются, и в самый момент его созыва ему угрожают штыками — не теми привычными для русского социалиста и революционера штыками, которыми царская власть разила насмерть рабочих в день 9 января 1905 года и в другие дни уличной борьбы за свободу и которыми она в этом же зале разгоняла Первую и Вторую Думы, чтобы отправить на каторгу наших предшественников, членов социал-демократических думских фракций, — а штыками сбиваемых с толку сол-

дат революции, действующих во имя власти, именующей себя рабоче-крестьянской и социалистической... Поэтому с.-д. фракция призывает весь рабочий класс России отвергнуть неосуществимые и гибельные попытки навязать всей революционной демократии (или всей строптивной России. — *Авт.*), свободно изъясляющей свою волю, диктатуру меньшинства — и грудью встать на защиту полновластия Всероссийского Учредительного собрания, сделав свои классовые организации и свои советы самой могучей опорой...» Хитро, ничего не скажешь. Иначе говоря, «командовать парадом» будем мы — представители не одурманенной большевиками России. Так ведь уже командовали и что вышло? Вот как пишет об этом противник большевиков Н. Н. Суханов: «На самом деле это (то есть отказ Керенского вступить в переговоры с Корниловым по вопросу роспуска Временного правительства в пользу правительства под началом Корнилова. — *Авт.*) была логика положения Керенского, которой он сам, конечно, не сознавал. Ведь не мог же он, в самом деле, вместо недостойной, отвратительной игры начать *серьезную борьбу* против Корнилова. Не понимая, он чувствовал, что этого он *не может*: ибо сам он был корниловцем — только с условием, чтобы во главе корниловщины был он сам, а все те элементы, на которые он хотел опираться, были корниловцами безоговорочными и безусловными... При такой конъюнктуре Керенский и не мог для борьбы с заговором сделать ничего другого, как назначить заведомого соучастника заговора (речь идет о представителе Корнилова в Петрограде — Савинкове. — *Авт.*) полномочным и официальным начальником всех сил, мобилизованных для его ликвидации. Но почему же *Смольный* не объявил это явным предательством? Или „звездная палата“ (руководители демократической коалиции. — *Авт.*) была также соучастницей Корнилова?» Да, вероятно, что умеренные революционеры не желали вступать в союз с Корниловым, но объективно они все-таки тяготели к этому печальному делу. Почему? Да хотя бы из панического страха перед большевиками! Ведь именно последних тот же Церетели и считал контрреволюционерами в самой крайней степени. А вот как на эту ситуацию, по данным Суханова, отреагировали большевики в резолюции их ЦК, которую огласил в те (конца августа 1917 года) тревожные дни в Смольном Каменев: «Перед лицом контрреволюционного мятежа генерала Корнилова, подготовлен-

ного и поддержанного партиями, представители которых входят в состав Временного правительства (во главе с партией кадетов), ЦИК (речь о руководителях демократической советской коалиции. — *Авт.*) считает долгом провозгласить, что отныне должны быть решительно прекращены колебания в деле организации власти. Не только должны быть отстранены представители к.-д. партии, открыто замешанной в мятеже, и представители цензовых (примкнувших к кадетам. — *Авт.*) элементов вообще, но должна быть отвергнута в корне та политика соглашательства и безответственности, которая создала самую возможность превратить верховное командование и аппарат государственной власти в очаг и орудие заговора против революции. Нетерпимы далее ни исключительные полномочия Временного правительства, ни его безответственность. Единственный выход — в создании власти из представителей революционного пролетариата и крестьянства». Кстати, речь Каменева удачно дополняет характеристика ЦИК тем же Сухановым: «У депутатской массы было *настроение*, но не было ни смелости, ни идеологии, и от лидеров она оторваться при таких условиях (сразу после Корниловского мятежа. — *Авт.*) не могла. Смольный, завершив для Керенского ликвидацию корниловщины, по-прежнему продолжал свою линию фактического и формального развязывания рук министру-президенту (речь о Керенском. — *Авт.*)». То есть Суханов вполне подтвердил точку зрения большевиков, которые видели неизбежное сближение позиций представителей крупной и мелкой буржуазии как вполне родственных сущностей. Но вернемся на заседание Учредительного собрания, где ответное слово взял депутат от большевиков по фамилии Скворцов: «Я удивляюсь, каким образом гражданин Церетели, казалось бы марксист, может апеллировать к такому понятию, как общенародная воля. Марксист не знает общенародной воли, а знает волю классов господствующих и поработенных, он знает волю эксплуататорских классов и эксплуатируемых. Вы оперируете общедемократическими терминами, но отнюдь не марксистскими, когда говорите, что парламент выражает общенародную волю. Смею вам сказать, гражданин, если вы прочтаете книгу Каутского о парламентаризме, вы там не найдете такого понятия. Народ немислим для марксиста, народ не действует в целом, народ в целом — фикция, и эта фикция нужна господствующим классам. Господствующие классы должны прикрывать ис-

точник всякого закона, должны прикрывать характер всякого государства (Как современно сие речение звучит! — *Авт.*). То, что проводят господствующие классы, они называют это волей всего народа, общенародную волю голосом народа. Для марксиста это воля господствующих классов... Итак, граждане, что вы хотите получить в Учредительном собрании... Вы, пользуясь тем, что народ в вас не разобрался, крестьянство не разобралось, вы, пользуясь тем, что оно не различило в вас двух групп, из которых одна является действительным защитником интересов крестьянства, именно левые эсеры, пользуясь тем, что у них не было времени, чтобы составить свои списки, вы за ними вошли сюда контрабандой, обманом. Я вас понимаю, вы хотите закрепить свое положение, и вот свой голос контрабандистов, голос кадетов, ваших союзников, вы выдаете за общенародную волю... Итак, товарищи и граждане, в чем же дело? Проведя контрабандным путем представителей господствующих классов старой России, присоединив сюда еще их пособников и укрывателей, вы выдаете волю этого Собрания за общенародную волю. Граждане, к такому обману, такому фетишизму вынуждены прибегать господствующие и эксплуатирующие классы именно потому, что они составляют меньшинство населения. Если народ прозрит этот обман, это будет последним часом эксплуатации. Большинство к такому обману не должно прибегать и не будет прибегать (Ну это еще не факт, товарищ Скворцов! — *Авт.*). Большинство, низвергнув эксплуататоров, говорит: я творю не общенародную волю, которой не существует..., я творю волю большинства населения, того большинства, на горбе которого ездило меньшинство... Я творю волю крестьян и рабочих — вот что говорит победившее большинство, и скрывать источник воли, скрывать источник закона, скрывать источник власти оно не имеет никакой необходимости, а вам хочется прикрыть, но что? Источник власти. Таковым будет воля не большинства, а меньшинства, буржуазии, помещиков и их пособников. Вот в чем разница. Говорили, будто, обращаясь к санкции Учредительного собрания, тем самым мы признаем его органом народной воли, тем самым признаем его суверенитет. Граждане, вы самообольщаетесь. Мы хотим развеять тот туман, тот фетишизм, которым еще в глазах многих окружено Учредительное собрание. Вы этого боитесь, и поэтому вы хотите отказаться от суждения нашей декларации. В этом объяснение вашего поведе-

ния». А что, славно сказано, как говорится, «не в бровь, так в глаз». Впрочем, большевикам было чему и поучиться у своих оппонентов по революции. Вот как об этом писал в 1921 году Н. Н. Суханов: «К этому времени (речь о начале июля 1917 года. — *Авт.*) Ленин составил проект партийной программы большевиков. Этот проект, кажется, еще не был тогда опубликован, а ходил в виде оттиска брошюры по немногим рукам. В нем была детально разработана *политическая* часть: вопрос о парламентаризме, о Советах, о магистратуре, о вознаграждении чиновников и специалистов. Здесь были собраны все элементы утопического строения государства, которые потом яростно защищались Лениным в брошюре „Государство и революция“, а впоследствии им же — вскоре после горьких опытов практики — были выброшены за борт, как детские заблуждения и негодный хлам. Это было очень знаменательно. А еще более знаменательно было то, что наряду с этой разработкой *политической* части было уделено самое ничтожное внимание *экономической* программе. Ее почти не было. Вместо нее, видимо, просто предполагалось „непосредственное творчество снизу“ и „грабеж награбленного“. Я диву дался, когда на конференции „междурайонцев“ дело дошло до партийной программы: Троцкий повторял Ленина. Он взял за основу ленинский проект и вносил в него некоторые коррективы. Но опять-таки все внимание его было устремлено на формы диктатуры пролетариата и примыкающих к нему слоев. И докладчик, и немногочисленные ораторы в возникших прениях при молчаливых слушателях, рабочих и солдатах, игнорировали экономическую программу и не уделили ее разработке никакого труда. Непонятно! Троцкий, Луначарский, Урицкий, правда, неэкономисты. Но они образованные, передовые в Европе социалисты. Почему же им не ясно, что социализм есть прежде всего *экономическая* система и что без строго разработанной программы экономических предприятий ничего не может выйти из диктатуры пролетариата? Именно с их точки зрения партийная программа необходимо должна была бы включать в себя детальную, чисто деловую, вполне конкретную скалу экономических преобразований. Ибо их программа была программой ликвидации капитализма. Я вспомнил. Несколько дней тому назад я, из любопытства, пошел в зал Морского корпуса, где Троцкий читал реферат об итогах Всероссийского советского съезда. Зал был переполнен

тысячами рабочих и солдат. Успех оратора, говорившего часа три, был огромный. Но я испытывал удручающее впечатление. В докладе не было ничего, кроме мелкой демагогии и максималистских призывов — без малейших пропагандистских попыток наметить реальную программу. Главным трюком был влагаемый в уста советских лидеров приказ: „Подождите до Учредительного собрания!“ Троцкий повторял это, перечисляя насущные нужды революции рабочих, солдат и крестьян, и вызывал восторг аудитории. Я вспомнил об этом сейчас, сидя на конференции. Допустим там, на митинге, это игнорирование реальных экономических задач было терпимо. Но здесь, когда вырабатывается позиция для руководства самого революционного штаба?.. Кстати сказать, ведь Ленин и Троцкий игнорировали именно те насущные проблемы, с которыми они вплотную столкнулись через несколько месяцев в качестве государственной власти. То же, что было в центре их внимания, политическая система, им ни на что не пригодилось. Все свои построения в этой области они немедленно выкинули вон». Вот ведь как. Да и в самом деле, неужели социализм изначально был обречен всего лишь на *мобилизационный* тип экономики, неужели лишь та или иная форма насилия и могла составить весь его смысл? Снова процитируем слова Суханова: «Впоследствии государственно-правовая схема Ленина теоретически стала вполне понятной: теоретически она означала рабочую диктатуру, „железную метлу“, призванную стереть с лица земли буржуазию, снести все здание, раздробить фундамент, выкорчевать сваи капитализма. Но вместе с тем впоследствии обнаружилось (*для самого Ленина*) и полная несостоятельность этой схемы, обнаружилась непригодность ее для целей пролетарской диктатуры — в понимании самого Ленина, и практически эта схема — ни как власть Советов вообще, ни как власть на местах, в особенности, никогда (в правление Ленина) не была проведена». Как мы видим, у большевиков в момент проведения УС были большие, можно даже сказать огромные проблемы. Но и у их противников все было далеко не гладко. Например, у эсеров в целом картина была и вовсе удручающей. Вот что о них пишет Суханов: «Увы! Вожди эсеровских мелкобуржуазных масс оказались верными природе своей партии. Дряблые, политически безличные, застрявшие между могучими жерновами капиталистического общества, они растерялись среди головокружительных со-

бытий и не понимали их смысла. Став во главе господствующей партии, став во главе революции, они ни на йоту не освоили необходимой программы своего собственного класса. Колеблемые бурей, скованные традициями и узами капиталистической диктатуры, они трусливо отказались от этой минимально необходимой программы и отдали себя, с революцией и народными массами в придачу, на милость буржуазии. Но тогда-то они и растеряли народные массы, которые бросили и втоптали в грязь своих вождей, ибо заведомо не могли бросить своей минимальной программы: мира, земли и хлеба. Когда массы увидели воочию, что вожди не ведут вперед, что вожди не способны, что вожди изменяют, тогда мелкобуржуазная государственность масс превратилась в мелкобуржуазную стихию. И, сломя голову, те же массы бросились в открытые объятия большевиков. Партия эсеров была тогда самой большой и могучей. Но это был колосс с глиняной головой. И не ему было стать действительно прочным базисом для новой власти». То есть серьезных, действительно серьезных политических оппонентов у большевиков в стенах УС, конечно же, не было и быть не могло. Последующие события Гражданской войны воочию подтвердили ту истину, что народная поддержка в целом оказалась на их стороне. Другое дело, что многие впоследствии, видимо, очень пожалели об этой своей поддержке новых энергичных властителей.

Но вернемся на заседание УС. На трибуну взшел Сорокин (партия левых эсеров), который зачитал своего рода программу для деятельности УС:

«Партия левых эсеров считает долгом провозгласить с трибуны Учредительного собрания следующее:

1) Учредительное собрание открывается в решительный момент Великой Российской Революции. Свергнувшие политическое иго царизма, трудящиеся увидели, что завоевания революции находятся в опасности. Имущий класс всеми простыми и сложными способами мешал осуществлению заветных чаяний трудящихся. Трудовой народ понял, что не может быть соглашения с эксплуататорами, что все необходимые изменения в общественных отношениях могут быть проведены только вопреки воле имущих. И, поняв это, трудящиеся в дни Октябрьской революции осуществили переход всей власти безраздельно, всего государственного аппарата к трудящим-

ся. В борьбе за коренное переустройство общества орудием нерасщепленной воли трудящихся явились Советы Крестьянских, Рабочих и Солдатских Депутатов. Потому Октябрьская революция поставила и осуществила лозунг: власть Советам.

2) Фракция левых социалистов-революционеров считает невозможным отказаться от великих завоеваний Октябрьской революции в области социальных реформ, открывающих не только России, но и всему миру новый путь творческой работы самого трудового народа для своего экономического и политического раскрепощения. Признавая, что завоевания эти — дело рук Советов Раб., Солд. и Кр. Депутатов и Советской власти, фракция определенно заявляет, что она категорически высказывается за установление советской власти и федеративной советской республики.

3) Учредительное собрание отныне не может посягать на эту власть, ибо в задачи Учредительного собрания должно входить лишь укрепление завоеваний революции и облегчение борьбы трудового народа с имущими классами в дальнейшей его творческой и созидательной работе. А потому фракция считает, что Учредительное собрание может рассчитывать на доверие и поддержку трудовых масс постольку, поскольку оно пойдет по пути подтверждения и развития завоеваний Октябрьской революции и волеизъявления трудящихся классов.

4) Учредительное собрание верно выполнит свою задачу, если оно сумеет создать благоприятные условия для немедленного осуществления социализации земли на всем пространстве Российской Народной Федеративной Республики. Трудовой народ должен получить всю землю со всеми недрами, лесами, водами, живым и мертвым инвентарем, со всем имуществом на ней и со всеми вложенными в нее капиталами, без всякого явного или скрытого выкупа, на началах уравнительного и трудового землепользования. При этом для трудящихся на земле должны быть созданы все условия, благоприятные для общественной обработки земли и поднятия сельскохозяйственной культуры за счет государства. Наряду с этим Учредительное собрание должно выработать систему последовательного рабочего контроля, как первый шаг по пути действительного перехода от буржуазного хозяйства к хозяйству трудовому, от системы капиталистической эксплуатации трудящихся к освобождению и творческому выявлению их способностей. В тех же целях национализируется

внешняя торговля, частные банки с вложенными в них крупными капиталами, железные дороги, все акционерные капиталистические промышленные предприятия, жилища, служащие средством эксплуатации, равно и все предприятия, связанные с социализированной землей и национализированными недрами. Стремясь все к тому же коренному переустройству всей экономической системы как внутри России, так и вовне, фракция левых социалистов-революционеров выдвигает немедленное аннулирование всех долгов и займов, заключенных как царским правительством, так и правительством Керенского, как внутри страны, так и за границей.

5) По вопросу о правах человека и гражданина фракция левых социалистов-революционеров заявляет, что она, как представительница трудящихся, будет отстаивать все меры, клонящиеся к раскрепощению личности и выявлению ее творческих способностей, направленных к созданию новых братских форм жизни. Личность человека и гражданина, отдающего свои силы на полезную и созидательную работу, не только пользуется всеми свободами, но и должна получить право на достойное человека существование. Граждане, лишившиеся трудоспособности (раненые воины, увечные калеки, старики), путем организации общественных работ должны получить от государства вспомоществование, достаточное для того, чтобы жить безбедно. Точно также государство обязано прийти на помощь безработным. Равно должно быть государственное страхование от неурожая, градобития, заморозков и других причин, не дающих возможности получить крестьянину вознаграждение за затраченный труд.

6) Вместе с тем Учредительное собрание должно осуществить отделение церкви от государства и всеобщее народное образование с бесплатным содержанием всех учащихся на всех ступенях обучения; урегулировать производство и продовольствие, развитие трудовых кооперативов и т. д.

7) Фракция левых с.-р., констатируя, что революционная кампания в пользу мира стала на твердую почву лишь со дня свержения коалиционного правительства, что лишь Советская власть встала на решительный путь ликвидации империалистической войны и открыла перспективы скорого всеобщего демократического мира, продиктованного правосознанием трудящихся масс, считает обязанностью Учредительного собрания оказать полную поддержку политике

мира, проводимой Советской властью, и приложив все усилия к тому, чтобы на страже выдвинутых революцией условий мира стояла вся организованная моральная и материальная сила свободных народов Российской республики. Фракция левых социалистов-революционеров выражает твердую уверенность, что революционная Россия ни на какие уступки империалистам, как союзных, так и враждебных нам стран, не пойдет и, опираясь на несокрушимую силу восставшего народа и действенную революционную поддержку трудящихся всего мира, сумеет добиться мира на основах, провозглашенных русской революцией, чем и нанесет смертельный удар международному империализму... Ставя на первую очередь проведение в жизнь социальных реформ, наша фракция открыто заявляет, что в Учредительном собрании не должно быть места для борьбы из-за власти между Учредительным собранием и Советами Рабочих, Солд. и Крестьянских депутатов. Учредительное собрание должно провозгласить федеративное устройство Российской Народной Советской Республики, выработать конституцию постоянной федеративной власти на основах признания федерации Советских Республик и разработать план социального переустройства России на вышеизложенных основаниях. Фракция левых социалистов-революционеров в то же время полагает, что великая социальная борьба российских народов в настоящую эпоху является лишь началом раскрепощения трудящихся всего мира».

Да, отмахнуться от сего яркого заявления могли лишь явные сторонники буржуазии, а значит, класса эксплуататоров. Впрочем, если говорить серьезно, то только строгий разбор смыслов предложенной левыми эсерами декларации и мог бы сохранить общую рабочую атмосферу самого Учредительного собрания. А что же предложили в ответ противники сформулированного выше обращения? Во-первых, они отклонили его путем подачи 237 голосов против 146. Или обсуждение предложенной декларации левых эсеров наряду с декларацией ЦИК, оглашенной ранее Свердловым, так и *не состоялась*. Во-вторых, перешли непосредственно к обсуждению предложения, внесенного фракцией социалистов-революционеров, о мире, земле, формах государственного устройства нового Российского государства и прочих вопросов, завершив сей пространный список уже вопросами неприкосновенности членов Учредительного собрания или охраны его самого и подготовки об-

ращения к народу. Тем самым имевшееся в наличии большинство депутатов решило *проигнорировать* реальную власть и ее смыслы как еще и не существующую вовсе. Но ведь сие *строптивое* решение само по себе обязывало эти 237 человек из числа депутатов УС хотя бы к пониманию характера и соответствующего ответа со стороны Советской власти, которая самим фактом своего невыдуманного существования не могла не пойти на разгон всей собравшейся горделивой публики. Но неужели у противных сторон не было ни единого шанса на сотрудничество? Вот как писал об этом Н. Н. Суханов: «Сейчас, 26 октября (речь идет о 1917 годе. — *Авт.*), Ленин очень интересно комментировал — также в „последовии“ — оглашенный Декрет о земле. — Здесь раздаются голоса, что наказ и самый декрет составлен эсерами. Пусть так. Не все ли равно, кем он составлен? Как демократическое правительство, мы не можем обойти постановление народных низов, хотя бы мы с ним были не согласны. Жизнь — лучший учитель, и она укажет, кто прав. Пусть крестьяне с одного конца, а мы с другого будем разрешать этот вопрос. Жизнь заставит нас сблизиться в общем потоке революционного творчества... Мы должны следовать за жизнью, мы должны предоставить полную свободу творчества народным массам... Мы верим, что крестьянство лучше нас сумеет правильно разрешить вопрос. В духе ли нашем, в духе ли эсеров — не в этом суть. Суть в том, чтобы крестьянство получило твердую уверенность, что помещиков больше нет в деревне, и пусть крестьяне сами решают все вопросы, пусть сами они устраивают свою жизнь. „Народные массы“, слушая главу „демократического правительства“, были в полном восторге. Долго не смолкала новая овация... Но слова Ленина действительно интересны и важны. Кто хочет понять дух политики Советской власти в период ее деятельности, тот обязательно должен усвоить и запомнить эти слова... Тогда, в октябре, еще была пресса. И досталось же Ленину за этот дневной грабеж (имеется в виду Декрет большевиков о земле. — *Авт.*)! Эсеры кричали: хорош марксист, травивший нас 15 лет за нашу мелкобуржуазность и ненаучность с высоты своего величия и осуществивший нашу программу, едва захватив власть! А Ленин огрызался: хороша партия, которую надо было прогнать от власти, чтобы осуществить ее программу!.. Все это было немножко не по существу, а скорее как между соседками на базаре. Это было дешево, но очень мило, тем более что обе сто-

роны были правы». Вот так: «обе стороны были правы!»! То есть шанс все-таки был и мог быть использован, тогда как большинство УС из великой гордости своей двинулось совсем в другую сторону — в сторону очевиднейшей и величайшей конфронтации. Впрочем, кто-то возразит, что большевики в начале января 1918 года уже были невменяемы, а значит, никаких переговоров с ними уже нельзя было вести и поэтому не было другого пути, как полное игнорирование их политической позиции. Что ж, если видеть все так, то тогда впереди, конечно, только гражданская война, которая и покажет всерьез с кем народные массы и во имя чего они готовы кровь проливать. Но все же надо отдать должное именно меньшевикам, находившимся тогда в роли идейных руководителей демократической оппозиции Советской власти в рамках УС. И прежде всего в той части, что именно они выступили в качестве заказчиков будущего небывалого в истории социального конфликта. Почему же так? Да потому, что только они могли бы, навязав детальную и серьезную дискуссию большевикам и левым эсерам по выдвинутым ими декларациям, все-таки попытаться повлиять на их изменение в сторону учета интересов уже подавляющего большинства населения России, вполне исключившего бы и саму возможность уже наступавшей тогда гражданской войны. Но в том-то все и дело было, что меньшевики, трагически уверовав в возможность изменения русского архетипа в сторону западноевропейского, решили попытаться сломить русский (общинный) взгляд на саму суть происходивших революционных преобразований любой ценой, даже ценой широкомасштабного кровопролития. Тем самым созыв и работа УС оказались ярким свидетельством начала попытки внешне мирного устройства *не русской по духу* России, которая конечно же была изначально обречена на кровавую неудачу.

Вернемся в стены Таврического дворца, где противники советской (общинной или коллективистской) власти перешли к открытой атаке на нее, объявив ее при этом полностью незаконной. Слово сразу после голосования взял представитель большевиков и левых эсеров депутат Крестинский: «Граждане, Центральный Исполнительный Комитет в своей декларации поставил перед вами определенный вопрос. Считаю, что этот вопрос, вопрос революционно-социального преобразования России, Учредительное собрание должно дать ответ прямой и немедленный. Мы, фракции

большевиков и левых эсеров, предлагали первым пунктом порядка дня поставить обсуждение декларации Центрального Исполнительного Комитета. Своим голосованием... Ведь вы не знаете, о чем я буду говорить, и поэтому не имеете права мешать. Своим голосованием вы показали, что правое большинство Учредительного собрания уклоняется от прямого ответа на поставленный им пролетариатом и крестьянством вопрос. Поэтому фракция большевиков считает необходимым обсудить создавшееся положение и требует перерыва заседания». И что же на это ответила противная сторона? Как ни странно, сначала разговор носил вполне деловой характер. Депутат Тимофеев: «Фракция партии соц.-рев... не возражает против перерыва собрания...» Затем его поддержал депутат Ельяшевич: «Граждане, от фракции эсеров я должен сделать следующее заявление... не от левых эсеров. Ввиду заявления представителя фракции левых эсеров, что якобы фракция уклоняется от прямого и ясного ответа на поставленные в декларации вопросы, я должен заявить, что порядок дня, предложенный эсерами, именно дает возможность всем партиям вполне определенно выявить свое лицо по всем вопросам, которые сейчас затронуты в их декларации, и по каждому пункту могут быть внесены в соответствующие места декларации... Таким образом, прямой ответ от фракции эсеров будет дан на все вопросы». Ну что ж, посмотрим, как оно выйдет на самом деле. После перерыва слово взял представитель оппозиции (партия меньшевиков) депутат Скобелев: «За 10 месяцев русской революции сегодня впервые была расстреляна рабочая демонстрация... Оно (УС. — Авт.) должно удовлетворить политическую совесть граждан и создать специальный орган, специальную комиссию для расследования обстоятельств, сопровождавших этот расстрел виновников его... Я должен сказать с гордостью, что все, что есть в классовом отношении сознательного в рабочем классе Петрограда, оно осталось верным идеям социал-демократии, в программе которой значится Учредительное собрание, как первый этап на пути демократии к народовластию и на пути к социализму». Вопрос: зачем, для чего сие было сказано? Ответ: для создания атмосферы нелегитимности самой советской власти! Вот оно начало атаки оппозиции действующей власти внутри УС. Не верите? Читайте выступление депутата Антипина: «Товарищи, эти сообщения (речь о расстреле демонстрации сторонников созыва УС, организованно-

го оппозицией советской власти в день начала его работы. — *Авт.*) для каждого честного сознательного пролетария должны быть заклеены позором. Товарищи, я полагаю, что товарищ Скобелев не ошибся, что каждый сознательный рабочий Петрограда будет возмущен той картиной, которая в действительности имела место на улицах Петрограда. Товарищи, я полагаю, что те, которые присвоили себе монополию над пролетариатом, это — обманщики, это — лжецы. Пролетарии могут только возмущаться тем, что творят они от имени рабочего класса. Это — предательство рабочего класса. Товарищи, я просил бы без прений принять предложение тов. Скобелева». То есть мы отчетливо видим, как противники советской власти приступили к реализации заранее немеченого плана по ее свержению. Не верите в сие утверждение? Что ж, обратимся к тексту отчета работы УС. Так, депутат Тимофеев начал вдруг натужно объяснять собравшимся после перерыва оппозиционерам роль и значение для народа России и революции слова «мир»: «Под знаком отрицания войны родилась русская революция, и Учред. собрание, детище этой революции, обязано первым словом своим сделать слово „мир“. Русская революция рождена отрицанием войны так же, как и требованием земли и воли, и мы здесь должны приложить все усилия к тому, что мир — это чаяние измученного, истомленного войной трудового населения не только одной России, наконец, стал бы фактом. Страна должна знать, что мы с первых шагов нашей деятельности приложили все усилия к тому, чтобы этот мир стал реальным миром, а не тем миром, за которым гонятся теперь. Может быть, на нашем пути будут тернии великие, может быть, мы будем то приближаться, то отдаляться от намеченной цели, но мы должны, начиная с сегодняшнего дня и до того момента, когда мир станет фактом, неуклонно на этом даже тернистом пути оставаться, не уходя с него ни при каких условиях». Славная программа действий, нечего сказать! Но погодите, вчитайтесь в последующий ход исторической мысли: «Россия народная, трудовая Россия и раньше никогда не хотела войны. Война была начата помимо ее стремлений, помимо ее желаний, помимо ее воли; не спрашивали тогда, когда начинали эту великую бойню культурных народов, когда столкнули между собой миллионы трудящихся. Тем более не может желать войны молодая революционная Россия, та Россия, где власть принадлежит трудящимся». И так далее, и тому подобное. С одной стороны,

ликбез, с другой — сплошная пиар-акция. Не верите? Пожалуй-ста, цитирую далее уже по третьей странице выступления незабвенного депутата Тимофеева: «Но я повторяю, что мы должны бороться за мир, ибо мир не дается без борьбы. Мир это не есть простое прекращение войны, мир это не механическое выхождение из рядов сражающихся, ибо, во-первых, такое выхождение во все не кончает борьбы вообще, а во-вторых, оно вовсе не гарантирует реализации тех идеалов, к которым мы стремимся. Нельзя братства народов добиться, оставляя эти народы без связи с собой (Интересно, а с кем это конкретно? — *Авт.*)... Нужно, чтобы война кончилась вообще (сама собой что ли? попросту издохла бы? — *Авт.*), чтобы действительно был заложен фундамент такого существования (как, когда и кем конкретно? — *Авт.*), при котором возможна реализация наших стремлений (так, может быть, с них то и надо было начинать? — *Авт.*). Невозможен мир только для нас одних в семье сражающихся теперь между собою народов (Тогда совсем непонятно, о ком именно собирались хлопотать собравшиеся миротворцы из УС? — *Авт.*)... И в данном случае Учредительное собрание, детище русской революции, должно стать на ту точку зрения, которую с самого начала русская революция себе и усвоила: мир должен быть всеобщим, мир должен быть демократическим, и только совместными усилиями трудящихся всех стран мы этого мира и можем достичь (Но сначала созовите объединенное УС всех стран, если, конечно, сможете. — *Авт.*)». Между прочим — это уже 5-я страница выступления депутата Тимофеева, которое по времени произнесения, вероятно, укладывалось в отрезок не менее получаса или более того. Теперь уже на 7-й странице выступления тов. Тимофеева читаем такое откровение: «Прекращение братоубийственной гражданской войны — первое средство к тому, чтобы были ускорены и были более успешны наши шаги к миру и там, на границах нашей республики (Интересно, а разве ваши действия, товарищ депутат, а точнее — бездействия, не вели ли тогда объективно к интенсификации упомянутой вами войны? — *Авт.*). Но вместе с тем мы сегодня твердо должны принять все наследство, которое нам оставило революционное прошлое. Все эти идеи, идеи нашего демократического мира без победителей и побежденных, идея объединения всех трудящихся посредством созыва их конференции на основе той же самой формулы русского мира, наконец, наша идея, русская идея Парижской

конференции, — все они должны быть нами приняты и реализованы (Не напоминает ли сие речение незабвенного Манилова из „Мертвых душ“? — *Авт.*)... Одновременно с этим (а это уже 9-я страница выступления тов. Тимофеева — *Авт.*) мы полагаем, что Учредительное собрание должно взять на себя инициативу созыва Стокгольмской конференции. Здесь нам нечего склоняться (конечно, зачем сие склонение нам, великим революционерам всех времен и народов! — *Авт.*) перед нормами парламентского права. Парламентское право, может быть, с научной точки зрения и не признает правильным, чтобы совещания отдельных партий или классов делались по призыву общегосударственному, но мы, детище революционной России, и мы, Учредительное собрание, — не обычный парламент, действующий в нормальных условиях. Мы действуем в огне революции, и пусть наши решения будут тоже огненны и тоже революционны (Здесь, видимо, было бы очень уместно троекратное «Ура, товарищи!». — *Авт.*)... Мы должны с сегодняшнего дня и впредь вопросы мира сделать нашим обычным занятием (Между прочим, уже 10-я страница выступления великого социалиста-революционера! — *Авт.*). Изо дня в день мы должны иметь их в поле нашего зрения и ежедневно должны их практически разрешать. Тайной дипломатии у нас быть не может. Мы открыто должны выступать перед лицом всех народов России (Эх, телевизор бы вам, товарищ, как в 1989 году, когда проходил Первый съезд народных депутатов СССР. — *Авт.*), и все, что делается нами по пути заключения мира, все нами оглашаемо здесь. Вся страна должна знать о наших шагах в этом направлении (А не прообраз ли это перед нами выступлений будущего генсека Горбачева М. С.? — *Авт.*)... Граждане, я верю, что Учредительное собрание встанет на этот путь, на путь Интернационала, на путь трудящихся всех стран (конец 11-й страницы выступления могучего оппозиционера советской власти. — *Авт.*)». Ну, каково оно? Да, сегодня можно смеяться над процитированным выше выступлением Тимофеева, но тогда, в обстановке хаоса и неразберихи, такую речь, честно говоря, можно было бы квалифицировать только как враждебную России, как ведущую ее объективно только к гибели. А кроме прочего, Тимофеев сумел-таки «лягнуть» деяния большевиков по части установления мира в то катастрофическое время: «Нечего нам закрывать глаза и на то, что угроза сепаратного мира нависла над Россией. Этот мир грозит ей, и я не знаю, не

заклучен он уже сейчас, в момент, когда я говорю. В этом направлении уже разыгрались страшные аппетиты. Мы знаем требования, которые предъявляются уже со стороны наших противников. Мы знаем, что народы Латвии, Литвы и Польши находятся в руках германцев...» Вот так, «мы (славное большинство УС) не допустим удовлетворения их (германцев) аппетитов». Иначе говоря, Тимофеев и его единомышленники с позиции современности производят впечатление совсем невменяемых персон, которым бы в лечебнице быть, а не в стенах Таврического дворца речи разводить. Далее слово взял депутат Мамкин, чья речь удивительно напоминает сегодня речи депутатов из рабочих и крестьян, звучавших в 1989 году с трибуны Первого съезда народных депутатов СССР: «Товарищи, граждане, члены Учредительного собрания! Меня уполномочила группа крестьян, чтобы я сделал здесь от ее имени заявление. Заявление это я должен сделать только потому, что, как я сам крестьянин, так и товарищи-крестьяне обязаны сделать только потому, что первый голос низов должен быть услышан свободной демократической Россией. Раньше нам, товарищи, законы составлялись верхами, а теперь трудовое крестьянство и рабочие требуют, чтобы законы создавались с низов. Мы, крестьяне фракции с.-р., честь имеем высказать Учредительному собранию о мире и земле, и из Таврического дворца не выйдем, пока не кончим закона о мире и земле... Товарищи, я помню, когда говорят о Вавилонской башне, которую строили, и когда помешали ихние языки, то им пришлось отступить и ничего не сделать. Теперь, товарищи, нам придется всем, кто говорил: „братья, народ“, нам придется всякому, кто говорил: „мы — защитники крестьянства“, нам придется сказать всем, что все эти защитники должны сказать: мы должны разрешить здесь, в этом зале, самые злоющие вопросы и не выходить отсюда до тех пор, пока мы не разрешим вопроса о войне и мире. Когда мы разрешим его и когда мы увидим от своей работы плоды, то я думаю, товарищи, мы легко вздохнем. А пока эта война у нас на шее, пока у нас крестьянство стонет в этих лачугах, где теленок и ягненок сейчас находятся там вместе, и поэтому они стонут, они ждут от нас свободы и нового устройства государства на демократических и федеративных началах. Заканчиваю свою речь, товарищи: довольно нам уже грызться, нужно приступить не к разрушению, а к созиданию свободной Российской демократической федеративной республики».

Что ж, неплох, конечно, сей призыв, но, видимо, сказано он попусту или зазря. Почему? А потому, что вслед Мамкину слово взял уже депутат Раскольников: «Фракция большевиков, членов Учредительного собрания, уполномочила меня и товарища Лобова огласить нижеследующую декларацию: „Громадное большинство трудовой России — рабочие, крестьяне, солдаты — предъявили Учредительному собранию требование признать завоевания Великой Октябрьской революции — советские декреты о земле, мире, о рабочем контроле и прежде всего признать власть Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет, выполняя волю громадного большинства трудящихся классов России, предложил Учредительному собранию признать для себя обязательной эту волю. Большинство Учредительного собрания, однако, в согласии с притязаниями буржуазии, отвергло это предложение, бросив вызов всей трудящейся России. В Учредительном собрании получила большинство партия правых социалистов-революционеров, партия Керенского, Авксентьева, Чернова. Эта партия, называющая себя социалистической и революционной, руководит борьбой буржуазных элементов против рабочей и крестьянской революции и является на деле партией буржуазной и контрреволюционной. Учредительное собрание в его нынешнем составе явилось результатом того соотношения сил, которое сложилось до Великой Октябрьской революции. Нынешнее контрреволюционное большинство Учредительного собрания, избранное по устаревшим партийным спискам, выражает вчерашний день революции и пытается стать поперек дороги рабочему и крестьянскому движению. Прения в течение дня показали воочию, что партия правых социалистов-революционеров, как и при Керенском, кормит народ посулами, на словах обещает ему все и вся, но на деле решила бороться против рабочих, крестьянских и солдатских советов, против социалистических мер, против перехода земель и всего инвентаря без выкупа крестьянам, против национализации банков, против аннулирования государственных долгов. Не желая ни минуты прикрывать преступления врагов народа, мы заявляем, что покидаем это Учредительное собрание с тем, чтобы передать советской власти от депутатов окончательное решение вопроса об отношении к контрреволюционной части Учредительного собрания». Ну что, доигрались, демократы рафинированные? Кричите,

протестуйте теперь, сколько хотите! Вместо умного и заинтересованного разговора получили лишь *полный раскол*. Впрочем, была еще одна попытка со стороны отдельных представителей советской власти удержать правое большинство УС в русле взаимодействия с нею. Так, депутат Штейнберг обратился к противникам большевистской власти с такими словами: «Товарищи и граждане, фракция левых с.-р. в этот час поручила мне сделать следующее заявление... Учредительное собрание должно выяснить сразу свое отношение к той программе, которую трудовая Россия уже выработала и осуществляет каждый день. Речь идет о программе ЦИК с.-р. и с.-д. Но, несмотря на то что перед очами всей трудовой России встал наш спор, наш великий социально-политический спор, наша вековечная тяжба, несмотря на то что в стране прекрасно знают, что отделяет правый сектор от левого, несмотря на это, мы полагали, что Учредительное собрание перед лицом страны должно выявить свое социально-политическое лицо. Но Учредительное собрание, в лице его правого большинства, уклонилось сегодня от этой задачи... Мы считаем, что этим отклонением постановки вопроса на обсуждение правое большинство Учр. собр. ясно и недвусмысленно сказало стране — мы не с советами, мы против советов, мы хотим строить какую-то собственную государственную машину, которая своим смертоносным острием будет направлена против завоеваний народной революции. Но, несмотря на то что в этом основном политическом вопросе мы совершенно согласны с товарищами большевиками, членами Учр. собр., мы делаем еще последний шаг, мы говорим: вы, правая половина нашего Учр. собр., вы сделаете все, чтобы перехитрить народ, и в этом вопросе вы будете говорить, что вы уклонились по формальным причинам, вы будете говорить, что вы не были против программы советской власти, вы будете говорить, что у вас была такая же программа, но что вы хотели ее разобрать, по формальным причинам, по-своему, по-иному. Не желая давать вам в руки, правая половина Учредительного собрания, этого оружия, не желая давать вам этой возможности в последний раз затемнить сознание трудовых масс нашей страны, мы делаем последний шаг, мы говорим: вы уклонились выяснить свое отношение к целой программе; так будьте добры сегодня, не расходясь, в этом зале выяснить ваше отношение к иностранной политике, политике войны и мира, которую ведет наша советская власть. Мы

вам ультимативно предлагаем ту часть резолюции ЦИК, которая касается политики мира нынешней советской власти. Мы вам открыто говорим: если вы стоите за советскую власть, если вы признаете все трудовые завоевания Октябрьской революции, вы не посмеете идти против этого пункта, который я сейчас оглашу. Но если вы пойдете против этого пункта, если вы будете уклоняться, если вы захотите передавать его в комиссию, если захотите отложить вопрос на завтра, на другой день, мы это будем считать явным нежеланием ответить на основной вопрос, поставленный перед нынешним составом Учредительного собрания фактом Октябрьской революции. Мы на это посмотрим как на желание уклониться не только уже по формальным мотивам, которыми вы будете потом затемнять, затуманивать сознание русского народа, а будем смотреть, как на уклонение от разрешения вопроса Октябрьской революции по существу. Мы слышали по вопросу о войне и мире повторение старых жалких слов. Мы видим ту же лживую идеологию, те же лживые дипломатические проволочки, мы говорим: советская власть станет выше всех этих старых припевов. Имейте мужество сегодня, не выходя из этого зала, ответить на это, потому что вы тоже поставили этот вопрос: присоединяетесь ли вы целиком и безоговорочно к той политике мира, которую ведет нынешняя советская власть, или вы от нее отказываетесь?.. Вот почему мы вам сейчас предлагаем принять безоговорочно тот пункт резолюции Центрального исполнительного комитета, который гласит следующее: „Выражая непреклонную решимость вырвать человечество из когтей финансового капитала и империализма, заливших землю кровью в настоящей преступнейшей из всех войн, Учредительное собрание всецело присоединяется к проводимой советской властью политике разрыва тайных договоров, организации самого широкого братания с рабочими и крестьянами воюющих ныне между собой армий и достижения, во что бы то ни стало революционными мерами демократического мира между народами, без аннексий и контрибуций на основе свободного самоопределения наций“. Мы предлагаем сегодня, не выходя из этого зала, принять внесенную фракцией левых эсеров резолюцию. Если эта резолюция будет отвергнута, то не только для фракции левых эсеров, но и для всей народной массы русской республики будет ясно, каков состав нынешнего Учредительного собрания и что ей следует оторваться от нынешнего состава Учреди-

тельного собрания». И что же правое большинство? От его имени первым слово взял депутат Ельяшевич: «Мы считаем ниже достоинства Учр. собр., чтобы кто бы то ни был говорил с ним языком угроз. Мы знаем, вы говорили об этом достаточно откровенно, что у вас уже все предreshено, что вы, опираясь на штыки, хотите совершить величайшее преступление против верховной воли самого народа (Во как, „верховная воля народа“! А разве такая бывает на самом деле или это только лукавая фигура речи? — *Авт.*). Но мы считаем, что единственный достойный народов России путь следующий: по всем вопросам должны быть вынесены решения, практические решения (Интересно, а что такое не практические решения? — *Авт.*), ясные и определенные (А что, бывают и неопределенные решения? — *Авт.*), и мы сами (А присоединяться самим к уже провозглашенному нельзя что ли было? — *Авт.*) намереваемся и считаем необходимым: поменьше слов, побольше дела (Так ваши слова — это и есть ваши дела, товарищи! — *Авт.*). Мы сами будем поддерживать, чтобы без прений была принята наша резолюция о мире. Да, мы сторонники всеобщего демократического мира, фактического мира, а не громких слов (так ведь это и есть они — громкие слова. — *Авт.*), не слов о священной революционной войне, с одной стороны, и принятия всех ультиматумов империализма — с другой. Мы предлагаем перед лицом всего русского народа те наши резолюции, которые были оглашены здесь членом Учредительного собрания Тимофеевым; мы говорим, что мы считаем, что фактически сейчас Совет Народных Комиссаров ведет Россию к позорному сепаратному миру, а Учред. собрание... Вы просили ясного и определенного ответа, получайте его... Я говорю, что мы предлагаем, чтобы Учредительное собрание сейчас объявило от имени народов России о том, что установившееся перемирие продолжается, чтобы оно приняло на себя ведение переговоров о всеобщем мире. Посмейте сказать, что это не правильный путь, посмейте сказать, что это не единственный путь. Я скажу больше: мы предлагаем немедленно избрать полномочную делегацию (Опять очень похоже на Первый съезд народных депутатов СССР, где по любому трудному случаю избирали, избирали... — *Авт.*), которая осуществит (а вы все, оставшиеся за ее пределами, в кусты что ли? — *Авт.*) все это на деле (на каком именно и почему именно? — *Авт.*)...» Но неужели никто так и не посмел сказать, что выбранный правыми эсерами путь установле-

ния мира не есть самый правильный или единственный? Вот, например, рядовой член Учредительного собрания Григорьев думал иначе: «Товарищи, я давно взял слово по вопросу о мире, и буду говорить, как солдат, как рядовой солдат, который два года с половиной... мир во что бы то ни стало; предложим союзникам, ежели не примут, ежели не поймут... Если они не пошли, заключим сепаратный мир. Я буду говорить, товарищи, сам от себя. Мы, русские, захватив шестую часть земного шара, разве мы можем сказать, товарищи, что мы не заключаем мира лишь потому, что германец у нас сколько-нибудь возьмет?..» То есть были, были иные голоса и внутри правой оппозиции. А вот и попытка хотя бы уже вдогонку к ушедшим большевикам разговора на сущностные темы. Член УС Трояновский: «Нам предлагали вопрос о мире включить в другие вопросы, и в общей сумме, в виде той декларации, которая была предложена здесь, принять. Мы так поступить не могли. Мы считали и считаем себя обязанными рассмотреть этот вопрос и поставить его во всей полноте. И не уклоняемся от ответа на этот вопрос. От ответа на этот вопрос уклоняются те, кто покинул зал нашего заседания, потому что от них, от тех, которые ушли, мы ждали выяснения основ той политики, к которой безоговорочно нас здесь приглашают присоединиться. Мы не знаем основ этой политики, мы не знаем до сих пор тех принципов, которые руководят этой политикой (Так почему же сразу не спросили о них? — *Авт.*). Мы хотели это узнать, мы хотели услышать соответствующие слова (что-то этого совсем не было заметно. — *Авт.*), и мы их не услышали, нам ответа на этот вопрос (так и не прозвучавший. — *Авт.*) здесь не дали. А вместе с тем все это играет первенствующую роль (Во молодцы какие! но почему же тогда они отклонили вопросы с большевистской и левозероградской декларациями, а? — *Авт.*). Мы должны учесть опыт этих двух месяцев, мы должны принять во внимание направление той политики, которая проводилась здесь в течение двух месяцев (Так кто же мешал этому? — *Авт.*). Нам здесь развивали план социалистического преобразования, т. е., вернее, не развивали плана, а говорили о намерении построить социалистическое государство у нас, в России, и мы в праве, конечно, предположить, что эта социалистическая политика будет последовательно проведена и вынесена будет на международную арену. И здесь в этом вопросе о мире с полной ясностью выступают все те возможности, которые

имеются у нас в России для построения социалистического государства. Те, которые искренно говорят о необходимости теперь же начать строить царство социализма у нас, слепы (А вдруг нет, вдруг они лишь видят несколько дальше? — *Авт.*). Россия уже получила жестокий урок, и этот урок больно отзывается на всей русской революции (Интересно, а о чем здесь речь, неужели это о Февральской революции, которая так и не достигла ни одной серьезной цели? — *Авт.*). Даже русская демократическая революция не может успешно развиваться, будучи ограничена национальными рамками (Так почему же вы ее организовали лишь в национальных рамках, ведь не большевики же в самом деле заварили изначально февральскую кашу? — *Авт.*), социалистическая революция обязательно должна быть интернациональной (Ага, сами наломали дров, а теперь еще будете и другим указывать, как им следует поступать? — *Авт.*)». То есть противники большевиков и левых эсеров, продемонстрировав собственную беспомощность в деле практической политики или политики в период обладания властью в стране, посчитали, что их конкуренты по революционному движению также ничего не смогут сделать в национальных рамках. На этом основании они заранее обвинили их в авантюризме и в утопизме. Могла ли власть большевиков и левых эсеров вести подробные дискуссии о возможностях и смыслах социалистического строительства в России с совсем уж беспомощными своими политическими оппонентами? Почему беспомощными? Да хотя бы потому, что они находились в плену теоретических построений, не имевших никакой реальной перспективы. Завершая свое выступление, Трояновский пустился в пространные рассуждения о роли УС: «Та борьба против Учредительного собрания, примеры которой мы видели уже сегодня, вредит делу заключения немедленного демократического мира. Только Учредительное собрание может выступить с достаточным авторитетом, от имени всех народов России, и перед лицом союзных империалистов. Только Учредительное собрание будет иметь достаточно силы, чтобы сплотить всю революционную демократию России и объединить все народы России, создав единую, всей Россией признаваемую, власть (Так ведь для этого вам следовало бы всерьез начать, прежде всего, переговоры с властью Совета Народных Комиссаров, а не изображать из себя благородное собрание, которое не считает для себя нужным и даже возможным спорить с уже

действующей властью; иначе говоря, способность „сплотить всю революционную демократию России“ проверялась тогда именно через проявление способности вести с большевиками и левыми эсерами подробную дискуссию о главных целях самой революции в России, чего совсем и не было. — *Авт.*) Поэтому тот, кто борется против Учредительного собрания, на деле борется против заключения всенародного демократического мира (Так ведь именно вы, господа правая оппозиция, и сделали ровно то, что и должно было остановить деятельность самого УС; другими словами, всемерно избегая дискуссии с большевиками и левыми эсерами в рамках УС, оппоненты советской власти и совершили сами акт пресечения его же работы. — *Авт.*)... Здесь мы слышали уже от представителей Украины, что они признают правомочным для ведения мирных переговоров от имени всей России тот орган, который будет создан Учредительным собранием (Конечно, украинская делегация быстро сообразила, что такой орган, скорее всего, образован не будет, а значит, и руки также вполне развязаны будут для выхода из состава России. — *Авт.*) Мы слышали уже и от немецких империалистов заявление, что они чувствуют себя в затруднительном положении, ведя переговоры с отдельными представителями отдельных областей России, потому что Россия не имеет одной, всеми ее областями признаваемой власти (Так ведь так сложилось изначально, еще в марте 1917 года, когда под давлением именно буржуазной революции в России рухнула ранее какая-никакая, но все-таки легитимная самодержавная власть; поэтому именно революционная буржуазия и породила буржуазный же в своей сути национализм. — *Авт.*) Та власть, которая господствует в части революционной России, власть Совета Народных Комиссаров, не признается Украиной, не признается Кавказом, не признается Сибирью... И эта власть, конечно, ведя переговоры только с империалистами, не может завершить дело демократического мира (Так ведь большевики натужно искали им доступный мир, а не некий эфемерный — демократический! — *Авт.*) Точно так же и по отношению к нашим союзникам, в настроении правительственных кругов которых в настоящее время происходит сдвиг, главнейшим препятствием для того, чтобы этот сдвиг принял конкретные формы и привел к заключению демократического мира, является опять-таки отсутствие авторитетной (Так ведь всякий авторитет еще надо тяжело наработать. — *Авт.*) демократи-

ческой власти у нас в России. И такую демократическую власть должно и может создать только Учредительное собрание (Опять рассуждение о недостижимом в принципе. Почему? Да потому, что для этого надо было поступиться собственными ложными принципами и признать свою важную, но все равно вспомогательную роль во власти, чего ну очень правой оппозиции совсем не хотелось. — *Авт.*). Только Учредительное собрание в состоянии заключить демократический мир (А просто мир вас, господа революционеры, не устраивал никак? — *Авт.*). Все вопросы русской жизни, все вопросы международной политики и судьба дела мира тесно связаны с судьбой Учредительного собрания (Да, пожалуй, что это так было; с другой стороны, и без УС, как показала история, жизнь в России не прекратилась, вплоть до XXI века. — *Авт.*). Русская революция и в области внешней политики, и в области внутренней политики восторжествует через демократию, через Учредительное собрание, или совсем не восторжествует (ну, ежели говорить о ее буржуазном варианте, то, может быть, оно и так. — *Авт.*)».

Как мы видим, противники большевиков и левых эсеров много слов изрекли в части уверений о важности и насущности УС. С другой стороны, они же сделали все возможное и невозможное для того, чтобы проигнорировать своих оппонентов по революционному движению, а значит, именно они, прежде всего, и несут историческую ответственность как за гибель УС, так и за развязывание полномасштабной Гражданской войны в России. А вот и совсем конкретный плод сильно демократического УС. Депутат Сельма: «От имени эстонских трудовиков и представителей эстонского демократического (читай националистического. — *Авт.*) блока в Учредительном собрании по вопросу о мире имею честь сделать нижеследующее заявление: ...Великая беспримерная по жестокости в истории война провозгласила великий и священный принцип самоопределения народов, тем самым желая положить конец (или все-таки начало? — *Авт.*) решению национальных вопросов в будущем кровью и железом, а посему мы требуем (вот как, они уже требуют! — *Авт.*) с полным сознанием справедливости этого требования, чтобы вопрос о наших островах был решен всем эстонским народом свободно, в национальном Учредительном собрании Эстонии (Прямо как на Первом съезде народных депутатов СССР! — *Авт.*), выборы в которое состоятся в ближай-

шее время, и собраться которое должно не позже 15 февраля с. г. Такова воля всех групп и политических партий эстонского народа, принимающих участие в выборах национального Учредительного собрания. Эстонский народ убежден, что не будет никакого стороннего посягательства на наше Учредительное собрание, и оно вполне свободно и суверенно определит международное положение Эстонии в семье других (интересно, а каких именно? — *Авт.*) свободных стран и народов (Ну что, господа учредители, получили свой единственный и очень демократический плод? — *Авт.*)». Мало не показалось? Ну тогда вкусите еще и такое дополнительное блюдо от УС. Депутат Гольдман: «Лифляндия и Латвия органически разрушаются дезорганизованными остатками российской армии, переживая ужасы, которые едва ли видели во времена Иоанна Грозного. Значительные массы латышей стонут в тяжелой доле беженцев. От разрешения судьбы Латвии в связи с вопросом о заключении мира зависит многое и многое для всех народностей России, ныне вышедших на широкий путь самоопределения. Германия стремится захватить наши земли и при заключении мира захочет удержать по крайней мере Курляндию и Ригу. Для нас это стремление вполне понятно. Владение берегами Курляндии и мировыми гаванями — Ригой, Либавой, Виндавой обеспечило бы для Германии полное обладание Балтийским морем и всем прилегающим Ингерманландом, составляющим широкую полосу русской земли (Интересно, а к чему сие упоминание? — *Авт.*). Вопрос о Латвии стал вопросом международным (А это зачем сказано? — *Авт.*). При разрешении вопроса о судьбе Латвии никто не имеет права идти на уступки. Курляндия и Рига должны быть освобождены (А кем именно? — *Авт.*). Мира страстно ждет и латышский народ (А чего ждать-то, освобождаться следует самим, ежели считаете себя свободными! — *Авт.*), но не стремится он к миру, могущему похоронить его, предварительно разорванного на части. Он желает мира, дающего ему свободное процветание (Ну, мало ли кто и чего желает, важно все-таки самим постараться что-то сделать для достижения вожеленного! — *Авт.*)». Вот так, еще один националист, пардон, демократ образовался на славной ниве УС России. Теперь обратим свой взор в зал и послушаем еще одного страстного поклонника идеи УС. Депутат Давидович-Львович: «Товарищи и граждане, члены Учредительного собрания. В этот великий час, который переживает страна, который пе-

реживают все народы, населяющие Россию, необходимо, чтобы с этой трибуны был услышан и голос еврейского пролетариата (а что, такой разве существовал? — *Авт.*). Товарищи и граждане, еврейское население (вот это уже ближе к реальности! — *Авт.*) жаждет мира; быть может, ни один народ в России так не пострадал (Ну, конечно, самый страдающий народ в мире это, конечно, евреи, кто же этого не знает. — *Авт.*), как пострадало еврейское население. Оно страдало не только от нашествия врага, оно страдало от тех насилий, которые над ним чинило царское правительство, разоряя, угнетая, разбрасывая его (Так ведь вы, братцы, ему за это вполне отомстили, что теперь-то считается! — *Авт.*). Еще более того, еврейские солдаты ведут в полном смысле братоубийственную войну, потому что еврейские солдаты России убивают своих же братьев в Галиции, Германии и Турции (А не своих, значит, уже и не жаль совсем, что ли? — *Авт.*). Это создает для еврейских масс великую жажду мира (Ну, конечно, жажда мира у нееврейских народов совсем и не жажда вовсе выходит; ну прямо мания величия какая-то получается. — *Авт.*). Но, товарищи и граждане, я вас спрашиваю, даете ли вы гарантию того, что тот мир, который тут предлагается фракцией левых с.-р., приостановит братоубийственную войну, что еврейский пролетариат, еврейский солдат в Галиции, Германии и Турции не будет брошен в братоубийственную войну на Западный фронт, даете ли вы гарантию в том, что еврейские пленные, находящиеся в Галиции и Германии, не будут переброшены с другими пленными на Западный фронт для продолжения братоубийственной войны? Разве у вас есть эта гарантия при такой постановке вопроса? Конечно, нет (А у вас, гражданин еврейский депутат, была ли гарантия достижения всеобщего мира в рамках УС? — *Авт.*)... И кроме того, ведь тот мир, который нам предлагается сейчас, ведь он, насколько мы знаем, в последнюю минуту выдает с головой все население оккупированных провинций, в том числе, конечно, и еврейский пролетариат (Опять нечто странное! — *Авт.*) Литвы и Польши — очаг, где развивался и боролся еврейский пролетариат, отдает теперь в руки империализма в тот момент, когда он мог бы с восторгом воссоединиться с еврейским пролетариатом России (А потом, в будущем, с еврейским пролетариатом Израиля? — *Авт.*) и со всем российским пролетариатом, вместе с которым он в течение десятилетий боролся за эту общую цель, за великую цель, которой мы до-

стигли, за это самое Учредительное собрание (Но разве УС всего лишь не средство строительства новой жизни? — *Авт.*). Я считаю необходимым поддерживать обращение ко всем народам с призывом к немедленному заключению мира в международном масштабе, и я считаю великим предложением, чтобы Учредительное собрание обратилось к социалистическим партиям всех стран. Они этого ждут (Ну и что из этого, ведь они не обладали тогда никакой властью, а значит, их влияние на решение поставленного вопроса в те дни явно не хватало! — *Авт.*)... Социалистические партии всего мира, я убежден, ответят с восторгом (разве что с восторгом. — *Авт.*) на это предложение Учредительного собрания созвать весь Интернационал для обсуждения вопросов мира, для того, чтобы положить конец этой кошмарной братоубийственной войне... И вот, в силу того... что единственный путь к этому миру — это тот путь, который был тут предложен, путь обращения Учредительного собрания ко всем народам, ко всем социалистическим партиям для созыва международной социалистической конференции, чтобы положить конец братоубийственной войне, я от имени объединенной еврейской социалистической рабочей партии присоединяюсь к предложению фракции социалистов-революционеров». То есть великие или даже очень великие еврейские социалисты, не желая договариваться с большевиками и левыми эсерами как коллегами по УС, решили вдруг, что смогут легко договориться с западноевропейскими социалистами. Что тут скажешь? Блажен, кто верует! Так ведь противники большевиков и левых эсеров по УС боролись тогда вовсе не за мир во всем мире, они на самом деле хотели лишь взять верх над своими оппонентами, чего опять же не могли сделать в силу присущей им субъективности восприятия существа происходивших тогда событий. Фактически прекращая попытку левых эсеров достучаться до сознания правого большинства УС, прощальное внеочередное слово взял депутат Карелин: «То положение, которое сейчас создается, ясно говорит, что большинство Учр. собрания пользуется тем, что совершенно случайно, благодаря тому, что самая техника выборов не позволила ломать избирательные списки в тот момент, когда комбинация политических сил в стране коренным образом изменилась, в Учредительном собрании совершенно искусственно создалась такая комбинация, которая ни в какой мере не отражает действительного соотношения сил в стране. Учр. собрание

не является ни в коем случае отражением настроения и воли трудящихся масс, вследствие чего большинству Учр. собрания предстоит задача, пользуясь своим официальным положением, стать на путь борьбы с советской властью, утвержденной в огне Октябрьской революции. Мы считаем, что такое положение является совершенно нетерпимым, мы считаем, что дальнейшее наше участие здесь в качестве хотя бы присутствующих в данном заседании после того, как большинству Учр. собрания предстояло принять немедленное решение по вполне определенно поставленному вопросу, по которому все уже ораторы записались в очередь, это наше участие можно квалифицировать как покрытие того греха, который совершило, по нашему крайнему разумению, правое большинство Учред. собрания. И поэтому мы уходим, удаляемся из этого собрания».

Да, горько читать сегодня сию отчаянную речь, которая открывала уже иную возможность — возможность исключительно кровавой борьбы за торжество имевшихся тогда взглядов, воззрений и идеалов. И вот финал (4 часа утра 6 января 1918 года) заседания УС. Слово берет председатель УС: «Позвольте огласить „Проект основного закона о земле“, внесенный фракцией социалистов-революционеров».

О З Е М Л Е

1. Право собственности на землю в пределах Российской республики отныне и навсегда отменяется.
2. Все находящиеся в пределах Российской республики земли, со всеми их недрами, лесами и водами, составляют народное достояние.
3. Распоряжение всей землей с ее недрами, лесами и водами принадлежит республике в лице ее центральных органов и органов местного самоуправления, на основаниях, установленных настоящим законом.
4. Самоуправляющиеся на государственно-правовых началах области Российской республики осуществляют свои земельные права на основаниях сего закона и в согласии с федеральной конституцией.
5. Задачи государственной власти в области распоряжения землей, недрами, лесами и водами составляют: а) создание условий,

благоприятных для наилучшего использования естественных богатств страны и для наивысшего развития производительных сил; б) справедливое распределение всех естественных благ среди населения.

6. Права лиц и учреждений на землю, недра, леса и воды осуществляются только в форме пользования.

7. Пользователями земель, недрами, лесами и водами могут быть все граждане Российской республики, без различия национальностей и вероисповеданий, и их союзы, а равно государственные и общественные учреждения.

8. Земельные права пользователей приобретаются, осуществляются и прекращаются на началах, установленных настоящим основным законом.

9. Принадлежащие ныне отдельным лицам, союзам и учреждениям земельные права, поскольку они противоречат сему закону, отменяются.

10. Отчуждение в народное достояние земель, недр, лесов и вод, находящихся ныне у лиц, союзов и учреждений на право собственности или ином вещном праве, производится без выкупа...»

Вот он, «могучий» итог многочасовой «работы» УС. И стоило ли так отчаянно сопротивляться аналогичным положениям деклараций большевиков и левых эсеров, которые вполне смыслом своим совпадали с предложенным выше проектом закона о земле? И потом, ведь благодаря именно большевикам, решительно пришедшим к власти, и случилась, наконец-то, сама возможность созыва и заседания УС, которой в иное «славное» революционное время почему-то так и не возникло вовсе. Иначе говоря, правое большинство УС решило присвоить себе всю полноту власти в России, из-за чего и пустилось, как говорится, «во все тяжкие». Имело ли оно основания для этого? С одной стороны, конечно, имело, но с другой — не совсем, ведь именно большевики тогда определяли «революционную погоду», ведь именно они совершали в ту пору невиданные доселе социальные преобразования. Поэтому поведение правого большинства УС, конечно же, было *провокационно и вызывающе*. Другими словами, большинство УС пыталось демонстративно подчинить себе и большевиков, и левых эсеров, полагая в этом свой великий демократический долг. Эти люди ни на минуту не пробовали поставить себя на место противной сторо-

ны и спрогнозировать ее ответ себе же. Тем самым именно они в первую голову и обрекли как себя, так всю Россию на братоубийственную Гражданскую войну. Поэтому не иначе как насмешку воспринимаешь ныне последний закон УС.

О М И Р Е

«Именем народов Российской Республики Всероссийское Учредительное собрание, выражая непреклонную волю народа к немедленному прекращению войны и заключению справедливого мира — обращается к союзным с Россией державам с предложением приступить к совместному определению точных условий демократического мира, приемлемых для всех воюющих народов, дабы представить эти условия от имени всей коалиции государствам, ведущим с Российской Республикой и ее союзниками войну. Учредительное собрание исполнено непоколебимой уверенностью, что стремление народов России к прекращению губительной войны встретит единодушный отклик в народах и правительствах союзных государств и что общими усилиями достигнут будет скорый мир, обеспечивающий благо и достоинства воюющих народов. Выражая от имени народов России сожаление, что начатые без предварительного соглашения с союзными демократиями переговоры с Германией получили характер переговоров о сепаратном мире, Учредительное собрание, именем народов Российской Федеративной Республики, продолжая установившееся перемирие, принимает дальнейшее ведение переговоров с воюющими с нами державами на себя, дабы, защищая интересы России, добиваться (но все-таки не добиться с гарантией приемлемого результата. — *Авт.*), в согласии с волей народной, всеобщего демократического мира... Учредительное собрание постановляет избрать из своего состава полномочную делегацию для ведения переговоров с представителями союзных держав и для вручения им обращения о совместном выяснении условий скорейшего окончания войны, равно как и для осуществления решения Учредительного собрания по вопросу о мирных переговорах с державами, ведущими против нас войну. Данная делегация имеет право под руководством Учредительного собрания немедленно приступить к исполнению возложенных на нее обязанностей. В состав делегации предлагается избрать представителей различных фракций на пропорциональных началах».

Здорово, да? Большевиков и эсеров с их 146 голосами, как говорится, по боку, игнорируем просто. Кроме того, забываем легко о том, что переговоры с немцами от имени Совета Народных Комиссаров уже идут и даже достигнуто с ними какое-никакое, но все-таки перемирие. Ну не безумие ли это? Разве подобное поведение могло где-либо кончиться благополучно? Ну и, конечно, венец всего заседания УС.

О ГОСУДАРСТВЕННОМ УСТРОЙСТВЕ

«Именем народов, государство Российское составляющих, Всероссийское Учредительное собрание постановляет: Государство Российское провозглашается Российской Демократической Федеративной Республикой, объединяющей в неразрывном союзе народы и области, в установленных федеральной конституцией пределах, суверенные».

Ну как, нравится вам сие, читатель дорогой? Видимо, «неразрывный союз» в контексте суверенных народов и областей особенно бодрит тебя. Могла ли сия тирада иметь хоть какую-либо перспективу воплощения в действительности? Вряд ли. Так кто и зачем погубил УС на самом деле? Правильно, именно *правое большинство* как большинство вполне себе маниловского толка несет, прежде всего, ответственность за случившееся уже днем 6 января 1918 года, когда решение советской власти о прекращении работы УС стало известным миру. Да, можно сожалеть о случившемся в Таврическом дворце в начале января 1918 года, но состояние умов революционного большинства России не оставляло тогда ни единого шанса для другого сценария развития событий. Иначе говоря, *строптивная Россия* в одеждах Учредительного собрания не могла не прийти ровно туда, куда она и пришла, и всякие ее попытки построения *не русской по духу* России, конечно же, были обречены на поражение. Поэтому слова гражданина матроса, что он получил инструкцию, чтобы довести до сведения собравшихся, чтобы все присутствующие покинули зал заседания, потому что караул устал, были им сказаны как нельзя кстати. Впрочем, кто-то, возможно, заметит, что как раз Россия начала XXI века напротив вполне последовательно демонстрирует своего рода преемственность в части ключевых демократических идей УС, в частности,

имеет опять же демократическую Конституцию, принятую еще в 1993 году. Тем самым разговоры о невозможности западного пути для России выглядят ныне, мол, весьма неубедительно и даже архаично. Да, во многом сегодня Отечество наше подражает или, точнее, вяло пытается подражать Западу. Но, во-первых, еще не факт, что сие «славное» заимствование продолжится, сколь-нибудь долго, а во-вторых, Россия все настойчивей, все внятней начинает сопротивляться взятому в 1989–1991 годах *конформистскому курсу*. Другими словами, не могут подлинно русские люди жить ради рынка и ради наживы. Они, так или иначе, начинают собою же тяготиться, сами себя презирать. С другой стороны, без осознания существа собственной национальной жизни Отечество наше, конечно же, обречено будет пережить еще очень горькие дни. Но ведь без страдания, как известно, нет и крепкой учебы, как раз и могущей помочь всем нам выйти на достойный России путь. Но в чем же существо самой национальной идеи, в чем ее главный смысл? Неужели этот вопрос так и останется без ясного ответа? Что тут может выступить подсказкою? Кто-то скажет, что под знамя подлинно национальной идеи в России сможет встать всякий и даже из числа всех уже умерших, если бы они смогли вдруг воскреснуть. Таково должно быть ее основное качество или свойство. Поэтому-то внутри искомой национальной идеи должно содержаться нечто непреходящее или даже почти вечное. Что это может быть? Какое-то всечеловеческое благо? Пожалуй. Но не только. Без осознания Высшего начала и без отношения к нему названной выше национальной идеи, видимо, нет и быть-то не может! То есть без веры в Бога, без служения каждого из нас во имя торжества духа устроения праведного мира среди всех живущих на земле людей известная идея как своего рода путеводная звезда так и не восторжествует в уме русского человека. Поэтому только, во-первых, молитвенное искание ее, во-вторых, только опять же молитвенное воплощение уже найденного и понятого смысла и позволит обнаружить ее всякому во всей ее полноте как самый достойный для подражания пример личной и общественной жизни.

Небольшое размышление по ходу работы над книгой

Прошло почти полгода работы над новым, можно сказать даже научным, подходом к истории. Что следовало бы пометить в уже полученном результате? Много прочитано и много выписано исторических высказываний, оказавших ключевое влияние на ход и характер исторических событий. С одной стороны, выделенные автором настоящей книги речи лишь констатация последующих за ними решений, действий и результатов, с другой — они же составляют вполне отчетливое влияние и на сам характер последующих событий. Удались ли автору книги комментарии к ним? Об этом уверенно смогут судить, конечно же, только читатели книги. Но автору, в свою очередь, представляется, что в любом случае всякий читатель непременно заметит существование прямо роковой зависимости между сказанным и произошедшим впоследствии. Другими словами, не существует каких-либо исторических высказываний, которые бы так или иначе не влияли на ход истории. Почему? Да потому, что даже умолчание или неясность выраженной мысли влечет следствие. Почему? А потому, что подобное поведение позволяет уже другим и ясным словам не встречать помех и внятного сопротивления, а значит, позволяет им уверенно воплощаться в истории. Иначе говоря, принцип «в начале было слово» буквально торжествует в истории, не встречая никакой себе серьезной альтернативы. Поэтому только подлинное владение смыслами говоримого и слышимого есть главное достоинство любого исторического лица. К сожалению, сие свойство крайне редко встречалось в истории России, что и порождало в ней чуть ли не ежечасно всевозможные перипетии. Об этом весьма красноречиво и свидетельствуют уже написанные части предлагаемой к прочтению книги. Другими словами, *русская история — это история очевидной смысловой несуразицы*. Досадно сие? Еще как досадно. Но без уяснения сути этого печального феномена русской жизни невозможно будет и впредь рассчитывать на иное, скажем, благоприятное течение еще только грядущих событий русской истории. Так пожелаем же себе самим, дорогой читатель, наконец-то, извлечь непреходящие уроки из нашей сложной и противоречивой истории, дабы в будущем уже не повторять обреченно за другими простаками: хотели как лучше, а получилось как всегда!

Часть третья

Феномен Адольфа Гитлера — сущностный ответ большевизации России...

*22 июня 1941 года —
символ абсолютно предопределенного
и погибельного потрясения СССР*

Идея войны против России сама по себе весьма популярна, поскольку разгром большевизма должен принадлежать к числу самых важных дат в истории человеческой цивилизации...

*Министр иностранных дел
фашистской Италии граф
Галеаццо Чиано*

(Запись в дневнике 21.06.41 г.)

О чем повествует третья часть настоящей книги? Неужели в ней будет представлен уже давно известный взгляд на историю национал-социализма? Самому автору совсем не хотелось бы получить подобный результат, ведь его цель — выявление подлинной причины возникновения сего жуткого социального феномена, чья природа и роль все еще остаются непроясненными. Впрочем, кто-то заметит, что вопрос появления фашизма в истории человечества уже далеко в прошлом, а значит, и беспокоиться о нем и вообще вряд ли следует. Да, оно все, конечно, так, но... Впереди человечество, видимо, ожидает еще нечто

такое, от чего у многих легко могут и волосы на голове встать дыбом. Другими словами, не уяснив роль и значение разбираемого феномена, идти в будущее весьма рискованно. Почему? Да потому, что, например, Вторая мировая война, вызванная к жизни Гитлером, до сих пор содержит в себе предпосылки новых войн, так как она была лишь усмирена человечеством, но не была им совсем изжита или преодолена в самой своей основе. Об этом свидетельствует весь послевоенный опыт, в котором и поныне сохраняются предпосылки и для новых мировых потрясений. Какие именно? А горы новейших вооружений, разве они не доказывают сформулированное выше допущение? Другими словами, проблема фашизма и природы его сердцевины — национал-социализма так и остается донныне нераспознанной, а значит, и не снятой. Или фашизм побежден, но все еще жив, а может быть, и торжествует незримо в какой-то своей части. К чему, прежде всего, стремился фашизм объективно и всей своей сутью? Правильно — к уничтожению большевистской России. Удалось ли сие? Правильно, удалось вполне, только не сразу: не в 1941, а в 1991 году. Иначе говоря, СССР в борьбе с гитлеровским нашествием лишился значительной и лучшей части собственного народонаселения. В результате фашистского нашествия страна социализма медленно, но верно стала скатываться в сторону внутреннего перерождения и утраты всех значимых целей и смыслов собственного существования. Что и привело СССР впоследствии к скорой гибели. То есть фашизм с сущностной точки зрения, как это ни странно, одержалтаки над СССР полную и, может быть, даже окончательную победу. Почему? А потому, что *сверхзадача освобождения России от большевизма* сегодня решена. Точка. Но почему вдруг таким ненавистным оказался большевизм? Видимо потому, что именно он предстал в качестве крайне опасного и единственного конкурента за влияние на человечество. Для кого же? Вот уж вопрос, так вопрос! Принято думать, что прежде всего капиталисты и есть главные враги большевиков, так как последние лишают капитал самой основы его бытия. То есть большевики первым смыслом своего дела как раз и видели задачу ликвидации класса капиталистов, а также всех условий его возникновения в будущем. С другой стороны, всякий капиталист объективно стремится к выделению себя среди других людей как

наиболее значимого (важного) лица, от воли которого зависят многие судьбы. Другими словами, капитал — это вовсе не цель деятельности, как думают многие недалекие исследователи, капитал — это комплексное (системное) средство для обретения значимого смысла частного бытия. Впрочем, кто-то заметит, что только капитал дает человеку возможность свободной жизни, а значит, лишь он позволяет его обладателю стать вполне счастливым и продлить самого себя уверенно в обеспеченном потомстве. Что ж, спорить не будем, все так. Но разве справедливо думать (считать), что история человечества — это только очень сложная борьба за обладание материальным ресурсом? Ведь те же большевики никогда не стремились к личному обогащению (по крайней мере, их родоначальники), а значит, они вполне отчетливо выступили исторической альтернативой обозначенного выше дискурса истории. Иначе говоря, всякий полноценный (развитый) человек никогда не сводил и не сводит ныне свою жизнь к приумножению личного капитала. Поэтому теория, что миром правят только деньги (материальные ресурсы), оказывается уязвимой в своей основе. То есть человеческая история на самом деле имеет куда более сложные цели, чем просто борьба за территории и всевозможные ресурсы. Какие именно? А например, уже известный идеал построения коммунистического общества, в котором люди смогли бы стать подлинными братьями друг другу, а не конкурентами в борьбе за богатства. Да сей идеал, конечно же, труднодостижим, но зато он дает человеку достойную его очень сложную цель, ради которой ему действительно стоит жить. Тогда как борьба за потребление ресурсов земли ради их же возрастающего потребления ведет *гарантированно* к общей и неминуемой гибели. Поэтому-то и не случайно в стане противников большевиков и возник свой — фашистский (национал-социалистский) идеал сверхчеловека, господина людей, расы победителей и покорителей мира. Другими словами, не капиталисты выдумали и вооружили всем необходимым Гитлера, наоборот, это он пришел к ним как их же спаситель от возникшей «красной опасности». Да, мировой капитал, например в лице своего выдающегося представителя банкира Варбурга, весьма активно финансировал НСДАП (национал-социалистическую германскую рабочую партию) как до, так и после прихода ее к власти в Гер-

мании. И сие происходило не от нечего делать, сие делалось от непреходящего ужаса перед успехом большевиков в России, перед вполне реальной перспективой их поддержки трудовыми массами других стран. Поэтому Гитлер есть своего рода мессия наоборот, или мессия с большим и даже прямо-таки огромным отрицательным знаком. По-своему он и есть тот подлинный сверхчеловек, который в конце концов смог лично потрясти самые основы современного мира, смог показать подлинные цели сильных мира сего всему остальному человечеству во всей их наготу. С другой стороны, кто-то возразит, что Гитлер — это еще не весь германский национал-социализм. Но в данном случае фигура лидера названного выше социально-политического движения как никакая другая как до, так и после нее сопрягалась самой сутью своей с названным общественным явлением. Почему же? А потому, что именно Гитлер неотрывно контролировал его на каждом из его этапов — и даже в момент его решающего военно-политического поражения. Аналогичная картина усматривается и в случае итальянца Бенито Муссолини, который прошел очень схожий с Гитлером путь, но прошел его несколько, что ли пародийно или не совсем всерьез. Но попробуем обосновать выдвинутое выше утверждение. Для этого воспользуемся книгой самого Адольфа Гитлера «Моя борьба», а также биографией нацистского вождя в изложении Иоахима Феста. Но сначала процитируем фрагмент текста телеграммы германского министра иностранных дел Иоахима фон Риббентропа послу Германии в Москве графу фон дер Шуленбургу от 14 августа 1939 года (Известия. 1989. 15.08. № 228):

«Я прошу Вас лично связаться с господином Молотовым и передать ему следующее: Идеологические расхождения между национал-социалистической Германией и Советским Союзом были единственной причиной, по которой в предшествующие годы Германия и СССР разделились на два враждебных, противостоящих друг другу лагеря... Период противостояния во внешней политике может закончиться раз и навсегда; дорога в новое будущее открыта обеим странам... Жизненные пространства Германии и СССР прилегают друг к другу, но в столкновениях нет естественной потребности... У Германии нет агрессивных намерений в отношении СССР... Верно, что Германия и Советский Союз, в результате

многолетней вражды их мировоззрений, сегодня относятся друг к другу с недоверием... В общих интересах обеих стран избежать на все будущие времена разрушения Германии и СССР, что было бы выгодно лишь западным демократиям...»

Что мы видим в приведенном выше тексте? Мы усматриваем, что между Германией и СССР имелись *идеологические расхождения и вражда мировоззрений*. То есть в этих странах господствовали, если хотите, взаимоисключающие символы народной веры, а это означало, что тогда во всем мире не существовало более непримиримых с сущностной точки зрения сторон, чем нацизм и марксизм, что, кстати, и проявилось затем в самых жутких красках войны Германии с СССР. В ней уже речь могла идти лишь о полной и окончательной военной победе одной из сторон. Поэтому в названном смысле никакое мирное сосуществование указанных стран невозможно было в принципе. Иначе говоря, никакие договоренности упомянутых сторон не должны были рассматриваться всерьез как сколь-нибудь долгосрочные, а значит, и воспринимать их, и даже вести о них речь могли только не совсем дальновидные люди. Но почему вдруг так-то? Среди схожих по мировоззрению стран приемлемо абсолютно все, что не противоречит ему по сути, но среди носителей взаимоисключающих воззрений на смысл человеческой жизни никакого честного соглашения быть не могло и не может существовать в принципе. СССР же в августе 1939 года встал на путь сделки, как говорится, с собственной совестью. Впрочем, сему способствовало то обстоятельство, что большевики изначально, включая положения собственной теории, уже предполагали для себя путь возможного использования силы и даже обмана для достижения собственных внешне как бы безупречных целей. Тем самым именно они и обрекли СССР на грядущее неминуемое потрясение 22.06.41 года, которое окончательно сработало (принесло-таки предсказанные Гитлером основные результаты) уже в 1991 году. Почему же так? А потому, что заметно умаленная капиталистическая (трехцветная) Россия, возникающая на развалинах СССР, вполне устраивает собою мир неудержимой наживы и поклонения человека самому себе. Впрочем, это лишь самый предварительный вывод (гипотеза), который и предстоит в настоящем исследовании либо серьезно обосновать, либо отвергнуть как очевидно уязвимый или ошибочный.

Признаки будущего исторического феномена

Вы — идиот! Если бы никогда в моей жизни не было фантазий, то где были бы вы, я, где были бы все мы сегодня?

Адольф Гитлер

В своем выдающемся труде «Гитлер. Биография. Путь наверх» его автор Иоахим Фест с самого начала указывает на необычные черты Адольфа Гитлера. В частности, он в числе прочего пишет так: «“В течение всей его жизни в нем (речь о Гитлере. — *Авт.*) было нечто такое, что удерживало дистанцию“ — свидетельства тех, кто когда-либо соприкасался с ним»; «он не желал быть ничьим учеником, ибо уверял, что получил все познания благодаря собственному вдохновению, озарению и общению с духом»; «он был чужим среди своих»; «Гитлер: “Людам не надо знать, кто я. Людам не надо знать, откуда я и из какой семьи“»; «его занимало все, весь мир, который, как он считал, следует изменить основательно и во всех его деталях»; «Август Кубицек (друг юности Гитлера): „Он (речь о Гитлере. — *Авт.*) не видел разницы, говоря о чем-то готовом или о том, что еще только планировал“, „В колоссальных, захватывающих картинах развивал он (речь о Гитлере. — *Авт.*) передо мной свое будущее и будущее своего народа“»; «Не без обеспокоенности отмечал Кубицек у Гитлера внезапные приступы ярости и отчаяния, множественность и интенсивность проявлений агрессии, равно как и его поистине безграничной способности ненавидеть... Зачастую состояние экзальтированной возбужденности у Гитлера резко сменяется приступами глубокой депрессии, когда он видит „только несправедливость, ненависть и вражду“ и выступает „сиротливо и одиноко против всего человечества, которое его не поняло и не оценило, обманывало и преследовало“ и повсюду расставило „силки“ „с одной лишь единственной целью — помешать его восхождению вверх“»; «Мать (речь о матери Гитлера. — *Авт.*) говорила (в 1907 году. — *Авт.*), что Адольф будет идти своим путем, невзирая ни на что, „как будто он один на всем свете“». С другой стороны, Фест указывает, что «он (речь о Гитлере. — *Авт.*) в большей степени проявлял себя парадоксальным сторонником апробированного, человеком, защищавшим тот строй, который он одновременно хулил». То есть Гитлер изначально бьется не за отмену устоев миропорядка, он

бьется во имя их восстановления *в полной мере*. Поэтому, как пишет Фест, Гитлер носитель вполне известной «сущности, состоящей в потребности в самоутверждении и принадлежности к определенному кругу, что и является главной потребностью буржуа». Иначе говоря, Гитлер, как ни странно, изначально более многих, нежели не всех вместе взятых, буржуазен. И как бы подтверждая сказанное выше, Фест говорит: «Он (речь о Гитлере. — *Авт.*) желал... все же оставаться „барином“»; «Социальное неуважение было для Гитлера намного тягостнее, нежели социальная нищета, и если он впадал в отчаяние, то страдал не из-за отсутствия порядка в этом мире, а из-за недостаточной роли, которая выпала в нем на его долю». То есть Гитлер одновременно и революционер, и смертельный враг всякой революции. Теперь впору сказать и о роли известных людей на формирование личности Гитлера. Фест в связи с этим пишет: «Сам Гитлер позже уверял, что у него „не было предшественников“, за исключением Рихарда Вагнера, и говорил о нем не только как о гениальном музыканте и драматурге, но и как о сильной личности, „величайшем пророке немецкого народа“. Гитлер любил подчеркивать выдающееся значение Вагнера „для развития немецкого человека“, восхищался мужеством и энергией его политических действий, „хотя тот, собственно, не хотел иметь дела с политикой“ и как-то раз сказал, что, когда он осознал свое внутреннее родство с этим великим человеком, его охватило „прямо-таки истерическое возбуждение“». Кроме этого, несколько ниже Фест дополняет сравнение Гитлера с Вагнером следующим рассуждением: «...и тут и там так и оставшаяся неясной история с происхождением, неудачная учеба, уклонение от воинской службы, патологическая ненависть к евреям, равно как и вегетарианство, развившееся у Вагнера в конечном счете в навязчивую идею, что растительная пища должна принести спасение человечеству. Общим для того и другого является и проявление ими экстремальности во всем, постоянные метания из крайности в крайность, когда состояния подавленности и подъема, триумфы и катастрофы неожиданно сменяют друг друга. Во многих операх Рихарда Вагнера налицо классический конфликт одиночки, повинующегося установленному им самим закону, с унаследованными, закостеневшими порядками. И во всех этих героях — будь это Риенци или Лоэнгрин, Штольцинг или Тангейзер — несостоявшийся студент (речь о Гитлере. — *Авт.*) Академии художеств,

сидя перед баночкой с тушью в читальном зале мужского общежития, видел, словно в операх Вагнера, проявления своего собственного противоборства с миром». И далее Фест как бы обрамляет уже произведенное им сравнение Гитлера и Вагнера такими словами: «Порою прямо-таки кажется, что и свою жизнь он прожил, подражая своему кумиру или хотя бы пытаясь стилизовать ее под него. И тому и другому была свойственна гипертрофированная жажда власти, собственно говоря — склонность к деспотизму. Искусство Вагнера никогда не позволяет забывать о том, что в своей основе оно было инструментом неукротимого и далеко идущего стремления подчинять себе все вокруг. Эта столь же непреодолимая, сколь и двусмысленная тяга к массовым сценам, внушительности, к ошеломляющим масштабам объясняет, почему первой крупной композицией после „Риенци“ и „Летучего голландца“ у Вагнера стало его произведение для хора из тысячи двухсот голосов и оркестра из ста музыкантов. Трезвый и непредвзятый взгляд на приемы, характерные для музыки Вагнера как никакой другой, обнаруживает неизменное самоискушение величественным эффектом завывания волюнок, когда в сопровождении резкого визга смычковых разворачивается действие, где все вперемешку — Вальхалла (речь о чертоге мертвых. — *Авт.*), ревью и храмовые обряды. С Вагнером в искусстве началась эпоха неразборчивого околдовывания масс. И просто невозможно представить стиль зрелищ в Третьем рейхе без этой оперной традиции, без демагогического по своей сути творчества Рихарда Вагнера». И еще одно и весьма важное соображение в связи с фигурами Гитлера и Вагнера из книги Феста: «И как Рихард Вагнер совмещал роль революционера с амплуа друга-конфидента короля — „государственного музыканта“, как с издевкой писал Карл Маркс, — точно так же молодой Гитлер лелеял мечты о таком восхождении, которое бы примирило его ненависть к обществу с его оппортунистическими инстинктами. Вагнер устранил все очевидные противоречия, провозгласив искусство целью и назначением бытия, а творца-художника — его высшей силой, которая неизменно вмешивается в жизнь человека и приносит спасение там, где „отчаивается государственный муж, опускает руки политик, мучится с бесплодными системами специалист и даже философ только нащупывает, но еще не возвещает“. То, что он проповедовал, было абсолютной эстетизацией жизни под руководством искусства. В

результате, по его мысли, государство должно было быть поднято на уровень художественного произведения, а политика — обновлена и доведена до совершенства духом искусства. В театрализации общественной жизни Третьего рейха, в страсти режима к инсценировкам и в драматургии его политической практики, которая нередко, казалось, и становилась главной целью политики, трудно уловить элементы этих программных воззрений... Вагнер был для молодого Гитлера не только великим примером, но и учителем, чьи идеологические аффекты тот перенял очень широко; именно через него шла связь с коррумпированным духом времени. Широко распространенные на рубеже веков политические сочинения Вагнера были любимым чтением будущего фюрера, а напыщенное многословие его стиля несомненно оказало влияние и на формирование стиля самого Гитлера. Наряду с операми они содержат всю идейную подоплеку той картины мира, которую Вагнер скомпоновал для себя из упомянутых элементов: тут и дарвинизм, и антисемитизм („Ибо я считаю еврейскую расу заклятым врагом чистого человечества и всего благородного в нем“), и представление о германской силе и освободительном варварстве, и мистицизм очищения „Парсифаля“, да и вообще весь мир драматического искусства этого композитора, мир, в котором на резко дуалистических позициях враждебно противостоят друг другу добро и зло, чистота и испорченность, властитель и подневольный. Проклятие золота, копошащаяся под землей низшая раса, конфликт между Зигфридом и Хагеном, трагический гений Вотана — весь этот необычайно многозначный мир с его кровью, истреблением драконов, страстью к господству, предательством, сексуальностью, язычеством, со спасением и колокольным звоном в театральную Страстную пятницу и был той идейной средой, которая максимально отвечала и страхам Гитлера, и его потребностям в триумфе. Стремление самоучки к общепринятым воззрениям и обрело для себя в этом творчестве и в том, что его сопровождало и выплескивалось за его рамки, скомпонованную картину мира, и теперь это уже были истины, „гранитные фундаменты“». Что более всего беспокоило в юности Адольфа? На сей счет Фест пишет: «Больше всего его беспокоило, как бы обстоятельства времени не загубили его притязания на великую судьбу. Он боялся бедной судьбы жизни. Еще подростком, как он напишет через годы, он „часто с горечью задумывался над тем, что слишком поздно при-

шел на эту землю“ и „в предстоящих временах покоя и порядка видел незаслуженную издевку судьбы“. И только будущий хаос, по его собственному признанию, столпотворение и рушащиеся порядки смогли излечить этот разрыв с реальностью. Сворачиваясь своими экзальтированными мечтаниями, он был одним из тех, кто предпочитает жизни, наполненной разочарованиями, жизнь, наполненную катастрофами». Далее упомянутый выше автор биографии Гитлера указывает на весьма примечательное свойство портрета своего героя: «Как мы сегодня знаем, когда какой-либо вопрос был важен для него, он нередко срывался на крик, но все его высказывания, сколь бы страстными они не были, отличались своею последовательностью». Теперь о роли Первой мировой войны в вопросе выявления феноменальности личности будущего фюрера. Фест об этом в числе прочего говорит так: «Сам Гитлер скажет, что война перевернула его сознание. Помимо всего прочего, она придала ему, молодому идеалисту, твердость и сознание собственной значимости... Мужество и хладнокровие, проявленные им под шквальным огнем, создали ему довольно высокий авторитет у однополчан; если Гитлер был рядом, говорили они, „то ничего не случится“. Кажется, эта уверенность произвела большое впечатление и на него самого; она явно укрепила в нем ту веру в свое особое предназначение, которую он настойчиво хранил в себе даже в годы неудач». Кто еще и чем существенным вооружал будущего диктатора? Вот как отвечает на поставленный вопрос автор выдающейся биографии Гитлера: «И еще более твердая почва под ногами появляется, когда читаешь выводы, которые Гитлер, по его собственным словам, сделал из наблюдения за социал-демократической пропагандой — печатью, демонстрациями и выступлениями ораторов. Они наложили огромный отпечаток и на его собственные методы воздействия на массы: „Психология широких масс невосприимчива ко всему половинчатому и слабому. Подобно женщине, душевное восприятие которой определяется не столько доводами абстрактного разума, сколько доводами неопределимой, эмоциональной тоски по недостающей силе, и которая поэтому предпочитает подчиняться сильному, нежели повелевать слабым, так и массы больше любят повелителя, чем просителя, и в душе чувствуют себя более удовлетворенными учением, которое не терпит рядом с собой никакого другого, нежели допущением различных либеральных вольностей. Да они и не

знают, что с ними делать, и даже чувствуют себя какими-то потерянными. То, что их бесстыдно терроризируют духовно, не доходит до их сознания в той же мере, как и возмутительное злоупотребление их человеческой свободой, ибо они никак не ощущают внутреннего безумия учения о свободе в целом. Так что они видят только безудержную силу и жестокость его устремлений, которым они в конечном итоге всегда покоряются. Если социал-демократии будет противопоставлено учение более правдивое, но проводимое с такой же силой и скотской грубостью, это учение победит, хотя и после тяжелой борьбы». Таким образом, мы видим, что Адольф Гитлер изначально был совершенно особым или, если хотите, невероятно уникальным учеником своей эпохи. Его страстно привлекало все, что позволяло ему видеть перспективу собственного восхождения к вершинам власти и воплощения своего исторического предназначения. Поэтому всякие разговоры о том, что он был лишь выбран из числа многих ему подобных и банально назначен мировой закулисой повелевать до известного срока заметной частью мира, конечно же, не выдерживают серьезной критики. Да, глупо спорить с тем, что ему помогали и что его поддерживали сильные мира сего, благодаря чему он и стал тем, кем стал. Но главным фактором в этом случае, очевидно, является все же его личность, ее специфические особенности, которые полностью соответствовали главным мировым задачам соответствующей эпохи. Иначе говоря, без фигуры Гитлера ничего бы не состоялось. Или никакие деньги не смогли бы сами по себе прочертить то глубочайшее историческое русло, которое и возникло исключительно благодаря фигуре немецкого фюрера. Именно он, может быть, впервые в истории сумел так глубоко оценить потенциал пропаганды и поставить ее на невероятно эффективную службу собственным интересам, как никто другой в истории до него. В частности, на этот счет Фест пишет такое: «По его мнению (речь о Гитлере. — *Авт.*), она (речь о пропаганде. — *Авт.*) должна быть общедоступной, обращаться не к образованным кругам, а „исключительно к массам“, ее уровень должен устанавливаться в соответствии со способностью духовного восприятия самого ограниченного из тех, кому она адресуется. Она должна содержать постоянно повторяющиеся лозунги и концентрироваться на ограниченном количестве понятных целей; всегда обращаться исключительно к чувствам и ни в коем случае к разуму; решительно отка-

зваться от какой бы то ни было объективности, не допуская даже тени сомнения в собственной правоте, ибо существуют только „любовь или ненависть, правота или нет, истина или ложь, но не бывает, чтобы половина-наполовину“. Все это, как, собственно, и всегда и везде у Гитлера, отнюдь не оригинальные мысли. Но энергия его мысли, та свобода, с которой он подчинял массы, не пренебрегая их ограниченностью, недалекостью и инертностью, а делая инструментами своих устремлений, и дадут ему в будущем значительное превосходство перед всеми соперниками, перед другими претендентами на расположение масс». Да, злодеяния Гитлера крайне велики, глупо спорить. Но они лишь объективно или бесстрастно подтверждают огромное значение его личности в истории всего мира. Радикализм националистов всех времен и народов и по сию пору был и остается всего лишь нарушением действующих норм жизни, которые как раз фактом такого нарушения и закрепляют свою легитимность. Радикализм уже Гитлера, напротив, изначально отменял все существующие условия и вносил в стихию жизни новый, еще неслышанный элемент. Фест также фактически вторит уже сказанному до того: «Начиная с первого кризиса в партии (речь о НСДАП. — *Авт.*) летом 1921 года и до последних дней апреля 1945 года, когда он исключил Геринга и Гиммлера из НСДАП, позиция Гитлера оставалась незыблемой. Он не терпел над собой никаких авторитетов — даже авторитета идеи. И своим грандиозным произволом он тоже делал историю — способом, который уже в его время представлялся анахроничным и, надо надеяться, никогда больше не будет использован. Это была цепь субъективных решений. Неожиданных ударов и поворотов, поразительных по своему коварству поступков, идейных самоотречений, но всегда с упорно преследуемым фантомом на заднем плане. Что-то от его своеобразного характера, от того субъективного элемента, который навязывался им ходу истории, находит свое выражение в формулировке „гитлеровский фашизм“, столь распространенной в 30-е годы в марксистской теории; и в этом смысле национал-социализм вполне обоснованно определяется как гитлеризм». Как раз самые последние слова о его личном способе управления судьбами мира и подтверждают невыносимую и сегодня многими исследователями мысль о жутком величии этого поистине страшного человека. Нет, не был он ничтожеством, как пытаются его представить ныне обывателям, не был он

и сумасшедшим, во что очень хочется верить иным его противникам. Наоборот, все более и более складывается впечатление, что вся правда о личности и подлинных деяниях Гитлера лишь скрывает саму суть бесчестной организации всей современной цивилизации. Но тогда кто и что он такое, в самом деле?

Сам о себе, и не только...

В своем доктринальном труде «Моя борьба» Адольф Гитлер характеризует себя и свои предпочтения самым смелым образом. Прямо в начале первой главы в числе прочего он указывает и такое свое откровение: «...после того как окажется, что такая Германия (речь об объединении Германии в одно государство с землями соседних государств, компактно заселенными немцами. — *Авт.*) в состоянии прокормить в достаточной мере все свое население, — возникающая нужда дает народу моральное право на приобретение чужих земель. Тогда меч начинает играть роль плуга, тогда кровавые слезы войны ерошат землю, которая должна обеспечить хлеб насущный будущим поколениям». Странное заявление, не правда ли, ведь это чистый призыв к захватнической войне? Возражающим себе Гитлер сообщает такое: «Только безыдейные и слабоумные люди могут считать, что те или иные государственные границы на нашей земле являются чем-то навеки неизменяемым и не подлежащим изменению. На самом деле все границы только временны. Это только пауза перед тем как наступит новая борьба за переделку границ. Сегодня эти границы кажутся неизменяемыми, а уже завтра они могут быть изменены». И здесь для все еще сомневающихся: «...на землях, которые мы завоюем, будущие поколения крестьян будут производить на свет божий новые сильные поколения сынов немецкого народа, и в этом будет оправдание наших жертв». Но что предшествовало сим «могучим» речам? Как бы отвечая на поставленный вопрос, будущий фюрер пишет: «Первое: я стал националистом. Второе: я научился изучать и понимать историю... “Учиться“ истории означает уметь искать и находить факторы и силы, обусловившие те или другие события, которые мы потом должны признать историческими событиями. Искусство чтения и изучения сводится в этой области к следующему: существенное запомнить, несущественное забыть... Я знаю многих, которые „читают“ бесконечно много — книгу за книгой, букву за буквой; и все-таки я не назову этих людей иначе,

как только „начитанными“. Конечно, люди эти обладают большим количеством „знаний“, но их мозг совершенно не способен сколько-нибудь правильно усвоить, зарегистрировать и классифицировать воспринятый материал. Они совершенно не обладают искусством отделять в книге ценное от ненужного, необходимое держать в голове, а излишнее, если возможно, просто не видеть и, во всяком случае, не обременять себя балластом. Ведь и чтение не является самоцелью, а только средством к цели. Чтение имеет целью помочь человеку получить знания в том направлении, какое определяется его способностями и его целеустремлением. Чтение дает человеку в руки те инструменты, которые нужны ему для его профессии, независимо от того, идет ли речь о простой борьбе за существование или об удовлетворении более высокого назначения. Но, с другой стороны, чтение должно помочь человеку составить себе общее мирозерцание. Во всех случаях одинаково необходимо, чтобы содержание прочитанного не откладывалось в мозгу в порядке оглавления книги. Задача состоит не в том, чтобы обременять свою память определенным количеством книг. Надо добиваться того, чтобы в рамках общего мировоззрения мозаика книг находила себе соответствующее место в умственном багаже человека и помогала ему укреплять и расширять свое мирозерцание. В ином случае в голове читателя получается только хаос. Механическое чтение оказывается совершенно бесполезным, чтобы ни думал об этом несчастный читатель, наглотававший книг. Такой читатель иногда самым серьезным образом считает себя „образованным“, воображает, что он хорошо узнал жизнь, что он обогатился знаниями, а между тем на деле по мере роста такого „образования“ он все больше и больше удаляется от своей цели... Тот же человек, который умеет правильно читать, сумеет любую книгу, любую газету, любую прочитанную им брошюру использовать так, чтобы взять из нее все действительно ценное, все действительно имеющее не только преходящее значение. Он сумеет расчленить и усвоить приобретенный новый материал так, что это поможет ему уточнить или пополнить то, что он уже знал раньше, получить новый материал, помогающий обосновать правильность своих взглядов. Если перед таким человеком жизнь внезапно поставит новые вопросы, его память моментально подскажет ему из прочитанного то, что нужно именно для данной ситуации. Из того материала, который накопился в его мозгу в течение десятилетий,

он сумеет быстро мобилизовать то, что нужно для уяснения поставленной новой проблемы и для правильного ответа на нее. Только такое чтение имеет смысл и цель... Полученная мной в школе любовь к историческому мышлению никогда не оставляла меня в течение всей моей дальнейшей жизни. Изучение истории становится для меня неиссякаемым источником понимания исторических событий современности, т. е. политики. Я не ставлю себе задачу „учить“ современность — пусть она учит меня». Что волнует Гитлера в период становления его личности, когда он пытается найти свою дорогу в жизни? «В этот период у меня раскрылись глаза на две опасности, которые я раньше едва знал по имени и всего значения которых для судеб немецкого народа я, конечно, не понимал. Я говорю о марксизме и еврействе». Какой для себя главный вывод делает Гитлер о разумном отношении ко всякой общественной деятельности? «Моя борьба» прямо и четко отвечает на это: «...общественная деятельность прежде всего не должна рассчитывать ни на какую благодарность, ибо ее задачей является не распределять милость, а восстанавливать право... Уже тогда (в период пребывания сразу после школы в Вене. — *Авт.*) я убедился, что здесь к цели ведет только двойной путь: глубочайшее чувство социальной ответственности, направленное к созданию лучших условий нашего общественного развития, в сочетании с суровой решительностью уничтожать того горбатого, которого исправить может только могила... общественная деятельность... должна сосредотачиваться на устранении тех коренных недостатков в организации нашей хозяйственной и культурной жизни, которые неизбежно приводят или, по крайней мере, могут приводить отдельных людей к вырождению». Для получения новых деталей к портрету Гитлера перечитаем также и такой его пассаж: «Наше буржуазное общество спокойно смотрит на то, как в театрах и в кино, в грязной литературе и в сенсационных газетах изо дня в день отравляют народ. И после этого оно еще удивляется, почему массы нашего народа недостаточно нравственны, почему проявляют они „национальное безразличие“. Как будто в самом деле грязная литература, грубые сенсации, киноэкран могут заложить здоровые основы патриотического воспитания народной массы». А вот уже выпад в сторону христианства, хотя речь идет о смыслах социал-демократии: «Я понял, что за фразами о социальной добродетели и любви к ближнему кроется настоящая чума, от ко-

торой надо как можно скорей освободить землю под страхом того, что иначе земля легко может стать свободной от человечества». Об отношении человека к политике Адольф Гитлер говорит так: «Кто не интересовался политическими вопросами, в моих глазах терял всякое право критиковать или даже просто жаловаться». О роли профсоюзного движения: «Ясно, что профессиональная организация могла бы вести к укреплению социальной идеи в практической жизни и тем самым к устранению тех причин, которые вызывают раздражение масс и постоянно порождают поводы к недовольству и жалобам... Уже на рубеже XX столетия профдвижение давно перестало служить своей прежней задаче. Из года в год оно все больше подчинялось социал-демократической политике и в конце концов превратилось исключительно в рычаг классовой борьбы. Его задачей стало изо дня в день наносить удары тому экономическому порядку, который с таким трудом едва-едва был построен. Подорвавши экономический фундамент государства, можно уже подготовить такую же судьбу и самому государству... В лагере буржуазии очень много возмущались по поводу лживости социал-демократической тактики, но сами представители буржуазии никакой серьезной линии собственного поведения наметить не сумели. Казалось бы, что раз социал-демократия так трепещет перед каждым действительным улучшением положения рабочих, то надо было бы напрячь все силы именно в этом направлении и тем вырвать из рук апостолов классовой борьбы их слепое орудие. Ничего подобного сделано не было. Вместо того чтобы перейти в наступление и взять позицию противника с бою, предпринимательские круги предпочли пятиться назад, уступать немного лишь под давлением противной стороны и в самую последнюю минуту соглашаться лишь на такие совершенно недостаточные улучшения, которые ввиду своей незначительности никакого действия оказать не могли и которые поэтому социал-демократия могла легко отклонить. В действительности все оставалось по-старому. Недовольство только выросло еще больше. Уже тогда так называемые „свободные профсоюзы“ висели грозным облаком над общеполитическим горизонтом и омрачали существование каждого отдельного трудящегося. Свободные профсоюзы стали одним из ужаснейших орудий террора, направленных против независимости и прочности национального хозяйства, против незыблемости государства и свободы личности. Именно свободные

профсоюзы в первую очередь сделали то, что понятие демократии превратилось в смешную и отвратительную фразу. Это они опозорили свободу, это они всей своей практикой послужили живой иллюстрацией к известным словам: „если ты не хочешь стать нашим товарищем, мы пробьем тебе череп“. Вот какими рисовались мне... эти друзья человечества». О марксизме: «Официальная партийная литература (речь о марксистской литературе. — *Авт.*) могла мне в этом отношении (в отношении изучения марксизма. — *Авт.*) помочь, конечно, лишь немного. Поскольку официальная литература касается экономических тем, она оперирует неправильными утверждениями и столь же неправильными доказательствами; поскольку же дело идет о политических целях, она просто лжива насквозь. К тому же и весь крючкотворческий стиль этой литературы отталкивал меня до последней степени. Их книжки полны фраз и непонятной болтовни, полны претензий на остроумие, а на деле крайне глупы. Только вырождающаяся богема наших больших городов может испытывать удовольствие от такой духовной пищи и находить приятное занятие в том, чтобы отыскивать жемчужное зерно в навозных кучах этой литературной китайщины. Но ведь известно, что есть часть людей, которые считают ту книгу более умной, которую они менее всего понимают. Сопоставляя теоретическую лживость и нелепость учения социал-демократии с фактами живой действительности, я постепенно получал все более ясную картину ее подлинных стремлений. В такие минуты мной овладевали не только тяжелые предчувствия, но и сознание грозящей с этой стороны громадной опасности, я видел ясно, что это учение, сотканное из эгоизма и ненависти, с математической точностью может одержать победу и тем самым привести человечество к неслыханному краху. В это именно время я понял, что это разрушительное учение тесно и неразрывно связано с национальными свойствами одного определенного народа, чего я до сих пор совершенно не подозревал. Только знакомство с еврейством дает в руки ключ к пониманию внутренних, т. е. действительных намерений социал-демократии. Только когда познакомишься с этим народом, у тебя раскрываются глаза на подлинные цели этой партии, и из тумана неясных социальных фраз отчетливо вырисовывается оскалившаяся маска марксизма». А какие факторы эпохи начала XX века вызвали у фюрера к жизни его фантастический антисемитизм? Гитлер, в числе прочего, сообща-

ет на сей счет следующее: «Ничто не заставило меня в скором времени так резко изменить мнение о них (речь о евреях. — *Авт.*), как мое знакомство с родом деятельности евреев в известных областях... Когда я познакомился с деятельностью еврейства в прессе, в искусстве, в литературе, в театре, это неизбежно должно было усилить мое отрицательное отношение к евреям. Никакие добродетельные заверения тут не могли помочь. Достаточно было подойти к любому киоску, познакомиться с именами духовных отцов всех этих отвратительных пьес для кино и театра, чтобы ожесточиться против этих господ. Это чума, чума, настоящая духовная чума, хуже той черной смерти, которой когда-то пугали народ. А в каких несметных количествах производился и распространялся этот яд! Конечно, чем ниже умственный и моральный уровень такого фабриканта низостей, тем безграничнее его плодовитость. Этаким субъект плодит такие гадости без конца и забрасывает ими весь город (речь о Вене. — *Авт.*). Подумайте при этом еще о том, как велико количество таких субъектов. Не забудьте, что на одного Гете природа всегда дарит нам 10 тысяч таких пачкунов, а каждый из этих пачкунов разносит худшего вида бактерии на весь мир. Ужасно было убедиться, что именно евреям природа предопредила эту позорную роль. Уж не в этом ли следует искать „избранность“ этого народа! Я начал тогда самым старательным образом собирать имена авторов всех этих грязных сочинений. И чем больше увеличивалась моя коллекция, тем хуже было для евреев. Сколько бы мое чувство ни продолжало сопротивляться, разум вынужден был сделать непреклонные выводы. Факт остается фактом, что хотя евреи составляли максимум сотую часть населения этой страны, среди авторов указанных грязнейших произведений девять десятых евреи. Теперь я начал с этой точки зрения присматриваться и к моей дорогой „большой прессе“. Чем пристальнее я присматривался к ней, тем резче менялось мое мнение и в этой области. Стиль ее становился для меня все более несносным, содержание начинало мне казаться все более пустым и внутренне фальшивым. Под так называемой объективностью изложения я стал обнаруживать не честную правду, а большей частью простую ложь. Авторы же оказались евреями... Так называемый либеральный образ мыслей этой прессы я стал видеть теперь в совершенно другом свете. Благородный тон в возражениях противникам или отсутствие ответа на нападки последних — все это оказалось не

чем иным, как низким и хитрым маневром. Одобрительные театральные рецензии всегда относились только к еврейским авторам. Резкая критика никогда не обрушивалась ни на кого другого, кроме как на немцев. Уколы против Вильгельма II становились системой так же, как специальное подчеркивание французской культуры и цивилизации. Пикантность литературной новеллы эти органы возводили до степени простого неприличия. Даже в их немецком языке было что-то чужое. Все это вместе взятое настолько должно было отталкивать от всего немецкого, что это могло делаться только сознательно...» Но вернемся снова к отношению Адольфа к марксистскому учению. В развитие названной темы Гитлер рассказывает о новом для себя открытии: «Опыт повседневной жизни побудил меня теперь пристальней заняться изучением самих источников марксистского учения. Влияние этого учения стало мне ясным, его успехи бросались в глаза каждый день. Последствия этих успехов также можно было легко себе представить, если иметь хоть немножко фантазии. Для меня оставался только еще неясным вопрос о том, понимали ли сами создатели этого учения, к каким именно результатам должно оно привести, видели ли они сами неизбежные окончательные последствия их злого дела или сами они были жертвой ошибки. Возможным казалось мне тогда и то и другое. В первом случае обязанностью каждого мыслящего человека было войти в лагерь этого несчастного движения, чтобы таким образом все-таки помочь избежать наибольшего зла; во втором случае первые виновники этой народной болезни должны были быть истреблены ада, ибо только в мозгу чудовища, а не человека мог возникнуть конкретный план создания такой организации, деятельность которой должна привести к краху человеческой культуры, к уничтожению мира. В этом последнем случае спасти могла только борьба; борьба всеми средствами, которые только знают человеческий дух, человеческий разум и воля, независимо от того, какой стороне судьба принесет окончательную победу». Вот откуда, оказывается, произрастает беспредельная ненависть Гитлера ко всему советскому! Но смотрим далее: «Вот что привело меня к мысли о необходимости поближе познакомиться с основателями этого учения и таким образом изучить его истоки. Своей цели я достиг, быть может, скорей, чем надеялся сам. Я стал скупать все доступные мне социал-демократические брошюры и добиваться, кто же их авторы. Одни евреи! Я

стал приглядываться к именам почти всех вождей. В подавляющем большинстве — тоже сыны „избранного“ народа. Кого ни возьми — депутатов рейхстага, секретарей профсоюзов, председателей местных организаций, уличных агитаторов — все евреи. Куда ни глянешь — все та же тяжелая картина. Имена всех этих Аустерлицев, Давидов, Адлеров, Эленбогенов навеки останутся в моей памяти. Одно мне стало теперь совершенно ясным: та партия, с рядовыми представителями которой я в течение ряда месяцев вел упорную борьбу, находилась под полным, исключительным руководством чужого народа, ибо, что еврей не является немцем, это я теперь знал окончательно и бесповоротно. Только теперь я окончательно узнал, кто является обманщиком нашего народа». Теперь краткий рассказ будущего фюрера насчет особенностей ведения своих дискуссий с представителями еврейского народа: «Еврея же никогда нельзя было отклонить от его взгляда. В те времена я был еще достаточно наивным, чтобы пытаться доказать им все безумие их учения. В моем маленьком кругу я спорил с ними до хрипоты, до мозолей на языке в полной уверенности, что должен же я их убедить во вредоносности их марксистских нелепостей. Результат получался противоположный. Иногда казалось, что чем больше они начинают понимать уничтожающее действие социал-демократических теорий в их применении к жизни, тем упрямей продолжают они их отстаивать. Чем больше я спорил, тем больше я знакомился с их диалектикой. Сначала они считают каждого своего противника дураком. Когда же они убеждаются, что это не так, они начинают сами прикидываться дураками. Если все это не помогает, они делают вид, что не понимают, в чем дело, или перескакивают совсем в другую область. Или с жаром начинают настаивать на том, что само собой разумеется, и как только вы соглашаетесь с ними в этом, они немедленно применяют это совсем к другому вопросу. Как только вы их поймали на этом, они опять ускользают от сути спора и не желают даже слушать, о чем же в действительности идет речь. Как вы ни пытаетесь ухватить такого апостола, рука ваша как будто уходит в жидкую грязь. Грязь эта уходит сквозь пальцы и тотчас же каким-то образом опять облегает ваши руки. Но вот вам, хотя и с трудом, удалось побить одного из таких людей настолько уничтожающе, что ему ничего не остается больше делать, как согласиться с вами. Вы думаете, что вам удалось сделать, по крайней мере, один шаг

вперед. Но каково же ваше удивление на следующий день! На завтра этот же еврей совершенно забывает все что произошло вчера, он продолжает рассказывать свои сказки и дальше, как ни в чем не бывало. Если вы, возмущенный этим бесстыдством, указываете ему на это обстоятельство, он делает вид искренне изумленного человека; он совершенно не может ничего вспомнить из вчерашних споров, кроме того, что он вчера как дважды два четыре доказал вам свою правоту. Иногда это меня совершенно обезоруживало. Я просто не знал, чему удивляться: хорошо привешенному языку или искусству лжи. Постепенно я начал их ненавидеть. Я научился уже понимать язык еврейского народа, и именно это обстоятельство помогло мне отделить теоретическую болтовню апостолов этого учения от их реальной практики. Еврей говорит для того, чтобы скрывать свои мысли или по меньшей мере для того, чтобы их завуалировать. Его подлинную цель надо искать не в том, что у него сказано или написано, а в том, что тщательно скрыто между строк. Для меня наступила пора наибольшего внутреннего переворота, какой мне когда-либо пришлось пережить. Из расслабленного „гражданина мира“ я стал фанатиком антисемитизма... Когда я стал глубже изучать всю роль еврейского народа во всемирной истории, у меня однажды внезапно опять промелькнула мысль, что, может быть, неисповедимые судьбы по причинам, которые нам, бедным людям, остаются еще неизвестными, все-таки предначертали окончательную победу именно этому маленькому народу. Может быть, этому народу, который испокон веков живет на этой земле, все же в награду достанется вся земля? Имеем ли мы объективное право бороться за самосохранение или это право имеет только субъективное обоснование? Когда я окончательно углубился в изучение марксизма и со спокойной ясностью подвел итог деятельности еврейского народа, судьба сама дала мне свой ответ. Еврейское учение марксизма отвергает аристократический принцип рождения и на место извечного превосходства силы и индивидуальности ставит численность массы и ее мертвый вес. Марксизм отрицает в человеке ценность личности, он оспаривает значение народности и расы и отнимает таким образом у человечества предпосылки его существования и его культуры. Если бы марксизм стал основой всего мира, это означало бы конец всякой системы, какую до сих пор представлял себе ум человеческий. Для обитателей нашей планеты это означало бы

конец их существования. Если бы еврею с помощью его марксистского символа веры удалось одержать победу над народами мира, его корона стала бы венцом на могиле всего человечества. Тогда наша планета, как было с ней миллионы лет назад, носилась бы в эфире, опять безлюдная и пустая. Вечная природа безжалостно мстит за нарушение ее законов. Ныне я уверен, что действую вполне в духе творца всемогущего: борясь за уничтожение еврейства, я борюсь за дело Божие». Но каковы тогда идеалы Гитлера, кто его кумир и почему? В какую сторону он хотел бы изменить будущее свой родины и за счет кого и чего именно? Отвечая на поставленный вопрос, Гитлер пишет: «В нашем немецком словаре есть слово, которое особенно прекрасно выражает эту мысль: долг (Verpflichtung)! Выполнять долг — это и значит обслуживать не самого себя, а служить обществу. Тот принцип, из которого вытекает такое действие, мы называем идеализмом в отличие от эгоизма, проистекающего из принципа обслуживания себя самого. Под идеализмом мы понимаем способность отдельного лица приносить себя в жертву окружающему миру. Но необходимо нам почаще вспоминать о том, что идеализм всегда был, есть и будет главной предпосылкой всей человеческой культуры! Мало того: только идеализм и создал понятие „человек“. Только этому чувству арийцы обязаны всем своим положением в этом мире, только благодаря этому чувству и мог выковаться тот творческий труд, который в сочетании с простой физической силой и гениальным интеллектом создал замечательнейшие памятники нашей человеческой культуры... Действительный идеализм есть не что иное, как подчинение интересов и всей жизни отдельного лица интересам и всей жизни общества. Только такое подчинение и создает возможность какой бы то ни было организации. В этом смысле идеализм соответствует глубочайшим велениям природы. Именно такой идеализм и побуждает людей добровольно признать преимущество более сильного. Именно такой идеализм становится частицей того миропорядка, который образует нашу вселенную...» Теперь о политических кумирах Гитлера, об Англии и ее «законных» интересах: «Я и сейчас еще вспоминаю, какие совершенно детские, прямо-таки непонятные надежды в 1920–1921 гг. внезапно стали возлагаться в кругах фелькише (речь о немецких националистических организациях. — *Авт.*) в связи с тем, что Англия будто бы стоит перед катастрофой в Индии. Кто рассказывал эти

сказки? Первые попавшиеся азиатские шарлатаны! Да хотя бы это были и подлинныи „борцы за свободу“ Индии — все равно, разве можно было верить этим слоняющимся по Европе индийским путешественникам? И тем не менее этим шарлатанам удалось убедить довольно разумных, вообще говоря, людей в том, что в Индии, которая играет такую громадную роль для британского господства, Англию ожидает полный крах. Чего люди хотят, тому они легко верят. Нашим фелькише не приходило даже в голову, что только это является источником их веры... Англия могла бы потерять Индию либо в том случае, если бы английская администрация в Индии сама подверглась расовому разложению (о чем в данный момент в Индии не может быть и речи), либо в том случае, если Англия потерпит крах в войне с каким-нибудь более могучим, чем она, противником. Но чтобы английскую власть в Индии могли свергнуть сами индийские бунтовщики, об этом не может быть речи. Мы, немцы, кажется, могли и сами достаточно убедиться, как нелегко справиться с Англией. А кроме всего прочего скажу о себе, что я, как германец, все же всегда предпочту видеть Индию под владычеством Англии, чем под какой-либо другой властью... Глупо было бы, в самом деле, рассчитывать на то, что той или другой коалиции, состоящей из одних калек, когда бы то ни было может удасться свергнуть могущественнейшее государство, полное решимости бороться за свое владычество, если нужно будет, до последней капли крови. Я и сам принадлежу к лагерю фелькише, но именно поэтому знаю, какую громадную роль играет раса, и уже по одному этому я не поверю, чтобы эти так называемые „угнетенные нации“, принадлежащие к низшим расам, могли побороть Англию. Уже по одному этому я не хочу, чтобы мой народ соединил свои судьбы с судьбами „угнетенных наций“». А в плане необходимой готовности немцев к будущим жертвам он формулирует следующее: «Но если уж приходится прийти к убеждению, что интересы нашего будущего требуют величайших жертв, то независимо от соображений политической мудрости ради одних этих жертв надо поставить себе действительно достойную цель. Границы 1914 года никакого значения для будущего немецкой нации не имеют. Эти границы не обеспечивали в должной мере ни завоеваний прошлого, ни интересов будущего. Эти границы не обеспечили бы нашему народу подлинного внутреннего единства и не гарантировали бы ему достаточного

пропитания. Эти границы совершенно неудовлетворительны с военной точки зрения и абсолютно не дали бы того соотношения между нами и другими мировыми державами (точнее сказать, и подлинно мировыми державами), которое нам необходимо. Границы 1914 г. не сокращают расстояния между нами и Англией и не обеспечивают нам такой территории, какой располагает Америка. Даже Франция не потеряла бы в этом случае сколько-нибудь значительной доли своего мирового влияния. Одно только можно сказать наверняка: если бы даже наша борьба за восстановление границ 1914 г. привела к благоприятным результатам, то она потребовала бы таких жертв с нашей стороны, что у нас не осталось бы сил, которые нужны нам для борьбы за жизнь и подлинное величие нашей нации. Напротив, достигнув такого поверхностного успеха, мы не стали бы уже стремиться к более высоким целям, тем более что можно было бы сказать, что „национальная честь“ уже спасена и дорога к коммерческому развитию, по крайней мере на время, открыта. Нет, мы, национал-социалисты, отвергаем такую постановку вопроса. Мы будем неуклонно стремиться к своим собственным целям в иностранной политике, а именно к тому, чтобы наш немецкий народ получил на этой земле такие территории, которые ему подобают. Только в борьбе за такие цели смеем мы принести хотя бы самые великие жертвы и только в этом случае мы сможем оправдать эти жертвы как перед Богом, так и перед будущими поколениями... Все мы теперь понимаем, что нам предстоит еще очень большая и тяжелая борьба с Францией. Но эта борьба была бы совершенно бесцельна, если бы ею исчерпывались все стремления нашей иностранной политики. Эта борьба с Францией может иметь и будет иметь смысл лишь постольку, поскольку она обеспечит нам тыл в борьбе за увеличение наших территорий в Европе. Наша задача — не в колониальных завоеваниях. Разрешение стоящих перед нами проблем мы видим только и исключительно в завоевании новых земель, которые мы могли бы заселить немцами. При этом нам нужны такие земли, которые непосредственно примыкают к коренным землям нашей родины. Лишь в этом случае наши переселенцы смогут сохранить тесную связь с коренным населением Германии. Лишь такой прирост земли обеспечивает нам тот прирост сил, который обуславливается большой сплошной территорией... Мы, национал-социалисты, должны пойти еще дальше: право на приобретение новых земель

становится не только правом, но и долгом, если без расширения своих территорий великий народ обречен на гибель».

Теперь как своего рода вступление к третьей части настоящего исследования процитируем преамбулу текста меморандума Гитлера «Об экономической подготовке к войне» (август 1936 г.). Зачем и к чему сие чтение? Предлагаемый ниже текст должен показать главное или очертить саму суть гитлеровской сверхзадачи. То есть читатель еще раз должен задуматься над объективным существом исторической миссии фюрера Третьего рейха. Иначе говоря, как бы сам Гитлер ни менял своих решений или своего отношения к окружающим Германию странам в зависимости от складывавшейся политической конъюнктуры, он объективно или неуклонно двигался всегда в одном и единственно возможном для себя направлении, ради которого он и оказался у власти.

«...Германия всегда будет рассматриваться как основной центр западного мира при отражении большевистского натиска. Я вовсе не считаю это отградной миссией, а рассматриваю как обстоятельство, усложняющее и обременяющее жизнь нашего народа, которое, к сожалению, обусловлено нашим неудачным географическим положением в Европе. Но мы не можем уйти в этом отношении от судьбы. Наше политическое положение обуславливается следующими моментами. В Европе имеется лишь два государства, которые серьезно могут противостоять большевизму, — это Германия и Италия. Что касается остальных стран, то они оказались разложенными вследствие демократических форм жизни, зараженными марксистской идеологией и поэтому в ближайшее время рухнут сами по себе, а во главе других стоят авторитарные правительства, прочность которых определяется единственно военной силой, а это означает, что они, будучи вынужденными поддерживать свое господство внутри страны лишь с помощью средств насилия, не в состоянии использовать эти средства для обеспечения внешнеполитических интересов государства. Все эти страны никогда не будут в состоянии вести войну против Советской России с видами на успех. И вообще, кроме Германии и Италии, только Японию можно считать силой, способной противостоять мировой угрозе (речь о распространении в мире большевизма. — *Авт.*). В задачи настоящего меморандума не входит предсказание того, когда нынешнее шаткое положение в Европе перейдет в открытый кризис.

Я хочу лишь выразить в данных строках мое убеждение, что этого кризиса невозможно избежать, ибо он обязательно наступит, и что Германия обязана всеми силами и средствами обеспечить свое существование перед лицом этой катастрофы, защитить себя, и что из этой неотвратимой перспективы вытекает ряд выводов, касающихся важнейших задач, когда-либо стоявших перед нашим народом. *Ибо победа большевизма над Германией привела бы не к чему-либо вроде Версальского договора, а к окончательному уничтожению и истреблению германской нации.* Невозможно предвидеть всех последствий такой катастрофы. И вообще густонаселенной Западной Европе (включая Германию) пришлось бы пережить в результате победы большевизма, пожалуй, самую страшную социальную катастрофу, какую никогда не переживало человечество со времен гибели античных государств. *Перед лицом необходимости защиты от этой угрозы все другие соображения отступают на задний план как не имеющие абсолютно никакого значения»* (Дашичев В. И. Банкротство стратегии германского фашизма. М.: Наука, 1973).

Заключая последнее программное заявление Гитлера, отчетливо осознаешь, что куда бы впоследствии фюрер ни направлял войска Германии, он подспудно и тщательно выстилал тем самым им главную и последнюю дорогу — дорогу в Советскую Россию. Другими словами, ни о каком мировом господстве, ни о каком захвате новых земель ради самих земель Гитлер всерьез никогда и не помышлял. Его на самом деле влекла лишь задача *военного уничтожения большевизма* в СССР. А что же русский народ? Если он соглашался вести борьбу под большевистским руководством, то и он, по мнению Гитлера, подлежал неременному и правомерному уничтожению.

Обдумывая процитированное выше, понимаешь то, что Гитлер был в главном удивительно последовательной личностью. Его очень смелые суждения о сознательном образовании человеком самого себя, о необходимости каждому быть социально активным гражданином просто потрясают. Его наблюдения за правилами и даже самой сутью капиталистического бытия также поражают, ведь это взгляды еще молодого человека. Изначально, в самом зародыше своей политической карьеры, он страстно ценит успехи англосаксов и поклоняется Англии, ненавидит Францию, но не-

навидит ее сугубо как заметную помеху в деле достижения ключевой цели — захвата для Германии новых земель в Европе. Он также ясно понимает, что только подлинный идеализм способен будет подвигнуть немцев к движению по намеченному им курсу. Предельно ясно он видит своих главных идейных противников и также четко понимает, что борьба с ними будет для него бескомпромиссной или непременно смертельной. Причем, странное дело, он с самого начала допускает даже поражение немцев, но не находит через то никакого оправдания для отказа от весьма рискованной борьбы во имя превратно понимаемого им величия любимой Германии. Почему? А потому, что он не видит иного выхода, так как полагает, что все иное есть погибель уже всего человечества. То есть его фигура в авторизованном рассказе «Моя борьба» предстает прямо-таки в роли необыкновенного титана, готового на любые жертвы во имя торжества заявленных им целей. Иначе говоря, если он и рисуется, как широко принято ныне делать в мировой политике, то совсем мало и далеко не в главном. Или Гитлера можно и нужно обвинять в непомерной жестокости, агрессивности, но его нельзя обвинить в неискренности. Поэтому-то его рассказ о самом себе, своих воззрениях и планах, конечно же, поучителен и впечатляющ. Именно это произведение и есть проект на всю его дальнейшую и очевидно прискорбную жизнь. Вряд ли мы сегодня найдем среди публикаций всей мировой политической публики подобной честности и глубины. Другими словами, рядом с политиком такого масштаба и такого значения в истории всей человеческой цивилизации все ныне действующие политики представляются фигурами явно второстепенными и вообще мало заметными. Поэтому-то и не случайно все они боятся его книги «Моя борьба» и запрещают постоянно то тут, то там ее переиздание. Аналогичный страх они же переживают и в части документального кинофильма «Триумф воли». Другими словами, у всех современных политиков по сравнению с Гитлером абсолютно не имеется сколько-нибудь серьезных или хотя бы отчасти сопоставимых по мощи воздействия на сознание масс людей идей, которыми можно было бы их увлечь за собой в будущее. Да, бесспорно то, что Гитлер объективно есть самый выдающийся *злодей* во всей истории человечества. Но следует также честно признать и тот банальный факт, что стать таковым без *всеобщей* поддержки со стороны всех выдающихся людей своего времени

Адольф Гитлер никогда бы не смог, а значит, его зло — это, как ни грустно признавать, есть *общий результат* действий или бездействий всего политического бомонда первой половины XX века. Даже И. Сталин не является здесь серьезным исключением, так как он все-таки не смог избежать в свою очередь также попытки, пускай временного, умиротворения агрессора, чем и помог ему же в дальнейшем совершить уникальное во всей истории человечества по степени и масштабу внезапное нападение на СССР, которое и привело, в конце концов, к распаду и самого Советского государства, все-таки *подорвавшего* свои вовсе не беспредельные силы в этой почти космической борьбе. Грустно сие, да грустно, но пока историки и политики честно не признают вины *всех* выдающихся мировых лидеров рассматриваемого нами периода за все случившиеся тогда ужасные последствия их преступной политики, фигура Гитлера и дальше будет оставаться непременно *загадочной* и весьма *привлекательной* как для ныне живущих, так и для будущих поколений жителей Земли.

Как и 600 лет тому назад...

Я стал рейхсканцлером не для того, чтобы идти вразрез с тем, что я проповедовал 14 лет.

Адольф Гитлер, 1 ноября 1933 года

Предваряя главную часть истории о феномене Гитлера, сначала остановимся еще на том соображении, которое, собственно, и объясняет саму основу его успеха по пути к власти. Об этом вновь читаем в книге Иоахима Феста: «Вступление Гитлера на путь борьбы за гегемонию — наиболее планомерное, хладнокровное и реалистическое предприятие при поддержке целого арсенала современных технических средств — разворачивалось в обрамлении витиеватых символов». О чем же повествовали, в самом деле, эти витиеватые символы? Биограф Гитлера отвечает: «И все же за всем этим всегда стояло нечто большее, нежели какая-то лишенная рефлексов реакционная воля. То, на что претендовал Гитлер, было не больше и не меньше, как исцеление всего мира. Он отнюдь не собирался просто вернуть добрые старые времена, а еще меньше — их феодальные структуры, как думали сентиментальные реакци-

онеры, которые в течение долгого времени будут сопровождать и поддерживать его на пути. То, что он взялся преодолеть, было не чем иным, как самоотчуждением человека, вызванным процессом развития цивилизации. Правда, ставку при этом он делал не на экономические или социальные средства, которые презирал. Подобно одному из апологетов итальянского фашизма, он считал социализм „омерзительным возбуждением предъявляющего свои права желудка“. Скорее, его намерение было направлено на некое внутреннее обновление, где компонентами были кровь и потемки души, то есть не на политику, а на высвобождение инстинкта. По своим замыслам и лозунгам фашизм представлял собой не классовую, а культурную революцию и претендовал он на то, чтобы служить не освобождению, а избавлению человека. И вызванный им мощный резонанс конечно же объясняется еще и тем, что он искал Утопию там, где, если следовать естественному движению человеческого духа, только и мог находиться во всех его ипостасях тот самый утерянный рай, — в архаичной, мифической первобытности. Доминирующий страх перед будущим усиливал тягу к перенесению всех апофеозов в прошлое. Во всяком случае, в фашистской „консервативности“ проявлялось желание революционным путем повернуть историческое развитие вспять и еще раз вернуться к отправной точке, в те лучшие гармоничные времена, существовавшие до того, как общество вступило на ложный путь. В одном из писем 1941 года Гитлер напишет Муссолини, что последние пятнадцать столетий были не чем иным, как паузой, а теперь история собирается „вернуться на прежние пути“. И если даже в его задачу не входило восстановление древних порядков, то восстановить их систему ценностей, их мораль перед лицом врывающихся со всех сторон сил распада ему хотелось: „Наконец-то плотина против надвигающегося хаоса!“ — так провозглашал Гитлер».

Но в чем же конкретно состояло само превосходство национал-социализма перед другими политическими течениями? На это Фест отвечает так: «Превосходство фашизма по отношению ко многим его конкурентам объясняется не в последнюю очередь тем, что он острее осознал суть кризиса времени, чьим симптомом был и он сам. Все другие партии приветствовали процесс индустриализации и эмансипации, в то время как он со всей очевидностью разделял страхи людей и пытался заглушить эти

страхи, превращая их в бурное действие и драматизм и привнося в прозаические, скупые будни магию романтических ритуалов — факельные шествия, штандарты, черепа со скрещенными костями, боевые призывы и возгласы „Хайль!“, „новую помолвку жизни с опасностью“, идею „величественной смерти“. Современные задачи он ставил людям в окружении маскарадных аксессуаров, напоминающих о прошлом. Но его успех объясняется еще и тем, что он выказывал пренебрежение к материальным интересам и рассматривал „политику как сферу самоотречения и жертвы индивидуума ради идеи“. Тем самым он полагал, что отвечает более глубоким потребностям, нежели те, кто обещал массам более высокую почасовую оплату. Кажется, он раньше всех своих соперников уяснил, что руководствующийся будто бы только разумом и своими материальными интересами человек, как это считали марксисты и либералы, был некой чудовищной абстракцией. Вопреки всем своим однозначно реакционным чертам он тем самым куда более действенно, нежели его антагонисты, стал соответствовать страстной тоске времени по коренному повороту. Казалось, только он один и выражал ощущение эпохи, что все идет совсем не так и что мир оказался на великом ложном пути. Меньшая притягательная сила коммунизма объяснялась его репутацией классовой партии и вспомогательного отряда чужеземной державы. Скорее он навлек на себя смутное подозрение в том, что и сам-то был одним из элементов этого ложного пути и одним из возбудителей той болезни, за рецепт от которой он себя выдавал, — не радикальный отказ от буржуазного материализма, а лишь его инверсия, не слом несправедливого и неспособного строя, а обезьянье подражание ему и его зеркальное отражение, только вверх ногами».

Впрочем, немного о сути коммунизма. Его главная цель — не экономическое преуспевание всех трудящихся, как и по сей день думают многие, его подлинная цель — *преображение человека* или *возделывание человека морального*, если не праведного. Только превратное или буржуазное отношение к нему ряда руководителей коммунистического движения и привело его к скоропостижной компрометации и краху.

Но продолжаем рассказ о причине победы Гитлера в дни его восхождения к власти (по книге Феста): «Непоколебимая, порой кажущаяся экзальтированной, уверенность Гитлера в своей побе-

де и была ведь всегда в немалой степени продиктована его убежденностью в том, что он — единственный истинный революционер, ибо он вырвался из тисков существующего строя и восстановил в правах человеческие инстинкты. В союзе с ними Гитлер и видел свою непобедимость, так как они в конечном счете всегда прорываются „сквозь экономические интересы, сквозь давление общественного мнения и даже сквозь разум“. Конечно, обращение к инстинкту повлекло за собой немало проявлений неполноценности и человеческой слабости, да и традиция, честь которой хотел восстановить фашизм, была во многом только искаженным отражением оной, как и прославлявшийся им порядок — всего лишь видимостью порядка. Но когда Троцкий презрительно называл приверженцев фашизма „человеческой пылью“, он только демонстрировал этим характерную беспомощность левых в понимании людей, их потребностей и побуждений. Это-то и имело своим следствием столь многочисленные заблуждения при оценке эпохи у тех, кто полагал, что лучше других понимает ее дух и назначение». Вот, сие и было, как говорится, необоримым козырем Адольфа, которым он блестяще и сумел воспользоваться. Но наш разговор сейчас все-таки о другом. О чем же именно? Да о том, почему Иосиф Сталин дал серьезного маху и своими собственными руками запустил козла в «подведомственный огород» или почему он *лично* помог Гитлеру нанести внезапным и невиданной в истории мощи ударом непоправимый, как оказалось впоследствии, ущерб всей Советской России. Видимо, об этом печальном результате войны догадывался и сам советский вождь, так как известный нам ныне праздник 9 мая в СССР при его правлении так толком и не праздновался. Да и что было бы праздновать ему в сей день? Глубокую собственную наивность и беспечность, приведшую к немыслимой жертве лучших русских людей, громадным материальным потерям от крайне бездарного способа ведения войны? Да, были и победы, но они, как оказалось впоследствии, лишь отсрочили неизбежное падение фундаментально ослабленного войной с Германией СССР, его невиданный в истории и крайне постыдный крах. Конечно, строить изначально праведное государство с помощью большого насилия и обмана было делом сомнительным, как говорится, с самого начала, но и трусливо, почти бегом, сдаваться под давлением мирового капитала, также не следовало бы. Нет, этой позорной позиции руководства СССР

никогда не будет никакого сущностного оправдания. А павшие герои Великой Отечественной войны никогда бы не приняли такого «славного» поведения своих потомков, бесстыдно ставших в один исторический ряд с пресловутым генералом Власовым.

Но вернемся к фигуре Адольфа Гитлера, который и принес себя в жертву во имя уничтожения большевизма. Почему именно большевизма? А вот почему. Откроем вновь книгу «Моя борьба», а точнее, ее предпоследний раздел «Восточная ориентация, или Восточная политика». Но сначала перечитаем некоторые места из предшествующей главы, посвященные оценке Гитлером внешней политики Англии. В них как в самом откровенном разговоре вполне угадывается ответ на вопрос: почему Гитлер посмел напасть на СССР: «Традиционная тенденция британской дипломатии (в Германии аналогичную традицию до некоторой степени пыталась создать прусская армия) со времен императрицы Елизаветы заключалась в том, чтобы не дать ни одной из европейских великих держав подняться выше определенного уровня. В борьбе за эту цель Англия прибегала к каким угодно средствам, не исключая и войн. Средства, которые Англия в этих случаях пускала в ход, бывали очень различны, в зависимости от создавшегося положения или поставленной задачи. Но решительность и настойчивость Англия всякий раз проявляла одну и ту же. Чем труднее становилось со временем положение Англии, тем с большей настойчивостью британские государственные деятели продолжали добиваться того, чтобы европейские государства непременно уравнивались друг друга и во взаимном соревновании неизменно парализовали свои силы. Когда Северная Америка политически отделилась от Англии, это еще в большей мере привело к тому, что Англия стала делать еще более настойчивые попытки к сохранению европейского равновесия, долженствовавшего обеспечить английский тыл. После того как Испания и Нидерланды были уничтожены как большие морские державы, Англия сконцентрировала все свои усилия против поднимающейся Франции, пока наконец с крушением Наполеона угроза военной гегемонии Франции могла в глазах Англии считаться уничтоженной. Лишь постепенно британское государственное искусство обращалось против Германии. Процесс этот развивался медленно, во-первых, потому что пока Германия не достигла единства, она не могла представлять сколько-нибудь реальной опасности для Англии; во-вторых, потому

что общественное мнение широких масс, созданное путем длительной пропаганды, меняется весьма медленно... Свою новую позицию по отношению к Германии Англия в основном определила уже в 1870–1871 гг. В связи с ростом экономического значения Америки, а также в связи с ростом политического влияния России Англия несколько раз обнаруживала колебания в вопросе о своем отношении к Германии. Но Германия, к сожалению, не сумела использовать этих моментов, и ввиду этого враждебная позиция Англии по отношению к нам все больше укреплялась. Англия стала видеть в Германии ту державу, которая вследствие своей чрезвычайно быстрой индустриализации приобретала такое большое торговое и общеполитическое значение, что она начала уже меряться силами с самой Великобританией. Германские государственные деятели видели перл мудрости в своей пресловутой идее „мирного хозяйственного“ завоевания влияния. Но в глазах английских политиков эти планы германской политики являлись доводом в пользу необходимости организовать как можно более сильное сопротивление Германии... Англия далее стала думать о том, чтобы использовать в борьбе против Германии абсолютно всех возможных союзников, какие только могли в военном отношении пригодиться для этой цели. Это тоже соответствовало старой английской традиции — трезво оценивать силы противника и не делать себе иллюзий насчет собственных сил. Эти свойства английской политики у нас характеризовали как „бесстыдные“; но это просто неумно уже по той простой причине, что организацию любой войны следует рассматривать только под углом зрения целесообразности, а не под углом зрения героических фраз. Задача дипломатии любой страны заключается не в том, чтобы самым героическим образом привести свой народ к гибели, а в том, чтобы обеспечить дальнейшее существование своему народу, пусть самыми прозаическими средствами. С этой точки зрения целесообразно каждое средство, которое ведет к цели. Упустить хотя бы одно из таких средств означает забвение своего дома и преступление по отношению к собственному народу... Однако Англия вовсе не заинтересована в том, чтобы Германия совершенно исчезла с географической карты Европы. Напротив, как раз ужасное крушение Германии, пережитое ею в ноябрьские дни 1918 г., создало для британской дипломатии совершенно новую ситуацию, которую раньше никто не считал правдоподобной... Совершенно

неожиданно создается новое положение: Германия уничтожена, и самой сильной континентальной державой Европы становится Франция... Англии ничего другого не оставалось, как принять участие в грабежах Франции, хотя бы уже для одного того, чтобы не дать Франции чрезмерно укрепиться за наш счет. Это была единственная тактика, которая вообще была возможна для Англии в данной обстановке. В действительности Англия не достигла тех целей, которые она ставила себе в войне. Ей не удалось добиться такого положения, чтобы ни одно из европейских государств не поднялось выше определенного уровня. Напротив, теперь такая опасность для Англии стала еще более реальной, лишь с той разницей, что этим государством является не Германия, а Франция (вот так, или с учетом сказанного, в будущем Гитлер и будет действовать сначала против Франции, а затем и против России. — *Авт.*)... Кто под этим углом зрения взвесит возможности, остающиеся для Германии, тот неизбежно должен будет прийти вместе с нами к выводу, что нам приходится искать сближения только с Англией». Но вернемся все-таки к разделу о восточной политике. В нем в числе прочего читаем следующее: «Отношение Германии к России я считаю необходимым подвергнуть особому разбору. И это — по двум причинам.

1. Эта проблема имеет решающее значение для всей вообще иностранной политики Германии в целом.

2. Эта проблема является оселком, на котором прежде всего проверяются политические способности нашего молодого национал-социалистического движения; на этом оселке мы проверяем, насколько в самом деле мы способны ясно мыслить и правильно действовать».

Кого и почему именно, Гитлер решает подвергнуть в первую очередь самому решительному переубеждению в связи с выбранным им внешнеполитическим курсом? «Опыт показал нам, что труднее всего переубедить выходцев из рядов так называемой интеллигенции. Именно они труднее всего усваивают себе, казалось бы, совершенно простые и логически ясные взгляды на то, что является подлинным интересом нашей иностранной политики. Эти люди не только обременены целой кучей самых бессмысленных представлений и предрассудков, но кроме того еще совершенно

потеряли здоровый инстинкт самосохранения. Национал-социалистическому движению приходится выдерживать довольно тяжелые бои именно с этими кругами. Бои эти тяжелы, потому что перед нами субъекты, обладающие громадным самомнением и нередко смотрящие сверху на людей с более здоровыми инстинктами, хотя их полное собственное невежество не дает им на это никаких прав. Эти надменно самонадеянные элементы воображают, что все понимают. На деле у них нет даже и следа способностей трезво и хладнокровно анализировать положение и взвешивать необходимые действия. А ведь без этого ни шагу не сделаешь как раз именно в области внешней политики. Но именно эти круги в последнее время все больше и больше определяют направление нашей внешней политики, сталкивая ее на самые несчастные и неправильные пути. Фантастическая идеология этих кругов определяет нашу внешнюю политику в гораздо большей мере, нежели подлинные здоровые интересы немецкого народа. Это является в моих глазах лишним аргументом за то, чтобы я разобрал здесь перед своими сторонниками самую важную проблему всей нашей иностранной политики, т. е., вопрос об отношении нашем к России». Вот так, по Гитлеру, отношение к России — самая важная проблема всей германской иностранной политики. Крепко запомним это, ведь сии слова, как оказалось в дальнейшем, были написаны не просто так. Читаем далее легендарный опус:

«Мы попали теперь в такое положение, когда не выдерживаем уже никакого сравнения с другими государствами. И все это благодаря несчастной иностранной политике руководителей нашего государства, т. е. благодаря тому, что у нас вообще не было определенных, позволю себе сказать, заветных целей и стремлений в области иностранной политики и благодаря тому, наконец, что потеряли здоровый инстинкт самосохранения. Если национал-социалистическое движение действительно хочет взять на себя великую историческую миссию, мы прежде всего обязаны понять всю тяжесть нашего современного положения, как бы горько оно ни было, а затем смело и планомерно вести борьбу против той бездарной и бесплодной иностранной политики, которую до сих пор наши государственные деятели навязывали Германии. Мы должны освободиться от всяких традиций и предрассудков, должны найти в себе мужество объединить весь наш народ и двинуться по той дороге, которая освободит нас от нынешней тесноты, даст

нам новые земли и тем самым избавит наш народ от опасности либо погибнуть, либо попасть в рабство к другим народам».

То есть Гитлер сначала говорит лишь о неких новых землях для Германии, которые избавят ее от разных напастей. И к чему сии речи в разделе о восточной политике? Пока не совсем понятно. Но читаем далее очень и очень смелые заявления будущего фюрера всего германского народа:

«Государственных деятелей, которые возьмут на себя ответственность за проведение предлагаемой нами политики, история не обвинит в том, что они легкомысленно жертвовали кровью своего народа. Здесь я должен еще самым решительным образом заклеить тех писак из народнического лагеря, которые в предлагаемой нами политике завоевания новых территорий видят „нарушение священных прав человека“ и тому подобный вздор. Когда прислушиваешься к тому, что говорят эти господа, то невольно спрашиваешь себя: какие режиссеры стоят за спиной этих субъектов? Во всяком случае, несомненно одно, что то смятение умов, которое вносят эти господа, выгодно только врагам нашего народа. Проповедь этих субъектов достигает только того, что она преступно ослабляет волю нашего народа в борьбе за его самые кровные интересы. Ведь ясно же, что ни один народ в этом мире никогда не получил ни одного квадратного метра земли в силу каких-то особых высших прав. Как границы Германии являлись и являются случайными, так случайны и границы других народов. Границы всех государств являются только результатом политической борьбы, результатом данного соотношения сил... Люди определяют государственные границы и сами люди их и изменяют. Если тому или другому народу удалось завоевать себе очень большие территории, то это вовсе не обязывает другие народы к тому, чтобы навеки признать этот факт незыблемым (кстати, время и события в Европе показали, что Гитлер был, как ни странно, более чем прав. — *Авт.*). Это доказывает только то, что завоеватель в данную минуту был достаточно силен, а остальные народы были достаточно слабы, чтобы это допустить. Право данного завоевателя основано только на его силе. Если наш немецкий народ ныне столь невозможным образом сжат на крошечной территории и вынужден поэтому идти навстречу столь тяжелому будущему, то из этого вовсе не вытекает, что мы должны примириться с судьбой. Восстать против этого — наше законнейшее право. Глупо было

бы думать, что какая-то высшая сила судила так, чтобы другим государствам достались огромные территории, а мы должны были подчиниться нынешнему несправедливому разделу земли. Ведь и те земли, на которых мы живем сейчас, не свалились нам в виде подарка с неба, а достались нашим предкам в тяжелой борьбе. Так и в будущем новые территории достанутся нам не в результате подарка от писак указанного сорта, а только в результате тяжелой борьбы с оружием в руках... Задача нашего движения состоит не в том, чтобы быть адвокатом других народов, а в том, чтобы быть авангардом своего собственного народа. Иначе наше движение было бы никому не нужно, и, во всяком случае, мы не имели бы тогда права болтать о грехах прошлого. Тогда мы сами повторили бы все старые ошибки... Дело обстоит так, что Германия либо будет мировой державой, либо этой страны не будет вовсе. Для того же чтобы стать мировой державой, Германия непременно должна приобрести те размеры, которые одни только могут обеспечить ей должную роль при современных условиях и гарантировать всем жителям Германии жизнь».

Опять что-то рядом, но не по заявленной теме. Впрочем, может быть, будущий германский вождь решает сразу двуединую задачу? Или, может быть, он, с одной стороны, вообще ориентирует немцев на неизбежность захвата Германией чужих земель, а уже с другой — укажет конкретный адресат? Впрочем, читаем ниже:

«Мы, национал-социалисты, сознательно ставим крест на всей немецкой иностранной политике довоенного времени. **Мы хотим вернуться к тому пункту, на котором прервалось наше старое развитие 600 лет назад.** Мы хотим приостановить вечное германское стремление на юг и запад Европы и определенно указываем пальцем в сторону территорий, расположенных на востоке. Мы окончательно рвем с колониальной и торговой политикой довоенного времени и сознательно переходим к политике завоевания новых земель в Европе. *Когда мы говорим о завоевании новых земель в Европе, мы, конечно можем иметь в виду в первую очередь только Россию и те окраинные государства, которые ей подчинены.*».

А как же тогда Франция, Бельгия, Голландия, Дания и даже Норвегия, наконец, все-таки завоеванные Германией под руководством Гитлера еще до нападения на СССР, — спросит некто? А так, что сие есть лишь подготовка собственного тыла к спокойному ведению подлинной войны на полное уничтожение против-

ника в лице СССР на востоке. Да и в самом деле: разве можно было Гитлеру подойти непосредственно к границе СССР, не столкнувшись с интересом той же Франции, которая находилась тогда в союзнических отношениях с Польшей. Бельгия, Голландия были оккупированы фактически для решения задачи выведения Франции из возможности ведения войны с Германией на западе. Лишь Дания и Норвегия в перечисленном ряду стоят особняком. Да и те подверглись германской агрессии сугубо в утилитарных целях — для обеспечения бесперебойной поставки шведской железной руды в Германию. То есть названные блиц-захваты ряда европейских стран никак не носили стратегического характера. Об этом красноречиво сообщает сам ход войны Германии с Францией. Почему? А потому, что, например, английские союзнические Франции войска, находившиеся тогда непосредственно на театре военных действий, по неожиданной команде из Лондона просто отказались вести активные боевые действия против вторгшихся немцев, которые, кстати, уже по команде фюрера, фактически выпустили этот крупный воинский контингент с территории Франции обратно в Англию через порт Дюнкерк. Но вернемся на страницы «Моей борьбы»:

«Сама судьба указывает нам перстом. Выдав Россию в руки большевизма, судьба лишила русский народ той интеллигенции, на которой до сих пор держалось ее государственное существование и которая одна служила залогом известной прочности государства. Не государственные дарования славянства дали силу и крепость русскому государству. Всем этим Россия обязана была германским элементам — превосходнейший пример той громадной государственной роли, которую способны играть германские элементы, действуя внутри более низкой расы... В течение столетий Россия жила за счет именно германского ядра в ее высших слоях населения. Теперь это ядро истреблено полностью и до конца. Место германцев заняли евреи. Но как русские не могут своими собственными силами скинуть ярмо евреев, так и одни евреи не в силах надолго держать в своем подчинении это громадное государство... Конец еврейского господства в России будет также концом России как государства. Судьба предназначила нам быть свидетелем такой катастрофы, которая лучше, чем что бы то ни было, подтвердит, безусловно, правильность нашей расовой теории».

Но только ли свидетелями видит Гитлер немцев в части упомянутой им грядущей катастрофы России и неужели он не знает печального опыта походов немцев на Россию? «Само собой разумеется, что еврейство оказывает и будет оказывать такой политике (речь о новых землях для немцев, которые завоеует германский меч. — *Авт.*) самое решительное сопротивление. Евреи лучше, чем кто бы то ни было, отдают себе отчет в том, какое значение для них имела бы такая наша политика. Казалось бы, уже одного этого факта достаточно, чтобы все действительно национально настроенные немцы поняли всю правильность предлагаемой нами новой ориентации. К сожалению, на деле мы видим обратное. Не только в кругах дейч-национале, но и в кругах фелькише идея такой восточной политики встречает самое упорное сопротивление. При этом обычно любят ссылаться на Бисмарка. Дух Бисмарка тревожат для того, чтобы защитить политику, которая совершенно нелепа и крайне вредна для судеб немецкого народа. Бисмарк, говорят нам, в свое время придавал очень большое значение сохранению хороших отношений с Россией. Это до известной степени верно. При этом, однако, забывают, что столь же большое значение Бисмарк придавал хорошим отношениям, например, и с Италией; что этот самый Бисмарк в свое время даже вступил в союз с Италией, дабы покрепче прижать Австрию. Из этого, однако, ведь не делают того вывода, что и мы должны продолжать теперь такую политику. Да, скажут нам на это, мы не можем повторять такую политику, потому что „современная Италия не является Италией эпохи Бисмарка“. Верно! Но, почтенные господа, позвольте мне напомнить вам тогда тот факт, что и современная Россия тоже уже не та, какой была Россия в эпоху Бисмарка! Бисмарку никогда и в голову не приходило тот или другой тактический ход увековечить на все времена. Бисмарк для этого был слишком большим мастером в использовании быстро меняющихся ситуаций. Вопрос поэтому должен быть поставлен не так: „как поступил тогда Бисмарк?“, а так: „как поступил бы Бисмарк теперь?“. При такой формулировке проблемы на нее будет легко ответить. Бисмарк при его политической дальновзоркости никогда не стал бы связывать судьбу Германии с судьбой такого государства, которое неизбежно обречено на гибель (и что характерно, Гитлер и здесь оказался прав. — *Авт.*). Не забудем и того, что Бисмарк в свое время относился с очень смешанными чувствами к первым шагам Герма-

нии на путях колониальной и торговой политики. Ближе всего к сердцу Бисмарк принимал интересы консолидации и внутреннего упрочения созданной им империи. Только из этого последнего он и исходил, когда приветствовал сближение с Россией, должностующее обеспечить ему тыл и развязать руки по отношению к западу. То, что тогда было полезно Германии, теперь принесло бы ей только вред». Кстати, Гитлер таки и пойдет в свое время на договор с Россией, но только в пользу подготовки тыла Германии для решающего нападения ее на тот же СССР. А англичане блестяще ему подыграют в этом, создав видимость серьезной борьбы с Германией после ее нападения на Польшу. А вот и главные слова о том с кем и против кого Германии следует быть:

«Достаточно бед причинила нам уже довоенная германская иностранная политика, которая всячески чуждалась активно наступательных намерений и ограничивалась оборонительными союзами с одними только отжившими государствами, в историческом смысле вышедшими в тираж. Как в союзе нашем с Австрией, так и в союзе с Турцией было очень мало веселого. Самые могущественные военные и индустриальные государства систематически готовили наступательный союз против нас, а мы в это время собирали вокруг себя только устаревшие импотентные государства, явно обреченные на гибель, и с этим хламом мы хотели идти в бой против мировой коалиции. За эту громадную ошибку нашей иностранной политики Германия расплатилась дорогой ценой. Но, по-видимому, для наших вечных фантастов этой цены еще мало, и они готовы опять впасть в ту же самую ошибку, за которую теперь пришлось бы расплатиться еще горше. Попытаться теперь с помощью „союза угнетенных наций“ пойти в бой против всемогущих победителей было бы не только смешно, но и губительно. Такая попытка была бы губительной потому, что она опять отвлекла бы наш народ от реальных возможностей и вновь мы сосредоточили бы свое внимание на бесплодных надеждах и фантастических иллюзиях. Нынешний немец действительно похож на того утопающего, который хватается за соломинку. Это относится иногда и к очень образованным людям. Стоит только где-нибудь показаться тому или другому болотному огоньку, как эти люди уже связывают с ним свои надежды и начинают изо всех сил гоняться за фантомом. Пусть это будет „союз угнетенных наций“, Лига наций или какое-либо другое фантастическое открытие — все равно у нас неиз-

бежно найдутся тысячи верующих душ, которые возложат свои надежды на эти фантазии».

То есть незабвенный Адольф ясно и четко сообщает всем заинтересованным в большой политике лицам, что он добровольно не собирается вступать на тропу войны с действительно сильными в военном и индустриальном отношении странами, разве что с Францией, и то лишь для выведения ее из строя строго в военном плане, дабы создать для Германии спокойный тыл на западном направлении. Не верите? Тогда читайте следующее откровение Гитлера:

«Ту же самую позицию должны мы занять теперь и по отношению к России. Не будем говорить о подлинных намерениях новых владык России. Нам достаточно того факта, что Россия, лишившаяся своего верховного германского слоя, уже тем самым перестала иметь какое бы то ни было значение как возможный союзник немецкой нации в освободительной борьбе. С чисто военной точки зрения война Германии — России против Западной Европы (а вернее сказать, в этом случае — против всего остального мира) была бы настоящей катастрофой для нас. Ведь вся борьба разыгралась бы не на русской, а на германской территории, причем Германия не могла бы даже рассчитывать на сколько-нибудь серьезную поддержку со стороны России... Обыкновенно на это возражают, что союз с Россией вовсе не должен еще означать немедленной войны или что к такой войне мы можем предварительно как следует подготовиться. Нет, это не так! Союз, который не ставит себе целью войну, бессмыслен и бесполезен. Союзы создаются только в целях борьбы. Если даже в момент заключения союза война является еще вопросом отдаленного будущего, все равно стороны непременно будут иметь в виду прежде всего перспективу военных осложнений. Глупо было бы думать, что какая бы то ни было держава, заключая союз, будет думать иначе. Одно из двух: либо германско-русская коалиция осталась бы только на бумаге, а тем самым потеряла бы для нас всякую ценность и значение; либо такой союз перестал бы быть бумажкой и был бы реализован, и тогда весь остальной мир неизбежно увидел бы в этом предостережение для себя. Совершенно наивно думать, будто Англия и Франция в таком случае стали бы спокойно ждать, скажем, десяток лет, пока немецко-русский союз сделает все необходимые технические приготовления для войны. Нет, в этом случае гроза разразилась бы над Германией с невероятной быстротой».

Ну не понятно еще, куда на самом деле пойдет Гитлер, придя к власти? Тогда читайте следующий пассаж: «Уже один факт заключения союза между Германией и Россией означал бы неизбежность будущей войны, исход которой заранее предрешен. Такая война могла бы означать только конец Германии. К этому, однако, надо еще прибавить следующее.

1. Современные владыки России совершенно не помышляют о заключении честного союза с Германией, а тем более о его выполнении, если бы они его заключили. Нельзя ведь забывать и того факта, что правители современной России — это запятнавшие себя кровью низкие преступники, — это накипь человеческая, которая воспользовалась благоприятным для нее стечением трагических обстоятельств, захватила врасплох громадное государство, произвела дикую кровавую расправу над миллионами передовых интеллигентных людей, фактически истребила интеллигенцию и теперь, вот уже скоро десять лет, осуществляет самую жестокую тиранию, какую когда-либо знала история. Нельзя далее забывать и то обстоятельство, что эти владыки являются выходцами из того народа, черты которого представляют смесь зверской жестокости и непостижимой лживости, и что эти господа ныне больше чем когда бы то ни было считают себя призванными осчастливить весь мир своим кровавым господством. Ни на минуту нельзя забыть того, что интернациональное еврейство, ныне полностью держащее в своих руках всю Россию, видит в Германии не союзника, а страну, предназначенную понести тот же жребий. Кто же заключает союз с таким партнером, единственный интерес которого сводится только к тому, чтобы уничтожить другого партнера (Неужели И. Сталин не читал сих пламенных строк, неужели он их не прикладывал к намерению самого Гитлера заключить с СССР пакт о ненападении в августе 1939 года? — *Авт.*)? И кто, прежде всего спрашиваем мы, заключает союз с субъектами, для которых святость договоров — пустой звук, ибо субъекты эти ничего общего не имеют с честью и истиной, а являются на этом свете только представителями лжи, обмана, воровства, грабежа, разбоя. Тот человек, который вздумал бы заключить союзы с паразитами, был бы похож на дерево, которое заключает „союз“ с сухоткой.

2. Германия также не избавлена от той опасности, жертвой которой пала в свое время Россия. Только буржуазные простачки способны думать, будто большевизм в Германии уже сокрушен.

Эти поверхностные люди совершенно не понимают того, что тут дело идет о напоре со стороны евреев, стремящихся к мировому господству, и что этот натиск евреев столь же натурален, как натиск англо-саксонской нации, которая, в свою очередь, тоже стремится к полному господству на земле (Браво! И опять прав Адольф! — *Авт.*). Англо-саксонцы ведут эту борьбу на тех путях и теми средствами, которые свойственны им, а еврей ведет эту борьбу тем оружием, которое свойственно ему. Евреи идут своей дорогой. Они втираются в среду других народов, разлагают их изнутри (но ведь это неподсудно. — *Авт.*); евреи борются ложью, клеветой, ядом и разложением, а когда наступит момент, они поднимают свою борьбу на „высшую“ ступень и переходят к прямому кровавому истреблению ненавистного противника. Русский большевизм есть только новая, свойственная XX веку попытка евреев достигнуть мирового господства. В другие исторические периоды то же стремление евреев облекалось только в другую форму».

Ну разве уже после столь ясного признания самого Гитлера руководству СССР следовало бы идти с ним на какие-то серьезные переговоры? Нет, все равно следовало бы идти — идти во имя безопасности СССР, — скажет сторонник Сталина, полагая что иного выбора тогда и вовсе не дано было, ведь следовало еще хорошо вооружить РККА. Да, но и вермахт в 1939 году был еще не так силен, каким он стал к лету 1941 года. Кроме того, именно с сентября 1939 года благодаря соглашению с СССР вермахт и стал приобретать незаменимый для будущего вторжения в СССР боевой опыт. С другой стороны, а если бы, например, руководство СССР, осознавая всю несомненную реальность стремительного приближения к своим границам значительной группировки немецких войск посредством введения в действие подготовленного ими заранее агрессивного плана захвата территории Польши, заявило бы Адольфу Гитлеру твердо и решительно о недопустимости такого шага Германии и добавило, что стало бы рассматривать подобное приближение к СССР главных сил вермахта как очевидный акт замышляемой против себя агрессии, ведущей, в свою очередь, к необходимости самого срочного объявления внутри СССР всеобщей военной мобилизации для организации экстренной подготовки отпора угрозы германской агрессии, то тогда бы у Гитлера вполне могло возникнуть самое серьезное сомнение в успехе собственного военного похода на ближайшего соседа Советской

России. То есть он бы смог догадаться о большой вероятности для себя самых неожиданных и самых катастрофических последствий в случае нападения Германии на Польшу. Кто-то, вероятно, скажет, что это было бы сродни объявлению войны Германии уже со стороны СССР. Да, было бы, но только как объявление *условное* и *абсолютно* оправданное. А как же иначе, ведь агрессор изговаривается бить фактически уже ближайшего вашего соседа, а значит, он вполне будет готов затем и вас побить. О чем тут еще можно говорить? Неужели сговор с агрессором по поводу раздела территории намеченной им жертвы может оправдать где-либо и кого-либо, а тем более страну победившего социализма? С другой стороны, кто-то заметит, что СССР в 1939 году угрожала также агрессивная Япония, а значит, Сталин просто вынужден был «замириться» с Гитлером. На это можно ответить, что Япония в то время искала не новые территории для заселения их японцами, она искала нефть, которой на востоке СССР обнаружено тогда еще не было. И, в конце концов, даже временная потеря на Дальнем Востоке каких-то земель в результате японской агрессии никак не могла быть для СССР смертельной угрозой. Впрочем, для понимания сказанного выше или недопустимости поощрения агрессии Гитлера в сторону границы СССР советскому руководству нужно было еще в 1925 году читать его работу более внимательно и поменьше верить в собственные измышленные мечты о возможном осуществлении Гитлером после его прихода к власти в Германии полномасштабной агрессии в отношении Англии. То есть линия Сталина на фактическое умиротворение агрессора путем достижения с ним согласия по разделу в результате агрессивной войны территории Польши никак не может быть оценена положительно ни тогда, ни сегодня. А главное, сие близорукое поведение руководства СССР прямо и непосредственно ставило его же в дальнейшем в полную зависимость от решений Гитлера, который в возникших обязательствах сторон сразу же после заключения пакта о ненападении вполне смог сосредотачивать главные военные силы в полной боевой готовности и непосредственно вблизи границы СССР без какого-либо серьезного для самой Германии риска. Почему? А потому, что инициатива по заключению пакта исходила тогда от нее. В результате, подписавшись как бы вынужденно под раздел мира, СССР оказался в *смертельной ловушке*, которая и захлопнулась ровно в 4 часа утра 22 июня 1941 года. Иначе говоря,

после августа 1939 года не было у Сталина никакой иной возможности, как только верить Гитлеру на слово, что, в конце концов, и погубило всю страну, полученную им когда-то из рук Ленина. А пиррова победа 8 мая 1945 года досталась СССР как своего рода утешительный приз всем недалеким нашим согражданам, что мы тоже что-то «можем», а значит, нам есть чем гордиться и мы не зря на свете живем. Грустно сие, если говорить серьезно или без каких-либо поблажек самим себе. А могла бы сложиться судьба СССР иначе? Вряд ли. Почему? А потому, что слишком велика была вера исторических большевиков в насилие, в возможность обмана ради классовых интересов. Поэтому-то и Гитлер как главный могильщик Советской России и был приурочен названной сутью реального большевизма к тому, чтобы подорвать его и лишить тем самым какой-либо возможности измениться или стать ненасильственным и честным. А Отечество наше и по сию пору влачит в целом жалкое существование несчастной страны, которой вечно что-то извне мешает поступать дальновидно, а значит, и вполне разумно. Но, может быть, тогда все на самом деле и не так было, как представляется автору сего исследования? Для лучшего уяснения этого вопроса и снятия всяческих сомнений вернемся снова к чтению «Моей борьбы»:

«Ближайшей приманкой для большевизма в нынешнее время как раз и является Германия. Чтобы еще раз вырвать наш народ из змеиных объятий интернационального еврейства, нужно, чтобы наша молодая идея сумела разбудить все силы нации и внушить ей сознание великой миссии, ожидающей нас. Только в этом случае мы сможем спасти свой народ от окончательного заражения нашей крови. Только тогда мы сумеем пробудить те силы, которые надолго дадут нам гарантию против повторения постигших нас катастроф. В свете таких целей чистейшим безумием было бы вступать в союз с державой, во главе которой стоят смертельные враги всей нашей будущности. Как, в самом деле, можем мы освободить наш собственный народ от этих ядовитых объятий, если мы сами полезем в эти объятия? Как, в самом деле, можем мы освободить немецких рабочих от большевистских влияний, как можем мы убедить их в том, что большевизм есть проклятие и преступление против всего человечества, если бы мы сами стали вступать в союз с большевистскими организациями, этим исчадием ада, и тем самым в основном признали бы эти организации?

Как, в самом деле, стали бы мы потом осуждать рядового человека из массы за его симпатии к большевистским взглядам, если бы руководители нашего государства сами избрали себе в качестве союзников сторонников большевистского мировоззрения (А каково? Видимо, и сам пакт Германии с Советской Россией был все-таки отступлением Гитлера от собственной доктрины, или не был, а был изначально лишь полностью мнимым? — *Авт.*)? Чтобы провести успешную борьбу против еврейских попыток большевизации всего мира, мы должны прежде всего занять ясную позицию по отношению к Советской России. Нельзя побороть дьявола с помощью Вельзевула (А вот и ответ: его договоренность с СССР была предельно ложной изначально. — *Авт.*). Если даже в кругах фелькише все еще находятся люди, мечтающие о союзе с Россией, то мы просим их прежде всего оглянуться вокруг себя самих и отдать себе отчет в том, какие же именно силы внутри самой Германии поддерживают такой план. Разве не видят они, что именно интернациональная марксистская пресса рекомендует и поддерживает план союза с Россией? Кажется, одного этого было бы достаточно, чтобы понять, куда это ведет. С каких это пор, в самом деле, лагерь фелькише готов бороться тем оружием, которое подсовывают ему евреи (Вот это щепетильность, вот это разборчивость в средствах! — *Авт.*)? Но никогда мы не делали старой Германии упрека за то, что она отказалась продолжать хорошие отношения с Россией (То есть все что угодно, только не хорошие отношения с Россией, но как и почему сие? — *Авт.*). Я признаюсь открыто, что уже в довоенное время я считал, что Германия поступила бы гораздо более правильно, если бы, отказавшись от бессмысленной колониальной политики, от создания военного флота и усиления своей мировой торговли, она вступила в союз с Англией против России. Если бы вовремя сумели отказаться от попыток завоевать себе универсальное влияние и сосредоточились на энергичной политике завоевания новых земель на европейском континенте, это принесло бы нам только пользу. Я не забываю всех наглых угроз, которыми смела систематически осыпать Германию панславистская Россия. Я не забываю многократных пробных мобилизаций, к которым Россия прибегала с единственной целью ущемления Германии. Я не могу забыть настроений, которые господствовали в России уже до войны, и тех ожесточенных нападков на наш народ, в которых изощрялась русская большая пресса, восторженно

относившаяся к Франции. Однако перед самым началом войны у нас все-таки была еще вторая дорога: можно было опереться на Россию против Англии (вот как, был готов выступить даже против любимого доселе идола? — *Авт.*). Ныне же положение вещей в корне изменилось. Если перед мировой войной мы могли подавить в себе чувство обиды против России и все же пойти с ней против Англии, то *теперь об этом не может быть и речи*. Стрелка на циферблате истории продвинулась уже куда дальше. Близится час, когда судьбы нашего народа так или иначе должны окончательно разрешиться. Все большие государства земли переживают сейчас процесс консолидации. Это должно послужить для нас предостережением. Мы должны как следует призадуматься над всем происходящим, распротиться с миром мечтаний и встать на путь суровой действительности, который один только может вывести нас на новую широкую дорогу (От чего предостерегал немцев вождь национал-социализма, какой завет в области внешней политики он формулировал для них? — *Авт.*). Никогда не миритесь с существованием двух континентальных держав в Европе! В любой попытке на границах Германии создать вторую военную державу или даже только государство, способное впоследствии стать крупной военной державой, *вы должны видеть прямое нападение на Германию*. Раз создается такое положение, вы не только имеете право, но вы обязаны бороться против него всеми средствами, вплоть до применения оружия (Вот бы тов. Сталину усвоить сие наставление своевременно! — *Авт.*). И вы не имеете права успокоиться, пока не удастся помешать возникновению такого государства или же пока вам не удастся его уничтожить, если оно успело уже возникнуть. Позаботьтесь о том, чтобы наш народ завоевал себе новые земли здесь в Европе, а не видел основы своего существования в колониях. Пока нашему государству не удалось обеспечить каждого своего сына на столетия вперед достаточным количеством земли, вы не должны считать, что положение наше прочно. Никогда не забывайте, что самым священным правом является право владеть достаточным количеством земли, которую мы сами будем обрабатывать. Не забывайте никогда, что самой священной является та кровь, которую мы проливаем в борьбе за землю».

Ну чем не гимн получился? Впрочем, не будем отвлекаться от главного, которое сейчас и наступает. Ниже, уважаемый читатель,

вы ознакомитесь с самой сутью всей будущей политики Гитлера вовне Германии:

«Перед тем как кончить главу, я хочу еще и еще раз остановиться на доказательстве той мысли, что в деле заключения союзов для нас существует только одна-единственная возможность (обратите внимание на безальтернативность позиции Гитлера. — *Авт.*). Уже в предыдущей главе я доказал, что действительно полезным и открывающим нам крупные перспективы (понятное дело, что речь идет о востоке Европы. — *Авт.*) союзом был бы союз с Англией и Италией. Здесь я хочу остановиться еще вкратце на военном значении, какое может получить такой союз. Взвешивая положение, приходится сказать, что и в большом и в малом военные последствия такого союза были прямо противоположны тем, к каким привел бы союз Германии с Россией. Прежде всего тут важно то, что сближение Германии с Англией и Италией никоим образом не приводит к опасности войны. Единственная держава, с которой приходится считаться как с возможной противницей такого союза, — Франция объявить войну была бы не в состоянии. Это дало бы Германии возможность совершенно спокойно заняться всей той подготовкой, которая в рамках такой коалиции нужна, дабы в свое время свести счеты с Францией. Ибо самое важное в таком союзе для нас то, что Германия не может тогда подвергнуться *внезапному нападению* и что, наоборот, союз противников распадается, т. е. уничтожается Антанты, из-за которой мы претерпели бесконечно много несчастий. Заключение такого союза означало бы, что смертельный враг нашего народа — Франция — сам попадает в изолированное положение. Если бы успех этого союза вначале имел только моральное значение, и то это был бы громадный шаг вперед. Германия развязала бы себе тогда руки настолько, что теперь даже трудно себе и представить. Ибо вся инициатива перешла бы тогда от Франции к новому англо-германо-итальянскому европейскому союзу. Вторым результатом такого союза было бы то, что Германия одним ударом вышла бы из нынешнего неблагоприятного стратегического положения. Во-первых, мы получили бы могучую защиту своих флангов, во-вторых, мы были бы полностью обеспечены продовольствием и сырьем. И то и другое принесло бы величайшую пользу нашему новому государственному порядку. А еще важнее то обстоятельство, что в этот новый союз входили бы как раз государства, друг

друга до известной степени дополняющие в технической области. Впервые у Германии были бы союзники, не похожие на пиявок, которые сосут кровь из нашего хозяйства; впервые мы имели бы союзников, обладающих такой промышленностью, которая могла бы богатейшим образом дополнить нашу собственную технику вооружения. Не забудем, что в обоих случаях дело идет о союзниках, которых нельзя и сравнивать с какой-нибудь Турцией или с нынешней Россией. Англия представляет собой величайшую державу, а Италия — молодое, полное сил национальное государство. Союз с такими государствами создал бы совсем другие предпосылки для борьбы в Европе, нежели тот союз с гниющими государственными трупами, на который Германия опиралась в последней войне (а не утопист ли Адольф? — *Авт.*). Конечно, достигнуть такого союза — дело, связанное с большими трудностями, о чем я уже говорил в предыдущей главе. Но разве образование Антанты в свое время было делом менее трудным? То, что удалось королю Эдуарду VII, несмотря на почти полное расхождение этого союза с очень многими интересами, должно удалиться и удасться и нам, если мы целиком проникнемся идеей необходимости предлагаемого мной союза и сумеем преодолеть в себе сопротивление такому союзу. Нужно только понять, что вся обстановка повелительно требует от нас именно такого решения, нужно раз навсегда отказаться от внешней политики, не знавшей в течение последних десятилетий никаких целей, нужно твердо выбрать один-единственный путь и идти по нему до самого конца (что, собственно, и было в дальнейшем сделано. — *Авт.*). Нам нужна не западная и не восточная ориентация, нам нужна восточная политика, направленная на завоевание новых земель для немецкого народа (ну вот она, самая, что ни на есть голая суть! — *Авт.*). Для этого нам нужны силы, для этого нам нужно прежде всего уничтожить стремление Франции к гегемонии в Европе (Обратите внимание, задача уничтожения Франции изначально совсем даже не ставится. — *Авт.*), ибо Франция является смертельным врагом нашего народа, она душит нас и лишает нас всякой силы. Вот почему нет той жертвы, которой мы не должны были бы принести, чтобы ослабить (только-то. — *Авт.*) Францию. Всякая держава, которая, как и мы, считает для себя непереносимой гегемонию Франции на континенте, тем самым является нашей естественной союзницей. Любой путь к союзу с такой державой для нас приемлем. Любое самоограничение не может по-

казаться нам чрезмерным, если только оно в последнем счете приведет к поражению нашего злейшего врага и ненавистника».

Теперь предостережение Гитлера своим сторонникам в отношении их реакции на критику выбранной и предложенной им политики:

«Выступая с таким предложением, мы ныне, разумеется, рискуем подвергнуться самым бешеным нападкам со стороны врагов нашего народа. Пусть лают. Нас, национал-социалистов, это не остановит, и мы по-прежнему будем провозглашать то, что по нашему глубочайшему убеждению безусловно необходимо с точки зрения интересов отечества. Конечно, сейчас нам приходится плыть против течения. Так называемое общественное мнение формируется лукавством евреев, превосходно использующих безыдейность громадного количества немцев. Волны вокруг нас вздымаются иногда очень высоко, угрожая нам бедой. Ничего! Кто плывет против течения, тот будет замечен легче, чем тот, кто плывет по течению. Сейчас мы представляем собой только маленький утес, но пройдет немного лет и мы превратимся в ту незыблемую твердыню, о которую разобьется волна — с тем, чтобы направиться потом в новое русло (Что ж, если речь о прекращении большевизации мира, то все предсказанное Гитлером случилось, правда, далеко не сразу. — *Авт.*)».

И, завершая свое программное обращение к своим сторонникам, Гитлер, напутствуя, говорит им следующие слова:

«Нам необходимо добиться того, чтобы в глазах всего остального мира именно национал-социалистическое движение рассматривалось как носитель вполне определенной политической программы. Что бы ни ожидало нас в будущем, пусть весь мир сразу узнает нас по тому знамени, которое мы подымаем! Нам прежде всего необходимо самим до конца понять, какова должна быть наша программа внешней политики. Познав это до конца, мы найдем в себе достаточно силы и устойчивости, чтобы бороться за свои взгляды до последнего. Это очень и очень необходимо нам. Враждебная пресса набрасывается на нас с такой яростью, что иным из наших иногда становится не по себе, и тогда возникают колебания: не сделать ли ту или другую уступку в этой области, не начать ли вместе с волками выть по-волчьи хотя бы в отдельных вопросах иностранной политики. Выработав в себе прочные взгляды на этот счет, мы забронируем себя от этой опасности».

Обобщая все изложенное выше, обдумывая главные тезисы из «Моей борьбы» Адольфа Гитлера, приходишь к смешанному ощущению от всего воспринятого. Почему? Да, видимо, потому, что, глядя из будущего времени, становится просто горько и стыдно за всех политиков рассматриваемой эпохи. Неужели они все-таки сознательно вели Гитлера в сторону СССР, дабы навсегда закрыть с его помощью тему большевистской России, тем более что он (Адольф) и сам страстно желал именно этого? Если это так, то современный западный мир удивительно подл в самой своей основе. Причем ему же за все им содеянное тогда в России еще предстоит заплатить и самому, а вернее, очень и очень много доплатить. Иначе говоря, расчет за сие «славное» дельце так и не произведен и по сей день. Что это будет? Новая мировая война, порожденная неизбежным и финальным кризисом между всемирным трудом и всемирным капиталом (речь идет о формировании уже совершенно неустранимого мирными средствами катастрофического разрыва между темпами роста мирового капитала и темпами роста мирового труда), или это будет нечто иное, сказать сейчас весьма трудно. С другой стороны, всякие попытки оправдания И. Сталина также выглядят сегодня просто омерзительно, ведь вождь всех народов, как ни странно, внес и свою, как оказалось впоследствии, самую роковую лепту в это самое ужасное во всей известной ныне истории человечества начинание. Именно его жестоко-лукавая политика помогла Гитлеру выйти на финальную часть им заранее сформулированного плана, именно его необычайное самомнение и погубило «красную» Россию, так как он так и не осознал элементарной возможности принесения всем капиталистическим миром Германии в качестве своего рода искупительной жертвы во имя решения задачи низложения большевизма в России. Поэтому-то, отчетливо понимая сей жуткий замысел, совсем и не случайно с самого начала рокового похода на Россию многие руководители вермахта пытались тем или иным способом отстранить Гитлера от власти. И не важно, что задача низложения большевизма решалась не сразу, ныне важно то, что *она была решена*. Да, социализм или коммунизм как принудительное устройство жизни человечества оказался нежизнеспособным, но сама идея устройства морального людского бытия так и осталась неразвенчанной, а значит, она и поныне сохраняет свой потенциал и вполне может быть востребованной, когда всемирное «рыноч-

ное счастье» начнет давать неустранимый ничем сбой. Но все же, удалось ли Гитлеру реализовать им намеченный в «Моей борьбе» план? Ответ на сформулированный вопрос будет утвердительным: да, ему это в целом удалось сделать. Другое дело, что полученный объективный результат им самим, видимо, так и не был осознан. Но это его, как говорится, личные беды, важно совсем другое, что решающее ослабление потенциала всего СССР он в 1941–1942 годах вполне себе совершил, и совершил благодаря нанесению по Советской России внезапного удара самой чудовищной силы. И в этом ему помогли все его «славные» союзники, и даже мнимые противники на Западе. Помянутые участники истории лишь после содеянных им в России невиданных в истории человечества злодеяний и получения в свою очередь, несмотря ни на что, достойного отпора со стороны советского народа включились в борьбу с ним (с Гитлером) как с самым что ни на есть всемирным злом. А где же доказательства справедливости сего развернутого вердикта? — спросит некто. Пожалуйста, даже через 10 лет после начала войны с вермахтом СССР так и не смог выйти в сопоставимых величинах на уровень довоенных цен на товары широкого народного потребления. Другими словами, материальный (экономический) ущерб от войны оказался для СССР непреодолимым и роковым с самого начала. Тогда как ущерб, например, Англии, как в людях, так и в утраченных материальных ценностях, оказался вполне приемлемым для решения задачи вполне быстрого и значительного увеличения материального благосостояния английского народа. Кстати, потери Англии в людях за все время ведения борьбы с Гитлером составили 362 тысячи человек, из них 62 тысячи — потери мирного населения. Много это для серьезной борьбы с всемирным злом? Вряд ли. То есть если кто и боролся с гитлеровской Германией всерьез, то это уж точно не Англия. Почему? А потому, что Гитлер, с одной стороны, и не хотел всерьез войны с ней, а во-вторых, он и не смог бы воевать с англичанами по-взрослому, даже если очень того захотел. Его ограничивало в этом решительно отсутствие у Германии мощного военно-морского флота, а также отсутствие какого-либо заметного превосходства над Англией в воздухе. И потом, само поведение Англии сразу после нападения Германии на СССР ясно говорило, что она своим *фактическим* нейтралитетом полностью поддержала вторжение в Россию фашистских войск, так как перешла к оказанию массиро-

ванной помощи СССР только в 1942 году, когда уже всем стало ясно, что скорой победы Гитлеру над Россией не видать. Кстати, сразу после прилета Гесса в Англию все широко заметные налеты ВВС Третьего рейха на Англию разом прекратились, чтобы возобновиться уже лишь в январе 1943 года. Другими словами, Гитлер был абсолютно уверен, что для блицкрига в России он имеет все необходимые ему гарантии от Англии. Но ведь Западная Германия после войны, несмотря на громадные людские и материальные потери, быстро восстановилась, — скажет противник позиции автора настоящей работы. Да, она восстановилась, но восстановилась опять же не сама, а благодаря громадной материальной поддержке со стороны тех, кто ее и толкнул в войну с СССР. Иначе говоря, и Англия, и ее главный союзник США вышли из Второй мировой войны *подлинными победителями*. Почему? А потому, что в Европе после войны возникло англосаксонское доминирование. На это, возможно, кто-то заметит, что и СССР получил после войны в Европе целую группу союзников. Да, это так, если воспринимать ситуацию формально или сугубо внешне, тогда как серьезный анализ сразу же приводил к выводу, что разоренная войной мировая держава не сможет долго держать в зоне своего влияния включенные во многом принудительно в лагерь социализма европейские страны. Поэтому всякие разговоры о выходе СССР из огромного пламени Второй мировой войны без коренного ущерба для самого себя, конечно же, есть разговоры явно поверхностные и лукавые. Если кто и получил свои дивиденды из случившегося исторического кошмара, так это только не большевистская Россия. Таким образом, как ни поворачивай, но все равно выходит то, что *22 июня 1941 года — это смертный приговор большевизму в России, вынесенный ему его же крайне противоречивой историей и приведенный в исполнение лично Адольфом Гитлером*. Чем жить России без большевизма? Какова ее национальная идея? Только правильный ответ на сей основополагающий вопрос и даст ей тот единственный шанс обрести свою будущность.

Послесловие

Зная прошлое, легко предсказать будущее, которое, впрочем, невозможно изменить.

Великий князь Николай Михайлович Романов

Вот и завершается книга о подлинной или объективной истории, о ее возможных истоках и принципах. Конечно, не всем читателям покажется справедливым и уместным предлагаемый автором подход к проблеме исторического знания. Но, повторяя уже сказанное в предисловии, автор настаивает на том, что в начале (всего) было слово (образ, мысль). Другими словами, нет для истории другого истока, кроме как мировоззрение человека. Поэтому только сущностная особенность взгляда на смысл человеческой жизни и порождает те или иные исторические события, только господствующие умонастроения формируют и развертывают их во времени. И лишь их объективное познание и позволяет доподлинно знать как настоящее, так и прозревать будущее. То есть нет объективного исторического знания вне достоверного знания настоящего и понимания сути грядущего, которое и возникает, в свою очередь, из твердого знания смыслов, господствовавших в прошлом. Иначе говоря, для подлинной истории есть лишь подлинные смыслы прошлого. Именно познание таковых, каковы они были сами по себе, и образует суть невыдуманного, неконъюнктурного исторического знания. А как и через что стяжать подлинные смыслы прошлого? Лучше всего для этого подойдут подлинные письменные документы, имеющие характер прямой речи, исходившей когда-то от известных и влиятельных исторических лиц. Зачем сие? С помощью этих документов вполне можно будет

уяснить саму суть исторических деяний. Почему же так? А потому, что, например, *буквальное восприятие* добровольно когда-то произнесенных или написанных речей открывает, если хотите искомую возможность познания известных исторических смыслов. Другими словами, лишь исключительно внеконтекстное или, если хотите, *сущностное восприятие* смыслов слов и позволит, в конце концов, открыть нам объективный смысл самих изучаемых нами событий. Иное, или толкующее, восприятие прошедшего уведет непременно в сторону напрасных догадок. Почему? Да потому, что всякое стороннее или внешнее домысливание наличного (рассматриваемого нами) исторического текста ведет неумолимо в смысловой тупик. С другой стороны, лишь математически точное знание смысла разбираемого нами исторического текста дает нам же твердую или объективную историческую реальность. Что же может явно свидетельствовать в пользу успешности прочтения нами конкретного исторического текста? А то, что оно (прочтение) легко и прочно увязывается как с соответствующими историческими событиями, так и с к ним примыкающим. То есть грамотное или правильное прочтение исторических речей или письменных работ заметных исторических лиц непременно гарантирует выявление главных исторических *смысловых цепочек*. Таковые же в свою очередь позволят увидеть нам уже исторические процессы в их взаимосвязи и развитии. В результате у нас и возникнет искомое целостное представление о главных исторических смысловых рядах, с помощью которого мы получим право смело выносить оценку уже настоящему дню, естественно вытекающему из дней минувших. В таком случае историческая наука и станет, наконец, беспристрастным судьей политического поведения всякой власти и, возможно, одновременно его же корректирующим средством. Иначе говоря, *объективная история* фактом своего существования сможет впервые в истории исторического знания стать действительно ответственным делом как в вопросе формирования подрастающего поколения, так и в вопросе удержания власти в пределах ей положенного в обществе разумных людей. Конечно, названный процесс не будет простым и гладким, но сила его в том, что ему все равно быть, — таково веление наступающего времени. Впрочем, сначала, судя по всему, будет еще и другое:

Россия в роли безотчетного спасителя всемирного господства духа наживы

Здесь ум вселенский — все напрасно,
ничто не может вам помочь,
когда корысть гложет всечасно.

Наталья Ульянова

Что и почему случилось в мире сущностного в связи с вторжением российских войск в начале августа 2008 года на территорию Грузии? Сегодня практически весь мир переживает небывалый во всей истории человечества кризис издавна сложившихся денежных отношений. То есть капиталистический способ хозяйствования неумолимо самой своей сутью стяжания наживы исчерпал всякие возможности снятия накопленных им ранее противоречий между всемирным трудом и всемирным капиталом, между небывалыми в истории темпами прироста известного капитала и темпами прироста мирового труда, между разными объемами и разным качеством потребления всего производимого в мире продукта. Иначе говоря, всякое дальнейшее существование современного человечества на принципах господства или, если хотите, *тотального насилия денег* становится в обозримом будущем совсем невозможным просто в силу уже возникших сверхнапряжений наличных финансовых обязательств. Другими словами, буквально все современное мировое хозяйство опутано многочисленными и огромными долговыми обязательствами. При этом авангард сего странного дела — США для удержания и впредь принципа «деньги к деньгам» к тому ежедневно еще печатают порядка 5 млрд долларов. Кроме этого, ныне совокупно США потребляет продуктов и услуг на сумму, в два раза превышающую весь совокупный трудовой вклад США в мировую экономику. То есть в мире сегодня налицо фантастического масштаба перекосы в распределении производимых материальных благ. Может ли подобное продолжаться и далее без возникновения всемирного обвального кризиса взаиморасчетов? Конечно же не может. Имеются ли ныне какие-либо средства для преодоления грядущего глобального потрясения? Ответ таков: мирного свойства средств уже не имеется совсем даже с теоретической точки зрения. Так что же делать, как быть-то, ведь снимать наличное напряжение все равно придется? К сожалению, история человечества знает лишь один эксклюзивный способ —

кровавый способ мировой войны как радикального, но все равно временного разрешения подобного положения дел. Поэтому и выходит по всему так, что Россия, как и встарь, берет сегодня добровольно на себя роль, с одной стороны, спускового механизма грядущего всемирного конфликта, с другой — его же главного участника. Но как так и зачем, собственно, она это делает? Что есть Россия в начале XXI века? Это страна, потерявшая в результате отказа от коммунистической идеологии статус великой мировой державы. Иначе говоря, ныне Россия — это страна, попавшая своей волею в ловушку утраты ею же какого-либо самоуважения. Или, вступив в 1991 году на тропу неслыханного предательства крайне сложных идеалов своих предшественников, народ России оказался в положении всех потерявших лицо. Но почему же сия оценка вдруг справедлива? Россия исстари несет в себе тенденцию соборности или тенденцию монополизации главных смыслов человеческого бытия. То есть русский человек чувствует себя комфортно лишь в случае служения *большим смыслом*. Ну, такова уж, видимо, участь наша. Поэтому, компенсируя свою рукотворную духовную катастрофу, родина социализма и стала судорожно искать и не менее импульсивно добиваться неких собственных национальных интересов. Что это такое? Видимо, это возможность российского руководства диктовать как можно более широкому кругу народов свою волю и ловко внушать им всем трепет и страх. Но почему так? А видимо потому, что комплекс неполноценности, объективно возникший в русской душе в результате невиданного доселе предательства, и ведет неумолимо потенциально способную на многое державу в сторону конфликта с миром. Другими словами, суетный отказ от поиска и воплощения идеала человеческой жизни в пользу пошлой идеи быстрого обогащения и не мог дать ничего иного. То есть Россия 2008 года — это страна, как ни прискорбно, уязвленного руководства, видимо, посчитавшего возможным с помощью применения различных форм насилия и обмана заявить о себе в качестве очень могучего и очень правого субъекта мировой политики. Кстати, именно отсюда и проистекают все разговоры внутри России об эффективном государстве. Но каковы контуры будущего конфликта, если ему суждено быть? А например, таковы. Россия в конце концов аннексирует территории Южной Осетии и Абхазии. Затем начнется постепенное стягивание вооруженных сил со стороны стран НАТО в район Гру-

зии с целью восстановления ее границ в рамках Грузинской ССР. Впрочем, возможен иной вариант, скажем такой: Россия нападет как бы вынужденно уже на соседнюю с Грузией страну. Какую? С ответом не будем забегать вперед, дабы не осложнять международные отношения без нужды. Главное, мир сегодня убедился, что Россия уже готова к тому вполне. А далее (видимо, не сразу) вполне «славная» операция «Принуждение Грузии к миру» перейдет в свою вторую и уже финальную фазу: «Принуждение народа России к благочестию и подлинному величию». Об этом, в частности, недвусмысленно сказал по окончании Второй мировой войны известный старец отец Серафим Вырицкий: «Нет, это еще не все (речь о неизбежности новой большой войны. — *Авт.*). Еще будет страху больше, чем было. Вы еще встретите ее (речь о грядущей мировой войне. — *Авт.*). Будет очень трудно молодежи переобмундировываться. Кто только выживет? Кто только жив останется? (Эти слова о. Серафим повторил трижды. — *Авт.*). Но кто жив останется — какая будет у того хорошая жизнь...» То есть выходит, по словам старца, что после грядущей мировой схватки в России воцарится иная, чем ранее, нравственная атмосфера. Но как она возникнет и за счет чего конкретно? Тайна сия есть. Видимо, тогда-то по воле Божьей в ответ на горячую мольбу народа России и возобладает в умах русских людей давным-давно искомая многими национальная идея — *идея служения русского народа своему царю-праведнику.*

Автор

Использованная литература

Известия. 1989. Май — июнь. № 146–163, 176 (стенографический отчет работы Первого съезда народных депутатов СССР).

Перепечатка стенографического отчета ВСЕРОССИЙСКОЕ УЧРЕДИТЕЛЬНОЕ СОБРАНИЕ ПЕРВЫЙ и ЕДИНСТВЕННЫЙ ДЕНЬ ЕГО ЗАНЯТИЙ (5-6 января 1918 года). Киев: Абрис, 1991.

Суханов Н. Н. Записки о революции. М.: Республика, 1992.

Иоахим Фест Гитлер. Биография. Путь наверх. М.: Вече, 2007.

Иоахим Фест Гитлер. Биография. Триумф и падение в бездну. М.: Вече, 2007.

Опитц Р. Фашизм и неофашизм. М.: Прогресс, 1988.

Гитлер А. Моя борьба. Харьков: Свитовид, 2003.

Стариков Н. Кто заставил Гитлера напасть на Сталина. СПб.: Питер Пресс, 2008.

Дашичев В. И. Банкротство стратегии германского фашизма. М.: Наука, 1973.

Сахаров А. Д. Мир, прогресс, права человека: Статьи и выступления. Л.: Сов. писатель, 1990.

Гарин И. И. Аввакум. Харьков: ФОЛИО, 1994.

В. П. Филимонов Жизнь, подвиги и чудотворения старца Серафима Вырицкого. СПб.: САТИСЪ, 2000.

Миронов А. Н. Связующая смысла суть. СПб.: Геликон Плюс, 2006.

Миронов А. Н. Литературы лукавое лицо. СПб.: Геликон Плюс, 2007.

Миронов А. Н. Сущностное восприятие слова. Книга первая. СПб.: Экополис и культура, 2000.

Миронов А. Н. Сущностное восприятие слова. Книга вторая. СПб.: Алетейя, 2004.

Оглавление

Предисловие	5
Вступление в часть первую	15
<i>Часть первая.</i> Первый съезд народных депутатов СССР — страстный восприемник антибольшевистских идей генерала Власова	25
<i>Часть вторая.</i> Строптивая Россия в одеждах Учредительного собраниа	157
<i>Часть третья.</i> Феномен Адольфа Гитлера — сущностный ответ большевизации России	208
Послесловие	261
Использованная литература	266

Александр Николаевич Миронов

ИСТИННОЙ
ИСТОРИИ
ИСТОКИ

Корректурa *Н. П. Драловой*
Дизайн обложки *С. И. Ващёнок*
Верстка *Е. П. Смирновой*

Изд. лицензия ЛР № 065684 от 19.02.98

Подписано в печать 16.09.2008

Формат 60X88¹/₁₆

Бумага офсетная. Гарнитура Times New Roman. Печать офсетная.

Усл.-печ. л. 15,5 Тираж 500 экз. Заказ № 16/09.

Отпечатано издательством «Геликон Плюс»

Санкт-Петербург, В. О., 1-я линия, дом 28